

Хроники тайной войны

И.Г. Атаманенко

ШПИОНСКИЙ ПАСЬЯНС

Annotation

Мата Хари не занималась шпионажем; в Лубянской тюрьме не было подвалов; оригинальные версии атомной бомбардировки Хиросимы и покушения на Леонида Брежнева; экзотические способы физического устранения Фиделя Кастро; головокружительные похождения аса шпионажа Кима Филби; неожиданные имена в когорте шпионов: Даниель Дефо, Пьер Бомарше, Сомерсет Моэм; «суперкроты» в Главном разведывательном управлении Генштаба; агенты КГБ «водят хоровод» вокруг папы римского. Все это и многое другое читатель найдет в новой книге профессионального контрразведчика и литератора Игоря Атаманенко.

В основу книги положены только факты, но она не претендует на роль справочника и читается как... захватывающий роман!

- [Игорь Атаманенко](#)
 - [Предисловие](#)
 - [Часть первая](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Часть вторая](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Часть третья](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Часть четвертая](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Часть пятая](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Часть шестая](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Часть седьмая](#)

- [Глава первая](#)
 - [Часть восьмая](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Часть девятая](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвертая](#)
 - [Глава пятая](#)
 - [Глава шестая](#)
 - [Глава седьмая](#)
 - [Глава восьмая](#)
 - [Глава девятая](#)
 - [Глава десятая](#)
 - [Глава одиннадцатая](#)
 - [Глава двенадцатая](#)
 - [Глава тринадцатая](#)
 - [Глава четырнадцатая](#)
 - [Глава пятнадцатая](#)
 - [Глава шестнадцатая](#)
 - [Часть десятая](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвертая](#)
 - [Глава пятая](#)
 - [Глава шестая](#)
 - [Вместо эпилога](#)
 - [Иллюстрации](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
-

Игорь Атаманенко
Шпионский пасьянс

Предисловие

Мэтры казуистики – наши и иноземные – преуспели, внушив нам презрение к понятию «шпион» и почитание – к понятию «разведчик». В действительности же, разница существует лишь в общественном, политическом и эмоциональном восприятии этих терминов, ибо цели, методы и техника работы как разведчиков, так и шпионов абсолютно идентичны.

Испокон века разведывательная (шпионская) деятельность была занятием непрестижным и даже подлым. Со временем отношение к нему и к людям, в него вовлечённым, менялось, и сегодня разведчики (шпионы) в общественной системе координат занимают вполне определённое позитивное место.

Агентурная разведка как неотъемлемая составная часть шпионажа существовала и была ударной силой с доисторических времён. Однако как специфический институт она сформировалась сравнительно недавно, лишь в начале XX века, после того, как разведывательные службы стали частью государственного аппарата.

1909 год в Великобритании признан точкой отсчёта официального оформления разведывательной службы – Секрет Интеллидженс Сервис (СИС). Именно в этом году британская разведка стала государственной службой и получила финансирование из государственного бюджета. Её предназначение – похищение секретов других стран и защиты собственных; обязанность – действовать эффективно как в военное время, так и в мирное.

Как только англичане обзавелись собственной спецслужбой, начались «гонки за лидером». Германия последовала за Великобританией в 1913 году; Россия – в 1917; Франция – в 1935; США – в 1947 году. Сегодня даже самое бедное государство Евросоюза или Африки не чувствует себя достигшим полного национального суверенитета, пока не создаст собственной разведки, другими словами, пока не займётся шпионажем.

Но проблема не только в том, что шпионаж стал одним из крупнейших предприятий государства. Проблема в том, что спецслужбы стали источником власти в обществе, неким тайным клубом для элиты. Умело манипулируя этой властью, они сумели воспользоваться влюблённостью в них крупных политических деятелей, таких как Джон Кеннеди и Джордж Буш-старший или Борис Ельцин и Владимир Путин. Влюблённостью,

отчасти базирующейся на произведениях литературы и кинематографа, сделавших шпиона одной из самых привлекательных фигур нашего времени...

Часть первая
Сенсации

Глава первая

Шпионка или куртизанка?

Кем была Мата Хари в действительности – шпионкой и авантюристкой или модной танцовщицей и жертвой несправедного суда? Служанкой двух разведок, добывавшей ценную информацию, или великосветской куртизанкой, баловавшейся шпионажем в поисках рискованных приключений? Принесла ли она пользу Германии, а ущерб – Франции? И, наконец, заслуживает ли она славы звезды шпионажа всех времён и народов?

Сегодня, спустя девяносто три года после казни блудливой дивы, мировая общественность демонстративно игнорирует однозначные ответы на эти вопросы...

Расстрел – предтеча легенды

Одиннадцать французских солдат из комендантского взвода, поёживаясь от холодного ветра, стояли на заросшем бурьяном плацу венсенского замка, превращённого в тюрьму. Они не знали, кого начальство приготовило для казни, и невольно вздрогнули, когда капрал и тюремный священник вывели из здания высокую женщину в белоснежном, до пят платье, расшитом жемчугом, в широкополой иссиня-чёрной шляпе с вуалью и в перчатках до локтей. Наблюдая её царственную поступь, каждый из них втайне надеялся, что в стволе именно его карабина находится патрон без пули (со времён Наполеона III, дабы не отягощать совесть бойцов расстрельных команд, им выдавали уже заряженные ружья, предупредив, что в патронник одного из них вложен холостой заряд).

Никто не сказал смертнице, где ей встать, она сама выбрала место перед шеренгой – странно! – ни дальше, ни ближе, чем полагалось по инструкции. К ней подошёл молодой лейтенант. Одной рукой он протягивал чёрную повязку, другой – верёвку. «Это так необходимо?» – откинув вуаль, усмехнулась женщина. Офицер опешил, не предполагая такой дерзости, и выжидательно посмотрел на адвоката осуждённой. Тот поморщился: «Сомневаюсь, что моя подзащитная согласится соблюсти формальности, мсье...» Лейтенант отошёл от женщины. Она стояла, с вызовом глядя на солдат. Прозвучала команда. Залпа не получилось. Выстрелы грохнули вразнобой. Женщина медленно опустилась на колени и

упала лицом в бурьян. Тюремный врач констатировал смерть, а прокурор укоризненно покачал головой: «Ваши солдаты, лейтенант, никудышные стрелки... Всего три пули в теле. К счастью, одна попала прямо в сердце...»

...Так ранним утром 15 октября 1917 года закончился земной путь реальной женщины и началась эра красивых легенд о королеве шпионажа, известной под именем Мата Хари...

Семейные обстоятельства

Мата Хари, чьё истинное имя Маргарет Гертруда Зелле, родилась 7 августа 1876 года в голландском городке Лееуварден. Все предки по линии матери – голландские крестьяне. В жилах же отца текла ещё и индонезийская кровь, что не удивительно для Голландии после трёх веков колониального владычества.

От матери Маргарет не унаследовала ни грана трудолюбия. От отца – тягу к противоположному полу, игривый нрав, богатое воображение и талант рассказчика.

В 14 лет Маргарет выглядела совершеннолетней красавицей. Наделённая какой-то животной женственностью, она была чрезвычайно обольстительно-аппетитна. Мужчин как магнитом притягивало к этой рослой смуглянке. Директор гимназии, где училась Маргарет, буквально потерял от неё голову и однажды, не сумев сдержать страсть, изнасиловал её. Чтобы избежать позора, сексапильное создание сбежало в Амстердам, где, накупив столичных газет, без устали штудировало раздел брачных объявлений. Наконец, найдя самое привлекательное, в три дня окрутила и женила на себе сорокалетнего капитана голландской армии, шотландца Рудольфа МакЛеода.

Через год совместной жизни выяснилось: джентльмен-офицер и вульгарная недоучка абсолютно не подходят друг другу. МакЛеод, рассчитывая сделать блестящую карьеру, усердно занимался самообразованием. Маргарет же испытывала непреодолимое отвращение к полезной деятельности во всех её проявлениях. Кроме того, она из принципа никогда не говорила правды...

Вскоре МакЛеоду предложили звание майора и резервный батальон на Яве. Ни буйная природа, ни древняя культура Индонезии не заинтересовали Маргарет. Со статусом офицерской жены её примирило лишь положение первой дамы в гарнизонном городке. Это положение она

безжалостно эксплуатировала, услаждая... свою плоть. Маргарет не усматривала ничего дурного в том, что время от времени – 3–5 раз в неделю – изменяла МакЛеоду с его молодыми сослуживцами. Трогательная любовь к мундирам сочеталась у неё с не менее трогательной привязанностью к вознаграждениям за эту любовь в виде морского жемчуга, золотых украшений и даже в виде... денежных знаков. «Ну а что делать?! – восклицала Маргарет, – ведь жалованье Рудольфа – это какое-то недоразумение, а я – просто нищенка!»

Навет! Ибо майор МакЛеод на своё жалованье не только содержал семью, но и построил двухэтажный дом, нанял садовника и няньку для детей. Причина была в самой Маргарет. Она, женщина вулканического темперамента, после рождения второго ребёнка и вовсе превратилась в нимфоманку: открыто флиртowała и изменяла мужу с его юными подчинёнными, чем в конце концов довела Рудольфа до физического и нервного истощения...

Из пешек в дамки

В начале 1902 года супруги МакЛеод вернулись в Голландию. Рудольф был на грани срыва и потребовал развода. Бывшей жене он установил пенсию, которой хватило бы женщине без претензий, но только не Маргарет, чей экстравагантный вкус начал поражать окружающих. Она решила посвятить себя театру и отбыла в Париж, но обнаружила, что у неё нет ни специальной подготовки, ни связей в столице. Она стала натурщицей, позируя обнажённой для театральных афиш. Но и это амплуа не принесло ей успеха. Она вышла на панель, как вдруг её ангажировал хозяин великосветского дома свиданий. Там она выучилась искусству, которое помогло ей стать самой известной и дорогой куртизанкой Старого Света...

* * *

Ещё на Яве Маргарет была очарована танцами местных красавиц. Их чувственные движения пробуждали в ней темперамент и страсть. И вот теперь в Париже, втайне от подруг-проституток она воскрешает в памяти особенно пикантные позы, откровенно сексуальные позы и провокационные изгибы тела. В поисках *своего лица* Маргарет разрабатывает собственную

модель псевдоиндийских религиозно-эротических танцев. Под руководством личного импрессарио выступает в салонах высшего света и разъезжает по частным вечеринкам, где танцует голой на столах, приводя зрителей яростно-страстными па в сексуальное бешенство. Чтобы привлечь к себе больше внимания, отныне она именуется «Леди МакЛеод». Репортёры светской хроники писали: *«...Леди МакЛеод, не являясь профессиональной артисткой, способна делать то, что делают восточные жрицы: передавать чувственный трепет. Она фантастично сексапильна, и эротическая энергия истекает от неё, как волны от радара, а мужская часть зала не может оторвать глаз от... морских биноклей, познавая с их помощью красоту её тела...»*

* * *

В марте 1903 года избранному кругу меценатов парижского Музея Востока было обещано нечто до той поры невиданное и весьма экстравагантное. Пока импрессарио «Леди МакЛеод» объяснял собравшейся элите религиозную символику шоу, по залу разливался дурманящий аромат восточных благовоний. В такт загадочной музыке, словно льющейся из дудочки заклинателя змей, медленно поднялся шёлковый занавес. Из мерцающих золотых и серебряных бликов бесшумно возникла сказочная грация и начала танцевать. Один за другим она сорвала с себя куски воздушной ткани, пока на её смуглом теле не остались лишь сверкающие золотом цепи и ожерелья из мерцающих камней...

...Искушённые парижские снобы были очарованы пряной диковинкой. Увиденное ими было чем-то на грани греха и искусства. В ту ночь разгорелась слава Маргарет. Она нашла своё лицо и тут же поведала публике заранее заготовленную автобиографию:

«Родилась я в Южной Индии, в браминской секте, где мой отец был святым, а четырнадцатилетняя мать – танцовщицей храма, которая, едва родив меня, тут же отошла в мир иной. Я воспитывалась браминскими священниками, от них и получила имя Мата Хари, что означает «Глаз Утренней Зари».

Я много лет обучалась тому же искусству, которым в совершенстве владела моя мать, – искусству религиозного эротического танца. В тринадцать лет я, готовясь расстаться с невинностью, была посвящена в тайны Веры и Любви. В ночь прихода Весны я впервые танцевала нагой на гранитном алтаре великого храма Канда-Свану.

Однажды меня увидел молодой офицер. Он был поражён красотой моего тела и печалью, источаемой моими глазами. В гневе от мысли, что я стану рабой храмовых жрецов-распутников, он похитил меня. В знак благодарности я родила ему сына. Но сына отравил слуга-брамин, а я, обезумев от горя, задушила его собственными руками. Но беда преследовала меня: мой муж умер от лихорадки. Я не могла вернуться к алтарю и уехала в Европу, чтобы раскрыть всем великие тайны мистической эротики Востока...»

Эта трогательная и вместе с тем от начала до конца лживая история довела парижскую богему до экстаза, и Маргарет стала сенсацией. «Леди МакЛеод» исчезла. Родилась Мата Хари – священная танцовщица храма.

* * *

Выступления Мата Хари в течение нескольких сезонов оставались самым модным явлением парижской жизни. Она без стеснения требовала гонорары и ей никогда не отказывали. Пара тысяч золотых франков за танец представлялась высшему свету умеренной ценой (в те годы средний заработок во Франции составлял 5 франков в день). Кроме того, каждый танец приносил ей улов в виде двух-трёх поклонников. Это были отпрыски европейских монархических династий, совершавших кинжальные набеги в Париж; это были члены французского правительства; юные офицеры и убелённые сединами генералы из многих стран. Без преувеличения, Мата Хари пользовалась таким громким успехом у великосветских волочил, что иногда не успевала... им пользоваться. Была она, ну, прямо-таки, нарасхват!

Откровенным эротизмом выступлений она потрясла всю континентальную Европу. Её приняли в балет Монте-Карло. Лишь Сергей Дягилев, в то время гастролировавший в столицах Старого Света, не пожелал взять её на роль прима-балерины в свою труппу. Впрочем, его отказ несколько не нарушил привычного хода событий. К её восторгу, словосочетание «таинственная Мата Хари» неизменно оказывало на мужчин наркотическое действие. Но к 1907 году Париж начал уставать от Мата Хари...

...Молодость осталась позади, и Мата Хари, прячась от кредиторов, пытается найти контракты в Лондоне. Однако англичане быстро поняли, что на самом деле она – вульгарная танцовщица парижского светского дна. Лондон отверг её, но Берлин, всегда отличавшийся своей тягой к грубой

эротике, принял тридцатилетнюю танцовщицу-стриптизёршу ещё более шумно, чем Париж. Теперь в Берлине она развернула бурную деятельность в постелях самых известных сынов Фатерлянда: кронпринца Вильгельма и его зятя – герцога Брауншвейгского...

Хроника шпионского промысла

13 января 1917 года Мата Хари арестовали. Предварительное следствие вёл опытный следователь французского военного министерства Луи Бушардон, участвовавший в ряде политических процессов того времени. После ознакомления с материалами, избличавшими Мата Хари как немецкую шпионку, он бесповоротно убедился в том, что бесчисленных, ничем не подкреплённых донесений французских секретных агентов о действиях Мата Хари гораздо больше, чем фактов, которые могли бы явиться реальными уликами её шпионской деятельности. Однако на суде Бушардон, идя в фарватере не менее «бесповоротных» установок правительственных чиновников, вынужден был придерживаться обвинительного уклона...

...Невозможно перечислить все провалы Антанты, в которых обвинили (или которые невольно поставили в заслугу?!) Мата Хари, в ходе состоявшегося 24 июля 1917 года судебного процесса. Официальным свидетелем обвинения от Второго Бюро (французская контрразведка) был назначен капитан Жорж Ладу. Он произнёс яркую избличающую речь. Опубликованная во всех европейских газетах, эта речь впоследствии стала прародительницей сенсационной легенды о всепроникающей супершпионке, которая и сегодня восхищает и завораживает миллионы мужчин и женщин...

Итак:

«Основываясь на информации, полученной из секретных источников, мы считаем, что именно во время пребывания в Берлине началось преступное сотрудничество подсудимой с германской разведкой. Почему именно в Берлине? Ну, во-первых, наш информатор наблюдал, как накануне войны в ресторане «Адлон» начальник берлинской полиции фон Ягов вручал ей крупную сумму денег, как было установлено в ходе предварительного следствия, – 30 тысяч немецких марок. Во-вторых, потому что руководство германской разведки не могло не понимать, что женщина, спящая с государственными деятелями Европы, обладает колоссальным шпионским потенциалом. А поняв это, не могло не завербовать её в

качестве секретного агента для работы против Французской Республики. На наш взгляд, есть и другие причины, обусловившие готовность подсудимой «таскать из огня каштаны» для кайзеровского генералитета. К примеру, закат карьеры, нанёсший её тщеславию сокрушительный удар. Кроме того, изрядно потратившись на модисток и ювелиров, а также спустив крупную сумму валюты в казино, она оказалась на мели...

Думаю, что немцам удалось сделать из неё самую эффективную агентессу, которой никогда не было ни у одной спецслужбы мира...

По заданию своих хозяев подсудимая неоднократно приезжала в Париж накануне и во время войны. С помощью «дипломатии подушек», через своих многочисленных любовников в правительственных кругах Франции, она добывала секреты особой важности и передавала их в Германию.

В соответствии с планом руководства германской разведки, а также чтобы пополнить личный бюджет, Мата Хари предложила свои услуги Второму Бюро. Но тут её постигла неудача, так как Я, капитан Жорж Ладу, – заявляю об этом торжественно и без ложной скромности, – не поверил ей!

Агенты, связь с которыми ей поручили установить в Бельгии, были нашими агентами. Их казнь, явилась самым весомым доказательством, что подсудимая работает на немцев.

Нам удалось добыть немецкий код и расшифровать телеграмму, посланную из Мадрида в Антверпен германским военным атташе Гансом фон Калле. В ней сообщалось, что агенту «Х-21» – номер, под которым подсудимая значилась у немцев, – посланы 15 тысяч франков для подкупа должностных лиц в Париже...».

Иногда разглагольствования капитана прерывались контр-аргументами адвоката подсудимой:

«Ваша честь, – обращаясь к председателю суда робко произносил доктор Клюне, – утверждение господина капитана, что подсудимая за выполнение шпионских заданий получила деньги от господина фон Ягова в ресторане, лишены логики и как следствие доказательной силы... И господин Ягов, и моя доверительница – люди весьма известные в Берлине. Если бы они были шпионским тандемом, то разумно ли с их стороны демонстрировать окружающим то, о чём не должен знать никто: об их шпионском пакте? Думается, и тут я согласен с объяснением, представленным моей доверительницей, что это была плата не шпионке, а женщине за продолжительный период интимных услуг... Не могу не обратить ваше внимание, ваша честь, на ещё один посыл господина Ладу:

15 тысяч франков, полученных моей доверительницей от военного атташе из Мадрида. И в этом случае мы имеем дело с фактом «двойной трактовки»: деньги перечислены не за шпионаж, а за оказание интимных услуг. К тому же деньги были посланы открытой почтой, что уж совсем непозволительно делать такому опытному шпиону, каким, вероятно, является господин Ганс фон Калле... Ведь он, насколько мне известно, военный разведчик... Вместе с тем заявляю с полной категоричностью, что его служебное положение не может и не должно бросать тень на мою доверительницу!»

Справедливости ради надо отметить, что подобных доводов в пользу подсудимой адвокат представил более сотни, но они так и не были приняты судом...

* * *

Судебный процесс достиг апогея, когда капитан перешёл к оглашению десяти основных пунктов обвинения:

1. Подсудимая руководила операциями немецкой агентуры во Франции.
2. У своих любовников, офицеров Антанты, выведала план обороны Франции и передала его немцам.
3. Выдала немцам сеть французской разведки из 66 секретных агентов.
4. Предупредила германское высшее командование о наступлении войск союзников в районе реки Сомма, в ходе которого они потеряли около 1 миллиона солдат и офицеров.
5. Подготовила потопление 17 британских войсковых транспортов.
6. Скрываясь под личиной сестры милосердия и выхаживая раненого штабс-капитана русской армии Вадима Маслова, – «единственного человека, которого я по-настоящему любила», – выведала с его помощью французские секретные оперативные планы.
7. Выдала немцам британский морской план, что привело к гибели крейсера «Гэмпшир» с фельдмаршалом, лордом Китченером, на борту.
8. Передала немцам планы оперативных полётов французской авиации.
9. Раздобыла секретные чертежи английского танка.
10. Передала немцам план обороны Вердена.

...Сегодня установлено, что так называемые основные пункты обвинения – сплошь лживы, ибо всё то, что инкриминировалось Мата Хари,

совершили более десятка немецких агентов, проникшие в правительственные круги и в военное министерство. Среди них были и трое женщин-агентов. Во главе тройцы – Элизабет Шрагмюллер, вошедшая в историю тайных войн спецслужб под псевдонимом «Фрау Доктор».

Более того, современные исследователи, проводившие анализ деятельности разведок Франции и Германии начала 1900-х годов, констатируют:

«...в архивах отсутствуют материалы, которые можно было бы считать уликами против Мата Хари. По нашему твёрдому убеждению, она стала идеальной фигурой «и для битья, и для бритья». Для французов – чтобы списать все просчёты своего Генштаба и принизить заслуги германского командования. Для немцев – чтобы прикрыть плеяду особо ценных агентов, инфильтрованных в правительственные органы Франции».

Почему же в ходе судебного разбирательства Мата Хари была признана виновной? Ответ прост – ко времени заседания суда свой вердикт: «виновна» уже вынесла французская пресса. Захлёбываясь от душераздирающих и щекочущих воображение обывателя подробностей, газеты обвиняли Мата Хари во всех провалах французского военного министерства. Её положение усугублялось тем, что все предъявленные ей обвинения легли в благодатную почву общественного мнения, взбудораженного огромными людскими потерями в 1914–1917 гг. В сложившейся ситуации нужно было найти фигуру для жертвоприношения. Народ Франции жаждал крови в отместку за пролитую на полях сражений, и правительство бросило Мата Хари на алтарь отечества...

Послесловие

У каждого поколения своя легенда. Иногда одна легенда может очаровать несколько поколений. Именно так случилось с Мата Хари, которую легенда сделала шпионкой высочайшей – «четыре девятки» – пробы. То, что она была великой куртизанкой, игравшей в шпионов, – вне сомнений. Но за это не расстреливают! Тогда что ещё? Увы, сегодня истину установить невозможно, ибо в легенде о нашей героине неразрывно сплелись:

- её собственная ложь;
- мифы о похождениях плеяды немецких шпионов;
- горстка реальных фактов;

- заказные статьи журналистов;
- сочинения голливудских сценаристов и импровизация киноактрис.

Кстати, по данным агентства «Экстра-Пресс», образ танцовщицы-шпионки воплотили в кино такие звёзды, как Грета Гарбо, Марлен Дитрих, Жанна Моро и Сильвия Кристель. Не исключено, что этот список ещё пополнится, а вот окончательной разгадки нам ждать недолго. В 2017 году с документов «процесса века» снимут гриф секретности. А пока имя Мата Хари остаётся окутанным флером таинственности, будем считать, что эта женщина принесла себя на алтарь собственной миссии...

Глава вторая

Лубяньские мистификаторы

Выйдя из здания бывшего КГБ СССР на Лубянской площади, я испытал жгучее желание как можно быстрее оказаться подальше от этого мрачного места. Прямо напротив парадных дверей – возможно ли это до 1992-го! – остановил таксомотор. Заметив, с каким облегчением я опустил на сидение, водитель заговорщицки подмигнул:

– Ну что, командир, правду люди говорят, что из тех подвалов, – кивок в сторону здания, – Колыму хорошо видно?

– Почему?

– Почему-почему... Во-первых, видок у тебя такой, будто ты, в натуре, месячишко на нарах отвалялся... А во-вторых, говорят, подвалы-то десятиэтажные!

– Шести... Шестиэтажные...

Ты милосердья, арестант, не проси – нет милосердных наркомов на Руси!

Выщербленные ступени, железные двери, тесные лестничные клетки. Мы долго поднимались в подвалы Лубянки. Я не оговорился. Именно поднимались. В те самые камеры особо секретной «всероссийской кутузки» ВЧК-ОГПУ-НКВД-КГБ, что расположены во внутреннем дворе дома № 2 на Лубянской площади. Отсюда и название – «внутренняя», или проще – «нутрянка».

В прошлом это двухэтажное строение, отличавшееся изяществом пропорций фасада и оконных проёмов, служило гостиницей страхового общества «Россия». Сразу после Октябрьской революции 1917 года здание дополнили четырьмя этажами с гладкими стенами и подслеповатыми квадратными окошками. В итоге получилось шестиэтажное архитектурное творение в духе нарождавшегося сталинско-казарменного стиля «б а р А к к о».

Одними из первых арестантов, обживавших «нутрянку», были некие Сергей и Ольга, родные брат и сестра. Однако прославить свою фамилию им было не суждено. За них это сделал другой...

В 1900 году будущий вождь мирового пролетариата Владимир Ульянов, вернувшись в Петербург из сибирской ссылки, решил продолжить политическую деятельность за границей. Да-да, именно за пределами Российской империи! А всё потому, что царский режим никогда бы не позволил ему заниматься подготовкой революции в России.

Но для выезда из страны нужен был заграничный паспорт. Выдаст ли его департамент полиции неблагонадёжному Ульянову – вопрос вопросов!

Известно, что количество заборов увеличивает число лазеек. И архиосторожный Ильич нашёл таковую.

С помощью Надежды Константиновны, своей жены, он разыскал бывших соратников по «Союзу борьбы за освобождение рабочего класса» – Сергея Ленина и его сестру Ольгу. Они согласились помочь своему экснаставнику выбраться на европейские просторы.

Первое, что пришло им в голову: позаимствовать заграничный паспорт у своего отца – Николая Егоровича Ленина.

Ильич с восторгом принял эту идею.

Но, во-первых, Николай Егорович почти на полвека старше Ульянова. Во-вторых, – что важнее! – не было никакой уверенности, что Ленин, крупный землевладелец ультраконсервативных взглядов, согласится отдать свой документ на нужды международного пролетарского движения.

И тогда «буревестника мировой революции» осенило: надо просто украсть паспорт!

Решено – сделано.

Вскоре Сергей Ленин передал Владимиру Ульянову паспорт своего отца. В документе были произведены соответствующие подчистки, и Владимир Ульянов, став Николаем Лениным, выехал в Германию...

...До самой смерти Крупская категорически отрицала факт знакомства Ильича с братом и сестрой Лениными и свою причастность к истории присвоения им чужих документов. Но факты – вещь упрямая. Есть свидетельства её современников, которые утверждали, что в первые годы советской власти Надежда Константиновна неоднократно встречалась с братом и сестрой Лениными и даже оказывала им материальную помощь до их заточения в Лубянскую тюрьму. Парадокс, а, может быть, закономерность истории состоит в том, что в 1920 году Сергей Ленин, «сводный брат» и соратник «Володеньки» по социал-демократическому движению, после недолгого пребывания в «нутрянке», был расстрелян по

приказу Председателя Совнаркома Владимира Ленина...

Как окунали в СУП (Система Угнетения Психики)

ИЗ ИНСТРУКЦИИ
ПО УПРАВЛЕНИЮ ВНУТРЕННЕЙ (СЕКРЕТНОЙ) ТЮРЬМОЙ
УПРАВЛЕНИЯ ДЕЛАМИ ОСОБОГО ОТДЕЛА ВЧК, УТВЕРЖДЁННОЙ 29
МАРТА 1920 ГОДА

Внутренняя (секретная) тюрьма имеет своим назначением содержание под стражей наиболее важных контр-революционеров и шпионов на то время, пока ведётся по их делам следствие, или тогда, когда в силу известных причин необходимо арестованного совершенно отрезать от внешнего мира, скрыть его местопребывание, абсолютно лишить его возможности каким-либо путём сноситься с волей, бежать и т. п.

Мешкообразное здание внутренней тюрьмы наверху оканчивается прямоугольником неба вместо потолка. Это был прогулочный дворик, поделённый глухими перегородками на шесть равных площадок. Находясь здесь, не слыша городского гула, не видя ничего, кроме неба и стен, трудно поверить, что ты – в центре мегаполиса и под ногами – не земля, а плоская крыша и внизу шесть этажей тюрьмы...

Узников сюда поднимали на грузовом лифте, двигавшемся умышленно долго и с оглушительным лязганьем, или вели мрачными лестничными маршами – словно из преисподней, наверх, к солнцу.

Огромный проём посередине, между лестницами, был затянут проволочной сеткой – во избежание попыток заключенных покончить жизнь самоубийством, бросившись вниз на бетонный пол. Отмеряя шагами краткие миги прогулки, узники считали, что их подняли на свет божий из загробных глубин, из подземельных катакомб и подвальных камер.

Прислужники Сатаны: Ягода, Ежов и лубянский маршал Лаврентий Берия, эти непревзойдённые мистификаторы, владели системой угнетения психики заключенных, которая делала их сговорчивыми. Сохранившиеся документы свидетельствуют, что они лично отдавали распоряжения, кого из узников вывести на прогулку по лестнице, а кого – для пущей острастки – поднять на лифте.

Так из мистификации родился миф о «лубянских подвалах», в которых человеческий материал перерабатывался в пыль, прах и пепел. Миф, который в советские годы передавался из поколения в поколение.

...Еще одна тюремная хитрость. Номера камерам присваивались не по порядку, а вразнобой, и заключенные не могли узнать не только их общее количество, но даже определить место своего застенка. В 1983 году, во время краткого андроповского правления, когда камеры начали переоборудовать в кабинеты, пришлось сломать несколько внутренних стен. Оказалось, что все они внутри имели ничем не заполненные полости. Таким образом узники лишались своей извечной привилегии – возможности перестукиваться друг с другом, используя «тюремный телеграф». При ударе в стену звук просто растворялся в пустоте и практически был н е с л ы ш е н.

Отсюда никогда не было побегов, и единицам удалось вернуться домой.

В шести камерах-музеях, оставленных нетронутыми в назидание грядущим поколениям, нетленный запах карболки, параши, грязного белья и кислых щей.

Гнетущая тишина затаила в себе оцепенение, ужас и отчаяние тех, кто дожидался тут своей участи.

Здесь начинаешь верить в то, что каменные стены обладают энергоинформационной памятью...

* * *

Режим «нутрянки» существенно отличался от условий обычных тюрем. Не допускалось получение информации с воли или передача каких-либо сведений из тюрьмы. Подследственным была категорически запрещена переписка с родственниками, чтение свежих газет и журналов. За исключением особо разрешённых случаев, запрещалось пользоваться письменными принадлежностями.

...Вопреки расхожему мнению, в камерах не избивали и не пытали. Тела и души подследственных увечили на допросах, которые проводились в кабинетах следователей, где стояли только столы и наглухо прикрученные к полу табуреты. Специальный инструментарий для получения признания подследственного, – как это было в застенках гестапо, – не применялся. В ходу были рукоприкладство и пытка бессонницей.

Это когда поочередно сменяющиеся следователи тебя допрашивают в течение нескольких суток кряду с перерывами на краткий, не более часа, сон. После трёх суток интенсивных допросов, в промежутках между которыми ты погружаешься не в сон – тревожное забытие – утрачивается

чувство времени. Грань между кошмарной явью и ужасом сновидений, более схожих с галлюцинациями, стирается напрочь. Появляется всеобъемлющий гнетущий страх, переходящий в панику. Ещё через двое суток ты, лишённый полноценного сна, уже не только не ориентируешься во времени, но и в пространстве, как бы перемещаясь в виртуальный мир. Связь с объективной действительностью прекращается, тобой полностью овладевает чувство богооставленности. А дальше... Дальше ты согласишься на всё, только бы вновь обрести самого себя и оказаться в реальном мире!..

...К следователям арестованных водили надзиратели под мерный, в такт каждому шагу, звон тюремных ключей. Этот аккомпанемент – не случайный атрибут тюремного быта. Услышав его на лестнице или в коридоре, один из конвойных поворачивал своего арестанта лицом к стене или вталкивал его в специально оборудованный короб и ждал, пока проведут мимо встречного арестанта. Таким образом исключалась возможность узнать заключённого, находившегося в соседней камере или на другом этаже. Бывали случаи, когда шедшая на допрос жена проходила мимо стоявшего в коробе мужа, и они не могли узнать друг друга...

Репрессированная элита

Сегодня об условиях содержания заключённых во внутренней тюрьме, о царивших в ней законах и нравах могут беспристрастно рассказать лишь документы, сохранившиеся в правовом Управлении ФСБ. Например, Учётный журнал регистрации заключённых Лубянской (внутренней) тюрьмы за 1937 год. Это толстое, в пятьсот листов, дело с картонными обложками, напоминающими серо-коричневый с красными прожилками мрамор. Красновато-бурая паутина напоминает подтёки крови, запёкшиеся на тюремном полу...

ИЗ УЧЁТНОГО ЖУРНАЛА ЗАКЛЮЧЁННЫХ ВНУТРЕННЕЙ ТЮРЬМЫ ЗА 1937 ГОД

Арестованный №-365 Бухарин Николай Иванович, 1888–1938 гг. (отметки о фотографии нет. Видимо, в этом не было никакой надобности – редактора «Правды» и «Известий» знали все). Прибыл 28 февраля 1937 г., выбыл в Лефортово 14 марта 1938 г.

Арестованный №-1615 Рудзутак Ян Эрнестович, 1887–1938 гг. (участник революции 1905–1907 гг. в Риге, революции 1917 г. в Москве, нарком путей сообщения, генеральный секретарь ВЦСПС). Прибыл 5

сентября, убыл в Лефортовскую тюрьму 5 октября 1937 г.

Арестованный №-2068 Туполев Андрей Николаевич, 1888–1972 гг. (выдающийся советский авиаконструктор в будущем академик АН СССР, трижды Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Государственной премий. В Лубянской тюрьме находился дважды с 23 октября 1937 г., то есть ровно через четыре месяца после легендарного сверхдальнего перелёта самолёта, им же и изобретённого!) по 8 октября 1938 г., и с 18 января по 17 июня 1939 г., выбыл в Бутырскую тюрьму.

Арестованный №-2146 Артём Весёлый (Кочкуров Николай Иванович, 1899–1939 гг. (русский советский писатель, автор книги «Россия, кровью умытая» – о победе народа в Октябрьской революции 1917 года и Гражданской войне, исторического романа о Ермаке «Гуляй-Волга»). Во внутренней тюрьме также находился дважды – с 1 ноября по 27 декабря 1937 г. и с 12 января по 7 апреля 1938 г., выбыл в Лефортовскую тюрьму. Арестованный №-2631 Вацетис Иоаким Иоакимович, 1873–1938 гг. (командарм 2-го ранга, в Гражданскую войну – главком Вооружённых Сил Республики). В «нутрянке» с 10 декабря 1937 г. по 9 января 1938 г., выбыл в Лефортовскую тюрьму.

Справка:

Отметка в Учётном журнале об убытии арестанта в Лефортово или Лефортовскую тюрьму означала расстрел.

...Всего с 1 января по 31 декабря в роковой 1937 год в Лубянскую тюрьму были помещены 2857 человек. Всех допросили, составили протоколы и через какое-то время вручили подорожную – кому в Бутырку, другим в Лефортово, то есть в вечность. Лишь 24 человека были отпущены домой. Хотя, кто знал, надолго ли...

Даже в дни революционных праздников не останавливался набравший обороты маховик репрессий.

1 мая 1937 года в «нутрянку» было помещено 4 узника. 7 ноября – 5. 21 декабря, в день рождения Сталина, – «врагов народа». Это не выходило за пределы среднесуточной нормы Лубянской тюрьмы: от 2 до 20 человек. Когда же наступил последний день этого смертельно страшного года, тюрьма, будто спохватившись о двух дюжинах отпущенных на волю арестантов, тут же поглотила ещё 24 человека!..

В «нутрянке» бывали узники, помнившие ещё царские тюрьмы, каторги и ссылки. В сентябре 1937 года туда была доставлена Мария Александровна Спиридонова. В прошлом боевик, лидер партии левых эсеров – она ещё в начале века уничтожила подавлявшие крестьянские восстания в Тамбовской губернии генерала Г.Н. Леженоского. За этот теракт царское правительство приговорило её к повешению, но заменило смертную казнь вечной каторгой.

Октябрьская революция 1917 года освободила террористку. Однако в 1918 году Спиридонова – вдохновитель левозэсеровского мятежа и убийства германского посла Мирбаха – вновь за решёткой. Потом амнистия ВЦИК и снова застенки. Всего за годы советской власти её общий арестантский стаж составил 10 лет тюрьмы и 12 лет ссылки.

11 сентября 1941 года Спиридонова была расстреляна по приговору Военной Коллегии. Возможно, всё обошлось бы и без расстрела, но у ворот Белокаменной стояли фашистские полчища, и на содержание безнадёжных арестантов не было более ни средств, ни сил...

От тюрьмы до музея – один росчерк пера

Последним постояльцем «нутрянки» стал Виктор Ильин, тираноборец-одиночка. 21 января 1969 года он разрядил две обоймы, стреляя из двух пистолетов в Генерального секретаря ЦК КПСС Леонида Брежнева.

Гримаса судьбы: 16 пуль впились в «Чайку» с космонавтами, где на переднем сидении находился дважды Герой Советского Союза лётчик-космонавт Георгий Береговой, имевший поразительное внешнее сходство с генсеком.

После медицинского освидетельствования Ильин был признан психически больным и помещён в Казанскую спец-психбольницу.

12 июня 1988 года Ильина этапировали из Казани на Лубянку, где он в течение трёх часов общался с руководителями Следственного управления КГБ СССР. После подписания соответствующих бумаг последний узник «нутрянки» был отпущен на все четыре стороны.

* * *

С расстрелом Лаврентия Берии закончился золотой век «нутрянки». К декабрю 1953 года из 570 кроватей в ней были заняты лишь 170, а на 1

января следующего года в Лубянской тюрьме содержались лишь 97 человек.

В годы горбачёвской перестройки, когда началось движение от развитого социализма к недоразвитой демократии, шесть камер Лубянской тюрьмы, этого института лагерно-социалистической государственности, вслед за высочайшим повелением Политбюро ЦК КПСС были превращены в музей.

С декабря 1989 года он открыт для посещения лицами, имеющими допуск к секретным документам...

Глава третья

Писатели-шпионы

Мы привыкли, что героями шпионских историй всегда были либо сотрудники спецслужб, либо дипломаты, либо политики. А между тем шпионажем успешно занимались и посвятили ему бóльшую часть своей жизни многие писатели. Да ещё и всемирно известные!

1. Сто псевдонимов автора «Робинзона Крузо»

Коммерсант-банкрот

Предки нашего героя, носившие фамилию Фо, в XVI веке иммигрировали в Англию из Фландрии. Всерьёз занявшись литературным трудом, урождённый Даниэль Фо превратил свою подпись «Д. Фо» в единое целое и впоследствии весьма поднаторел в изобретении для себя разных псевдонимов. Но это потом, а сначала он окончил полный курс духовной академии, где овладел французским, испанским и итальянским языками. Вооружился знанием философии, истории, географии, стенографии. Покинув заведение, занялся коммерцией. По торговым делам объездил полсвета. Побывал в плену у пиратов. Разводил мускусных кошек (их выделения использовались в парфюмерии) и, по его собственному признанию, *«тринадцать раз богател и терял нажитое состояние в новых спекуляциях»*.

Много лет спустя, будучи приближен ко двору английского короля Вильяма III, Дефо восстановил утраченное в спекулятивных играх состояние, а также приобрёл влиятельного патрона в лице Роберта Харли, министра королевского двора. Дальнейшие события показали, что это знакомство – не счастливый случай, это – судьба.

Идеолог королевского двора

В 1704 году Дефо начал издавать *собственную* газету «Обозрение», которую субсидировал... королевский двор. Дефо, единственный автор, писал стихи, очерки, статьи. Выступал то под своим именем, то как Александр Голдсмит, он же Андре Моретон, он же Клод Гийо, он же... И так – до бесконечности. Своими произведениями Дефо должен был навязывать обществу строго определённые вкусы и мнения; распространять ложную или адресную информацию; убивать в зародыше

любые тайные заговоры против Унии – о намечаемом объединении Англии с Шотландией.

Пропагандистские акции, которые в XVIII веке успешно осуществлял Дефо через «Обозрение», сегодня в оперативном словаре спецслужб именуется как *активные мероприятия*. А их инициатора эксперты разведки называют *родоначальником тайных идеологических операций*.

Аромат шпионажа

С 1706 года основным видом общественной деятельности Дефо стал шпионаж. Но т-с-с! О том, что он, маститый литератор, стал шпионом государственного значения, было известно лишь Роберту Харли.

9 января Дефо доложил ему проект создания шпионской сети для борьбы с врагами правительства как внутри Англии, так и за её пределами. В заключение Дефо с пафосом произнёс: *«Я убеждён, что мой проект, будучи взят вами за основу, заложит фундамент такой разведки, какой никогда ещё не знала Англия!»*

Харли дал высокую оценку проекту и назначил Дефо главой секретной службы Англии.

...В июле Дефо под именем Александра Голдсмита объехал восточную и западную части страны, настороженно прислушиваясь к разговорам в гостиницах, тавернах, в дорожных каретах и пытаясь таким образом определить политические настроения, выяснить шансы правительства на предстоящих выборах в парламент.

По возвращении Дефо с гордостью заявил Харли: *«Я уверен, что имею полное представление об этих частях Англии, так как на сегодня в моём распоряжении имеются корреспонденты в каждом городе и в каждом посёлке»*.

Вскоре агенты (***корреспонденты***) Дефо проникли и за рубеж. Центрами сбора информации стали Париж, Дюнкерк, Брест и Тулон. От короля Дефо получил дарственную на ведение тайных операций на этой территории. И этому делу он отдался всецело, о чём свидетельствует запись в его дневнике: *«Во время моих инспекционных поездок за пределы Англии я всей грудью вдыхаю аромат шпионажа»*.

В течение последующих десяти лет Дефо, несмотря на смену вигских и торийских правительств, оставался главой английской секретной службы.

А всё потому, что обострённое политическое обоняние никогда его не подводило...

Праотец секретной службы

Осенью 1706 года Дефо по заданию Харли выехал в Эдинбург, столицу Шотландии, которая в то время ещё была независимым государством. Дефо

должен был разобраться в политической обстановке страны и, установив степень лояльности населения к английской королевской власти, определить вероятность заключения англо-шотландской Унии.

Дефо выступал в разных ипостосях. Беседуя с рыбаками, он интересовался рыбным промыслом; купцам говорил, что намерен завести стеклодувное предприятие, льняное или шерстяное производство; с пасторами рассуждал о переводах библейских псалмов; учёным мужам выдавал себя за историка, изучающего отношения между Англией и Шотландией, и т. д.

«Сэр, – писал Дефо Роберту Харли, – мои шпионы и получающие от меня плату люди находятся повсюду. Признаюсь, здесь самое простое дело – нанять человека для того, чтобы он предал своих друзей».

Исследователи истории возникновения английских спецслужб утверждают, что с появлением Дефо на политической арене пробил час рождения Сикрет Интеллидженс Сервис – английской секретной службы.

Пропуск в бессмертие

После смерти королевы Анны английский престол занял Георг I, немец, не знавший ни слова по-английски. Харли был заточён в Тауэр, а Дефо, несмотря на то, что находился в зените шпионской славы, отлучён от политики. Это случилось в 1719 году. К счастью для читающего человечества.

В течение года Дефо создаст много произведений, но обретёт бессмертие благодаря лишь одному: *«Жизнь и удивительные приключения Робинзона Крузо»*...

* * *

Когда Дефо исполнилось 70 лет, он неожиданно исчез. Исследователи жизни и творчества великого писателя два столетия ломали головы над тем, от какого таинственного недруга он скрывался. Лишь во второй половине XX века удалось добраться до разгадки. Дефо прятался от самого *неумолимого* врага – кредиторов, проделывая это с использованием всех известных ему приёмов секретной службы...

2. Фигаро здесь, Фигаро там...

Из часовщика в советники короля

Пьер-Огюстен Бомарше, обессмертивший своё имя пьесами «Севильский цирюльник» и «Женитьба Фигаро», большую часть жизни посвятил не драматургии, а любовным похождениям, спекуляциям, дуэлям, публичным скандалам, и... шпионажу.

...В двадцать пять лет Бомарше, благодаря своему интригабельному уму и познаниям в механике, стал личным часовщиком короля Людовика XV. Освоившись в придворных кругах, блестяще образованный и неотразимо красивый молодой плут женился на овдовевшей фрейлине королевы. Она была много старше и богаче. На её деньги он купил дворянское звание, имя Пьер-Огюстен Карон де Бомарше и пост контролёра королевской кладовой.

Со временем он стал одним из самых доверенных советников короля и преуспел в выполнении его наиболее деликатных поручений. Можно сказать, они нашли друг друга, потому что оба считали *тайные операции* неотъемлемой частью французской политики, направленной против Англии.

Вербовщик Его Королевского Величества

Первым заданием *государственной важности* была операция по спасению репутации Людовика XV. Некий Моранд, литератор, собирался ввезти во Францию изданные в Англии скандальные памфлеты: «Как потаскуха становится любовницей короля», «Записки публичной женщины» и «Жизнь одной куртизанки», в которых смаковал амурные похождения любовницы короля мадам дю Бари.

Король поставил перед Бомарше задачу: во что бы то ни стало лишить Моранда его ядовитого жала – памфлетов.

Прибыв в Лондон, Бомарше разыскал Моранда и заставил его отказаться от своего намерения. За огромные деньги приобрёл у него рукопись и все печатные экземпляры памфлета. Более того, завербовал Моранда, отобрав у него подписку о добровольном согласии действовать в интересах Франции.

О проведенной вербовке Бомарше доложил королю в письме:

*«Я оставил в Лондоне своим политическим шпионом автора известных Вашему Величеству пасквилей. Он готов предупредить меня обо всех затеях подобного рода, готовящихся в Лондоне. Это **пронрыливый браконьер**, из которого мне удалось сделать **отличного егеря**. Под предлогом выполнения им литературных изысканий можно будет, прикрывая истинные мотивы, выплачивать ему определённое жалованье за шпионаж и тайные донесения. Кроме того, я обязал этого человека собирать сведения о всех французах, прибывающих в Лондон, и*

сообщать мне имена и дела, их привлекишие. Полагаю, что его тайные сообщения будут затрагивать также бесконечное множество других политических дел, о которых Ваше Величество всегда будет вовремя извещён мною».

Ангел-хранитель монархов

В апреле 1775 года следующим работодателем и благодетелем Бомарше стал Людовик XVI. Как и его почивший в бозе предшественник, он питал лютую ненависть к Англии вообще и английской монархии, в частности. Не удивительно, что уже через неделю Бомарше вновь оказался в Лондоне. На этот раз ему предписывалось найти некоего шевалье д'Эон де Бомон. Этот проходимец располагал документами, которыми шантажировал французский королевский двор. Речь шла о письмах Людовика XV, которые содержали тезисы плана по высадке военного десанта на британском побережье. И хотя венценосец был мёртв, эти тезисы, получи они огласку, легко могли спровоцировать войну между Англией и Францией. Бомарше обязан был не допустить этого. Но прежде он навёл справки о шевалье. Выяснилось, что тот уже успел напакостить в европейских монарших дворах, в том числе и в России. Загримировавшись женщиной (!), сластолюбец пробрался в окружение Екатерины II и начал лишать невинности молодых фрейлин...

...Прожжённые авантюристы д'Эон и Бомарше быстро нашли общий язык. Золотом, лестью и посулами Бомарше удалось отговорить шевалье давать ход злополучным письмам. Более того, он заставил д'Эона письменно подтвердить устную договорённость об оказании тайных услуг французскому королю.

Выражаясь языком современных спецслужб, Бомарше закрепил вербовку д'Эона отбором подписки о секретном сотрудничестве.

Основатель «подставных фирм»

Находясь в Лондоне, Бомарше при содействии д'Эона подружился с неким Артуром Ли, представителем Англии в североамериканских колониях.

Это был период борьбы колонистов за свою независимость. Французский королевский двор, чтобы покруче насолить английскому королю, всячески поощрял переселенцев из Старого Света, восставших против британского владычества.

Людовик XVI приказал Бомарше закупить военное снаряжение и переправить его в Америку. Обладая изощрённой фантазией для выполнения авантюрных акций, Бомарше основал экспортно-импортное предприятие «Горталез и К°».

Всего через эту фиктивную контору к берегам Америки были направлены 50 судов с военным снаряжением. Официально они направлялись во французскую Вест-Индию, но на полпути меняли курс и оказывались в портах американского побережья.

Проведя эту масштабную операцию, Бомарше ещё раз подтвердил давно укоренившуюся за ним репутацию человека, по пятам которого неотступно следует удача.

Необходимо отметить, что наработки Бомарше и сегодня используются спецслужбами, а фиктивные предприятия в шпионской практике открываются повсеместно и именуются *подставными фирмами*.

...В феврале 1778 года между Соединёнными Штатами Америки и Францией при непосредственном участии чрезвычайного и полномочного представителя французского короля Пьера-Огюстена Карона де Бомарше был заключён союз.

* * *

Последние 10 лет жизни Бомарше провёл в головокружительных аферах, но все они не имели ничего общего со шпионажем.

За полгода до своей кончины этот неуёмной энергии человек всего себя посвятил авиации и аэронавтике, о чём свидетельствуют записи в его дневнике: *«Одна из самых величественных идей науки... это, безусловно, подъём тяжёлых тел в лёгкой воздушной среде...»*

3. Бремя страстей... шпионских

Нищенствующий патриот

Уильям Сомерсет Моэм родился 25 января 1874 года в семье адвоката, служившего в английском посольстве в Париже. В 10 лет мальчик осиротел – его родители в разное время умерли от заболевания лёгких. В 15 лет перенёс тяжёлую форму плеврита и был вынужден оставить школу. В 16 лет успешно сдал вступительные экзамены и был зачислен на медицинский факультет одного из самых престижных университетов Европы – Гейдельбергского.

Уильяму исполнилось 23 года, когда вышел в свет его первый роман «Бремя страстей человеческих» («Of Human Bondage»). С 1897 по 1914 год он ежегодно выпускал по одной книге, став признанным писателем и

драматургом Европы.

...Из-за маленького роста (152 см) Моэма признали негодным к строевой службе и он не попал на фронты Первой мировой войны. Устроился шофёром в Красный Крест. В 1915 году на него обратил внимание офицер из Секрет Интеллидженс Сервис (СИС) и завербовал в качестве секретного агента.

Кандидатура Моэма как нельзя лучше подходила для работы за пределами туманного Альбиона. Во-первых, он, прожив несколько лет во Франции и Германии, свободно владел немецким и французским языками. Во-вторых, у него было реальное *прикрытие* – литературная деятельность.

* * *

Моэм почти год находился в Швейцарии, где вёл наблюдение за лицами, подозреваемыми в шпионаже в пользу Германии. Поддерживал контакты с представителями различных спецслужб союзников. Регулярно направлял в СИС подробные отчёты и одновременно работал над пьесами.

В женевском отеле «Бо Риваж» Моэм познакомился со своими коллегами-писателями, привлечёнными к работе английской разведкой, – Джозефом Конрадом, Джеральдом Келли и Сирилом Генри Коулсом.

Как-то раз к Моэму в номер заглянули швейцарские полицейские. Случилось это в тот момент, когда он составлял очередной отчёт в Лондон.

На вопрос стражей: «Чем вы здесь занимаетесь?» Моэм простодушно ответил: «Пищу пьесу».

«А почему в Женеве?» – не унимались полицейские. – «Потому что в Лондоне сыро!»

Так сработало прикрытие Моэма-агента.

...По его собственному признанию: *«жизнь шпиона в Женеве была монотонна, зачастую лишена смысла и совершенно непохожа на ту, какой её обычно изображают».*

Однако именно там Моэм отыскал своего героя, Ашендена, – по существу самого себя, который стал главным действующим лицом не только одноимённого романа, но и других шпионских боевиков. Эти произведения настолько правдиво отображали реалии жизни и оперативную деятельность, что четырнадцать (!) из них Моэм был вынужден сжечь. Случилось это после того, как Уинстон Черчилль, ознакомившись с рукописями, заявил: *«Сэр, вы нарушаете Акт о государственной тайне!»*

В 1917 году Моэм решил завершить свою карьеру в СИС. Уильяму Уайзмэну, своему шефу, он отослал письмо, в котором в завуалированной форме посетовал на безденежье: *«Уважаемый сэр! Здесь, в Швейцарии, я – единственный, кто работает, отказавшись от денег... А недавно я узнал, что мой поступок коллеги расценивают не как проявление патриотизма, а как проявление глупости...»*

Однако сэр Уильям Уайзмэн уговорил Моэма поехать в Россию...

Из России с... туберкулёзом

18 июля 1917 года Моэм получил 21 тысячу долларов (огромные деньги по тем временам!) и с паспортом на имя американского репортёра Джона Сомервиля отправился в Россию. Он получил задание поддерживать руководство партии меньшевиков и помешать планам большевиков вывести страну из войны. В Петрограде Моэм вошёл в контакт с Александром Керенским, который 18 октября послал его в Лондон. «Сомервиль» должен был передать британским властям отчаянную просьбу премьера-неудачника оказать помощь в создании армии для борьбы с большевиками. Прибыв в Лондон, Моэм был приглашён к Ллойд-Джорджу. Тот принял Моэма любезно и выразил восхищение его пьесами. Но Моэму было не до комплиментов. Вежливо прервав премьер-министра, он подал ему письмо от Керенского. Бегло ознакомившись с текстом, Ллойд-Джордж тихо сказал:

– Я не могу этого сделать.

– Что я должен передать Керенскому? – спросил Моэм.

– Просто... Что я не могу этого сделать! – извинившись, премьер вышел. Моэм остался наедине со своими мыслями: как снова попасть в Россию.

События изменили его планы. 7 ноября Керенский был свергнут, и большевики захватили власть. Несмотря на явный провал своей миссии, Моэм был доволен результатами поездки – он собрал объёмный материал для рассказов об Ашендене.

...Два с половиной месяца, проведённых в России, пагубно отразились на здоровье Моэма. Врачи нашли у него признаки туберкулёза. Будучи на докладе у Уильяма Уайзмэна, Моэм поинтересовался, не планирует ли шеф направить его вновь в Россию.

– Нет! – был ответ. – Сейчас для нас главное – удержать Румынию.

Туда Сомерсету ехать не хотелось.

– У меня туберкулёз, – пробормотал он.

– Ну вот и хорошо! – Уайзмэн потёр руки. – Езжайте в санаторий и скорее выздоравливайте!»

Так закончилось пребывание Уильяма Сомерсета Моэма в Секрет Интеллидженс Сервис.

Прожив долгую – девяносто один год – жизнь, он погиб не в плаще и не от удара кинжалом, а тихо скончался в санатории для лёгочных больных в Швейцарских Альпах...

* * *

...Западные литературоведы и критики считают, что Моэм – первый автор шпионских романов, описавший в них реальные события собственной жизни, жизни бывшего разведчика. Оценивая роман «Ашенден» и общий вклад Моэма в развитие шпионской беллетристики, Энтони Мастерс, обозреватель литературной редакции газеты «Таймс», писал: *«Ашенден» оказал серьёзное влияние на всю послевоенную шпионскую литературу. Грэм Грин, Джон Ле Карре и Лен Дейтон создали убедительный тип героя: разведчика средних лет, циничного склада, загнанного в ритуальные рамки своей профессии. Но следует признать, что из всех шпионских историй приключения Ашендена наиболее близки к реальным событиям из жизни его создателя».*

4. Агент 007 на тайной службе Ее Величества

Путь наверх

28 мая 1908 года в семье английского миллионера Валентина Флеминга родился второй сын, которого назвали Йен Ланкастер. Став писателем, он сменил своё имя на короткое и звучное, как выстрел, Ян.

Проучившись два года в Итонском университете и столько же в Сандхерстском военном колледже, Йен решил поступить на дипломатическую службу. Усердно готовился к вступительным экзаменам и уже через год овладел немецким и французским языками. Однако в Форин-оффис не прошёл по конкурсу, получив неуд за... сочинение. Проявив предприимчивость, юноша устроился ассистентом репортёра в информационное агентство Рейтер.

...Зная стремление английских спецслужб использовать журналистов в своих целях и наблюдая, как стремительно поднимался по карьерной лестнице недоучка Флеминг, резонно предположить, что именно в Рейтер на него вышли офицеры-вербовщики из Секрет Интеллидженс Сервис

(СИС). Эти охотники за головами, изучив биографию, личные и деловые качества молодого человека, решили привлечь его к негласному сотрудничеству. И выдали ему такой аванс, от которого он не мог отказаться. Контракт был заключён на взаимовыгодных условиях. Иначе чем можно объяснить направление Флеминга, несостоявшегося журналиста, в престижную и весьма ответственную командировку в СССР?

...В 1933 году в Москве проходил судебный процесс над шестью служащими английской компании «Виккерс», которым инкриминировали шпионскую деятельность. Доказательная база обвинения была настолько безупречна, что двое подсудимых признались, что являются кадровыми сотрудниками английской разведки.

...Работодатели из Рейтер были довольны репортажами Флеминга о ходе судебного заседания. Он ещё не вернулся в Лондон, а ему уже оформили командировку в Берлин для отбора интервью у Гитлера. Однако по настоянию операторов из СИС Флеминг выступил в другом амплуа – стал биржевым брокером. Но не надолго...

* * *

В мае 1939 года Флеминг вновь посетил Москву. На этот раз в составе торговой делегации. Официально он представлял газету «Таймс». Фактической же целью его поездки был сбор информации о морально-психологическом состоянии комсостава Красной армии.

В ходе визита Йен, на зависть коллегам-репортёрам, имел уникальную возможность общаться, хотя и через переводчика, с тремя народными комиссарами СССР: Максимом Литвиновым, наркомом иностранных дел, Анастасом Микояном, наркомом внешней торговли, и Климентом Ворошиловым, наркомом обороны.

По возвращении в Англию Флеминг в своём отчёте дал глубокий анализ военному потенциалу Советского Союза.

Его доклад настолько впечатлил руководителей СИС, что они решили изменить статус Флеминга и перевели его из негласных сотрудников в кадровые. Ошиблись, так как не придали значения аксиоме: *«Из хорошего фельдшера редко выходит хороший врач»*. Скоро они осознают свою оплошность, а пока... Йен Ланкастер Флеминг был произведён в капитан-лейтенанты резерва Королевских военно-морских сил.

...Официальная служба Флеминга в разведке длилась семь лет. Вопреки расхожему мнению, он не имел отношения к разведывательным

операциям – был кабинетным служакой. Испытывая комплекс не востребоваемости, он, чтобы хоть как-то уравнять себя с сослуживцами-оперативниками, неизменно носил с собой десантный нож и авторучку, заправленную слезоточивым газом.

К явной заслуге Флеминга можно отнести лишь помощь, оказанную им при формировании 30-го штурмового отряда Королевских ВМС, который занимался технической разведкой в 1939–1945 гг.

Жизнь наверху

В 1946 году Йен Ланкастер Флеминг как бесперспективный сотрудник был отправлен в отставку.

Задав себе риторический вопрос: *прошла война, а где же ордена?* – сам же на него и ответил: *не везёт на службе – повезёт в семье!* После чего сделал предложение обладательнице наследства в 1 миллион долларов.

Супруги поселились на Ямайке, где 3 года вели беззаботную жизнь богатых рантье. Всё изменилось, когда Йен встретился со своим старшим братом, служившим в Управлении специальных операций (УСО) Великобритании. Направляясь по делам службы в Соединённые Штаты, Питер Флеминг решил денёк погостить у Йена. Но пробыл неделю. Большую часть суток родственники проводили в барах. Питер, володав британской разведки и любитель дармовой выпивки, говорил, говорил и говорил. В его пьяных разглагольствованиях о секретных операциях УСО Йен и почерпнул материал для своих шпионских боевиков. Наблюдая за братом, будущий автор суперпопулярных книг мысленно создавал образ Джеймса Бонда, всепроникающего агента 007. А прототипом босса Джеймса Бонда (мистера «М») послужил начальник самого Йена: директор морской разведки – контр-адмирал Джон Годфри.

* * *

В 1950-м Флеминг, чтобы пополнить досье на агента 007, перебрался в Англию, поближе к архивам Секрет Интеллидженс Сервис. С этой же целью выезжал в Соединённые Штаты, где встречался с главой представительства британских спецслужб в США Уильямом Стивенсоном и директором Управления Стратегических Служб (ныне – ЦРУ) Уильямом Донованом.

В 1953-м вышел первый роман о похождениях Джеймса Бонда – «Казино Ройяль» («Casino Royal»), а первым человеком, который разрекламировал Бонда и его творца, был президент Джон Кеннеди. В 1961

году в интервью журналу «Time» он сказал, что роман «Из России с любовью» («From Russia with Love») входит в десятку его самых любимых книг. После этого началось триумфальное шествие Джеймса Бонда по миру и *звёздный период* жизни Флеминга-писателя.

«Бондиада» насчитывает всего 14 книг, зато общий тираж в 1961–1970 гг. превысил 500 миллионов (!) экземпляров. В течение этого срока кассовые сборы от проката фильмов о Джеймсе Бонде достигли 10 миллиардов долларов (с поправкой на сегодня это более 200 миллиардов долларов).

История мирового кинематографа не знает прецедентов.

...По мнению ветеранов английских и американских спецслужб, Флеминг, не имея возможности реализовать свои шпионские амбиции во время войны, воплотил их в своих романах-боевиках. Он, играющий в шпионов литератор, с помощью Джеймса Бонда попытался обрести свою нишу в разведывательном сообществе Старого и Нового Света. И ведь преуспел!

* * *

10 августа 1964 года Ян Флеминг во время игры в гольф почувствовал себя плохо. Его отвезли в лондонский военный госпиталь, где в ночь на 13 августа он скончался.

Похоронили Яна Ланкастера Флеминга на кладбище Севен-Хэмптон, что в графстве Глостершир.

В тот же день ведущие газеты США и Англии поведали миру, что адмирал Годфри, узнав о смерти Флеминга, воскликнул: *«Я всегда считал, что это он должен был стать начальником военно-морской разведки, а я – его подчинённым!»*

Никого не смутило, что тело Джона Годфри уже два года покоилось на Хайгейтском кладбище...

Часть вторая
Версии

Глава первая

«Не нужен нам берег турецкий...»

В современной историографии прочно укоренились несколько основных трактовок причин, побудивших Соединённые Штаты провести атомные бомбардировки японских городов Хиросима и Нагасаки.

Некоторые историки утверждают, что США этой акцией намеривались присвоить себе плоды разгрома Красной армией японской военной машины.

Находятся специалисты, которые склонны расценивать действия американского президента Трумэна как акт мести за предательское нападение Японии на военно-морскую базу США в Пёрл-Харборе, где погиб весь американский тихо-океанский флот.

Более серьёзные исследователи считают, что Трумэн опасался, как бы в случае какой-то модификации требования о безоговорочной капитуляции японцы не сдались только Москве. В таком случае победа ускользала бы из рук американцев. А проведя атомную бомбардировку, они доказали мировому сообществу, что наибольший вклад в усмирение агрессора, Японии, внесли именно Соединённые Штаты.

Многие специалисты утверждают, что президенту США применение атомной бомбы против японцев было необходимо для демонстрации перед всем миром американской мощи и запугивания Советского Союза с целью сделать его покладистым на переговорах по послевоенному переустройству Европы.

Но о каком запугивании на переговорах может идти речь, если участь Восточной Европы уже была решена «Большой тройкой» в ходе Крымской и Потсдамской конференций, а других переговоров с участием президента США, премьер-министра Англии и Сталина не предвиделось?

В предлагаемой Вашему вниманию заметке автор придерживается собственной, отличной от других, широко известных, точек зрения. Считает, что бомбардировкой мирных японских городов Трумэн намеревался прежде всего погрозить Советскому Союзу «атомной дубинкой», чтобы предостеречь его от некоторых шагов, но не в Восточной Европе, а в Азии.

Изучение ряда документов, а также свидетельства участников тех событий говорят в пользу этой гипотезы...

Миллион янычар на границе с Арменией

Из истории Великой Отечественной войны просвещённому читателю хорошо известно, что до ноября 1941 года советское Верховное командование, опасаясь нападения японцев, было вынуждено держать на Дальнем Востоке огромную войсковую группировку, более миллиона солдат и офицеров, оснащённых соответствующим количеством танков, орудий и самолётов.

Только после получения разведданных, в том числе и от Рихарда Зорге, что императорская Япония не вступит в войну против нас на стороне Германии, десятки дивизий крепышей-сибиряков были спешно переброшены под Москву и, по сути, решили судьбу столицы, а возможно, и всего СССР...

Десятки исторических исследований, сотни публикаций посвящены блокированию нашей миллионной войсковой группировки в Дальневосточном регионе. А между тем историки почему-то забывают указать, что не меньшая по числу боевого состава и количеству техники – до 20 дивизий отборных войск, то есть три полностью укомплектованные армии – в качестве «сил сдерживания» были сосредоточены на границе с Турцией.

Войска дислоцировались не только в республиках советского Закавказья, но и в Иране, в районе города Тебриз, в том самом месте, где сходились границы СССР, Турции, Ирака и Ирана.

Факт малоизвестный, но абсолютно достоверный.

Согласно 6-й статье советско-иранского договора, подписанного в 1921 году, Советское правительство имело право ввести в Иран свои войска, если какая-то третья держава попытается превратить его территорию в базу для военных выступлений против Советской России.

Как только Главное разведывательное управление Генштаба Красной армии добыло сведения, что на границе с Арменией Турция сосредоточила около миллиона солдат-янычар с целью оккупировать нашу часть Закавказья, советское Верховное командование не преминуло воспользоваться условиями договора и в августе 1941 года ввело на территорию Ирана сначала 12, а затем еще 5 дивизий.

Эта акция настолько отрезвила горячие головы в турецких штабах, что военное командование Турции решило отложить вторжение на территорию Грузии, Армении и Азербайджана до взятия Гитлером Москвы.

Кроме того, турки понимали, что их группировка вынуждена будет

действовать в невыгодных условиях: в то время как ей пришлось бы наступать в горно-лесистой, непроходимой для танков и тяжёлых орудий местности, советские войска имели возможность ударить ей в правый (северный) фланг, двигаясь по равнине.

В дальнейшем, несмотря на то, что Москва не была взята, Турция не отказалась от своих планов осуществить вторжение на территорию нашего Закавказья, а выжидала удобного момента и постоянно наращивала количество войск и техники на границе с Арменией.

Зная об этих планах турецкой военщины, советское Верховное командование по-прежнему вынуждено было держать в районе Тебриза 20 полностью укомплектованных дивизий.

Даёшь Стамбул!

К маю 1945 года, когда исход войны был предрешён и стало ясно, что освобождённые Красной армией страны Восточной Европы изберут социалистический путь развития, среди некоторых членов Президиума ВКП(б) все большую популярность приобретала идея вернуть в состав СССР исконно армянские земли, насильственно отторгнутые и присоединённые Турцией к своим территориям в 1918 году.

Земли армян, огнём и мечом завоеванные турками, составляли, ни много ни мало, почти треть всей площади современной Турции, по сути, всю её северо-восточную часть от города Карс до города Эрзурум и далее на запад.

Причём Армянское нагорье с долиной озера Ван является самой плодородной частью всей Турции и по сей день кормит всю страну.

Искушение одним мощным броском пройти от иранской границы до самого Стамбула не являлось коллективной фантазией, а подкреплялось присутствием трех наших отборных армий, сосредоточенных в районе Тебриза.

Да и политическое обоснование акции имелось.

Прежде всего, на территориях, которые предполагалось освободить, на 95 % проживало дружественно настроенное к нам население – армяне, и до 1917 года она входила в состав Российской империи, перейдя к ней в соответствии с Туркманчайским мирным договором, заключенным 2 февраля 1828 года между Россией и Ираном.

У нас к Турции имелись претензии и другого порядка. Ну хотя бы тот факт, что она превратила Черноморскую акваторию в свое внутреннее

море, напрочь закрыв нам проход через Босфор и Дарданеллы в Средиземное море. Вместе с тем, фашистские суда во время Второй мировой войны беспрепятственно пользовались этими проливами.

Другими словами, партийный ареопаг СССР планировал установить в Малой Азии советскую власть, как это намечено было сделать в государствах Восточной Европы.

* * *

После Крымской конференции, проходившей 2–9 февраля 1945 года в Ялте, Сталин дал указание Анастасу Микояну и Георгию Маленкову разработать и представить на обсуждение Президиума ВКП(б) предложения по послевоенному переустройству Турции.

И такая программа была разработана.

В частности, из граждан Армянской ССР, коммунистов, были полностью укомплектованы штаты райкомов и горкомов партии, которые должны были на первом этапе составить костяк административной власти в освобождённых Красной армией турецких городах.

Особое значение отводилось взятию Стамбула и возвращению ему исторического названия Ц а р ь г р а д, названного так ещё главой Византийской империи Константином I в 324 году, и открытию свободного судоходства для всех стран через Дарданелльский и Босфорский проливы.

Увы, этим планам не суждено было сбыться...

Трумэн переходит Рубикон

21 июля 1945 года, на четвертый день Потсдамской конференции, Трумэн получил из США долгожданную телеграмму из трех слов: «*Роды прошли удачно*».

Это означало, что период испытаний атомной бомбы успешно завершён и изготовление смертоносного оружия можно ставить на конвейер.

Президенту США не терпелось дать понять Сталину, что за козырь теперь зажат у него в кулаке.

Выждав три дня, во время которых он тщательно обдумывал, как и что сообщить генералиссимусу об атомной бомбе, Трумэн решил сделать это походя, не вдаваясь в подробности, а ограничившись замечаниями самого

общего характера.

Черчилль, со своей стороны, посоветовал облечь информацию об атомной бомбе в гротескную форму или преподнести её вслед за рассказом какого-либо анекдота:

«Юмор – это та самая оболочка, которой можно подсластить любую пилюлю, господин президент...»

По окончании пленарного заседания президент и премьер, широко улыбаясь, подошли к советскому лидеру и в игривом тоне предложили ему выслушать содержание их снов, которые они, якобы, видели накануне ночью.

– Вы знаете, господин генералиссимус, – начал Черчилль, которому отводилась роль запевалы. – Сегодня ночью мне приснился сон, что я стал властелином мира...

– А мне, господин Сталин, – подхватил тему Трумэн, – приснилось, что я стал властелином Вселенной!

Сталин, почувствовав подвох, не спешил с ответом. Внимательно оглядев с ног до головы шутников – так смотрит учитель на нашкодивших учеников – он пару раз пыхнул своей неизменной трубкой и отдельно произнёс:

– Вот как? А мне сегодня ночью приснилось, что Я не утвердил вас в указанных должностях!

Трумэн понял, что затея с шуткой провалилась и скороговоркой сообщил, что Соединённые Штаты создали новое оружие необыкновенной разрушительной силы.

И хотя фраза была брошена Трумэном мимоходом, как бы между прочим, все участники спектакля: Черчилль, государственный секретарь США (министр иностранных дел) Бирнс и американский президент пристально наблюдали за реакцией Сталина.

Тот пожал плечами и, сохраняя полное спокойствие, проследовал в свои апартаменты.

Устроители неудавшегося шоу пришли к заключению, что Сталин просто не понял значения сказанного.

Трумэн был явно в растерянности. Его обескуражило, что первая попытка атомного шантажа не достигла цели, потому что в последующие дни советская делегация и сам Сталин вели себя так, будто бы ничего не произошло.

На самом деле, вернувшись в свой рабочий кабинет, Сталин тут же связался с Курчатовым и коротко сказал:

– Немедленно ускорьте н а ш у работу!

Спокойная и взвешенная реакция Сталина на сообщение Трумэна выбила последнего из колеи – как быть дальше?!

Решение о применении Соединёнными Штатами атомной бомбы против Японии Трумэн принял лишь после того, как руководитель американской военной разведки (РУМО) доложил ему, что в районе Тебриза наблюдается передислокация сосредоточенных там дивизий Красной армии – они выдвигаются к границе с Турцией.

Кроме того, из доклада шефа РУМО следовало, что на промышленных объектах, предприятиях транспорта и связи в городах, тридцать лет назад захваченных Турцией, отмечена повышенная диверсионная активность армянских повстанцев.

Американский президент сразу понял, почему в ходе переговоров «дядюшка Джо» (так американцы и англичане называли меж собой Сталина) так настойчиво стремился заполучить часть итальянского флота, положенного Советам в счёт репараций, до 1 августа. Войдя в Дарданелльский пролив, военные корабли смогли бы оказывать с запада поддержку наступающим с востока частям Красной армии!

Выслушав доклад, Трумэн дал указание представителям военного командования немедленно провести атомную бомбардировку Японии.

Однако сделать это президент приказал «не раньше, чем он покинет Потсдам, чтобы находиться подальше от русских и их вопросов и быть на пути домой, прежде чем упадет первая бомба».

* * *

Когда Сталину доложили о результатах атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки, об имевшихся там разрушениях и жертвах – 220 тысяч убитых и раненых, оба города в руинах – он долго расхаживал по кабинету, пытаясь раскурить погасшую трубку – ломались спички.

Поняв тщетность своих попыток, положил трубку на стол и посмотрел на притихших членов Президиума:

«Поход на Стамбул отменяется... До лучших времен. А турки пусть вечно благодарят японцев, которые ради них пожертвовали собой. Всё! Курчатова ко мне!»

Глава вторая

Расстрел у Боровицких ворот

22 января 1969 года Москва, а за ней и вся страна узнали, что покушения на глав государств происходят не только за океаном, где незадолго до этого был убит президент США Джон Кеннеди. Стреляют, оказывается, и при въезде в Кремль.

И хотя наши газеты сообщили, что террорист стрелял в космонавтов, даже люди, далёкие от политики, понимали: мишенью террориста был Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Брежнев.

Внешнее сходство космонавта Георгия Берегового с генсеком позволило советской пропагандистской машине превратить трагедию в фарс.

Покушения могло не быть вовсе, если бы не борьба за власть между председателем КГБ и его заместителем...

Андропов и Цвигун. Противостояние

Брежнев хорошо помнил, какую роль сыграл прежний председатель КГБ СССР Владимир Семичастный в устранении Хрущёва, и, чтобы исключить исторические аналогии, приставил к Андропову в качестве конвойного пса Семёна Цвигуна. Его связывали с Брежневым не только годы совместной работы в Молдавии, но и родственные узы: оба были женаты на родных сёстрах.

Вслед за назначением Андропова на пост председателя КГБ СССР Цвигун в качестве первого заместителя курировал одно из самых ответственных направлений – военную контрразведку.

В годы войны он не был на фронте, но в анкетах аккуратно указывал Сталинград как место своего боевого крещения. В действительности, ещё в октябре 1941 года он был отозван из военной контрразведки в тыл, в Оренбургскую область, где занимался заготовкой сельхозпродуктов для партноменклатуры. Однако это не помешало ему в качестве места своего боевого крещения указать именно Сталинград, а впоследствии под своей фамилией издать несколько книг и с десятков сценариев фильмов о войне и жизни партизан, тем самым произведя себя не только в число защитников легендарной твердыни на Волге, но и в героя партизанского движения.

Именно в таком виде его биография вошла во все советские энциклопедии.

Вот она, роль личности в истории, вернее, историографии по-советски. Важно не в истории след оставить, а в учебниках по этому предмету!

Героические заслуги Цвигуна по перекраиванию личной анкеты, а вместе с ней и новейшей советской истории были известны очень узкому кругу людей, к числу которых принадлежал и Андропов.

...Два крючоктворца, как и две красавицы, не бывают друзьями. Но на какое-то время могут стать компаньонами.

Непримиримыми поделщиками поневоле Андропов и Цвигун останутся на всю жизнь. До самоубийства Цвигун будет безуспешно предпринимать попытки дискредитировать Андропова, чтобы, столкнув его с «золотого крыльца», самому стать председателем КГБ СССР.

Скрытое противостояние между замом и начальником началось с первого дня их совместной работы. Но если Андропов относился к Цвигуну, как аристократ к поданному гардеробщиком чужому пальто в ожидании его замены, то в отношении Цвигуна к своему шефу прослеживалась агрессивная напористость сержанта-сверхсрочника, который постоянно стремится подставить своего командира и доказать ему, вчерашнему выпускнику военного училища, «что сапоги надо чистить с вечера, чтобы с утра надевать их на свежую голову».

Происходило это ещё и от того, что Цвигун значительно дольше, чем Андропов, находился на руководящих должностях в системе КГБ.

По мнению Цвигуна, Андропов – ловкий царедворец со Старой площади, который не способен разобраться в системе государственной безопасности вообще и в специфических методах разведки и контрразведки, в частности. Что путного можно ожидать от этой гражданской «штафирки»?!

И хотя авторитет самого Цвигуна среди профессионалов был равен нулю, как говорится, за душой ничего не было, но за спиной кто-то стоял. И не кто-то, а сам Леонид Ильич со всеми вытекающими последствиями. Чувство мнимого превосходства над Андроповым и желание занять его место являлось внутренним двигателем Цвигуна на протяжении всей их совместной работы. В качестве первой серьезной проверки устойчивости Андропова, его способности держать удар, можно рассматривать расстрел машины с космонавтами на борту, устроенного неким Ильиным, армейским офицером, у Боровицких ворот 22 января 1969 года. И проверку эту устроил не кто иной, как Семён Кузьмич Цвигун...

Кандидаты в Геростраты

Есть народная примета: если в первый день Нового года что-то не заладится, то так дальше и пойдёт.

1 января 1969 года Александра Васильевна, проживавшая со своей престарелой матерью и приёмным сыном Виктором в Ленинграде на Васильевском острове по улице Наличной, обнаружила в домашней кладовке три взорвавшиеся банки с любимыми грибочками...

...Утром того же дня председателю КГБ СССР Юрию Владимировичу Андропову комендант Кремля генерал Шорников доложил, что при попытке проникновения на вверенную ему территорию, у Спасских ворот задержан некто Гадюко, прибывший из Киева на приём к Леониду Ильичу Брежневу.

В ходе интенсивных допросов удалось установить, что месяцем ранее задержанный послал генеральному секретарю письмо с просьбой о личной встрече и 30 декабря 1968 года в программе «Время» диктор якобы объявил: «Леонид Ильич согласен.»

Киевлянин сигнал принял и на радостях преодолел за пару суток путь от Киева до Москвы на... велосипеде.

И хотя путешествие могло бы претендовать на несколько строчек в Книге рекордов Гиннеса, запись о рекордсмене была сделана лишь в журнале поступления больных в лазарет внутренней Лубянской тюрьмы. Туда ходок угодил по причине обморожения лица и рук, а также для выявления возможных соучастников «ледового похода».

– Слушай, Иван Филиппович, что в последнее время происходит в твоём хозяйстве? – по обыкновению тихо и проникновенно спросил Андропов.

Шорников понял, что имеет в виду председатель.

С 1968 года Кремль, Красная площадь и даже Мавзолей стали местами тотального паломничества душевнобольных. Более того, превратились в объекты вредительских посягательств.

В апреле на главную площадь страны въехал экскаватор, который незамеченным (!) пробирался туда аж из Тёплого стана, где прокладывали новую ветку метрополитена.

Скрытно многотонная махина покинула строительную площадку. Не прошло и пяти часов, как она перевалила через Малый Каменный мост, поднялась по Васильевскому спуску и очутилась у Мавзолея. Охранники буквально схватили экскаватор за многотонную «руку», лишь когда она уже

была занесена над усыпальницей вождя.

Свихнувшегося экскаваторщика гэбэшники, переодетые милиционерами, извлекли из кабины и отправили в лазарет внутренней Лубянской тюрьмы. Туда же были доставлены и обнаруженные в кабине экскаватора вещдоки: раскладушка и суконное одеяло, которые неопровержимо свидетельствовали о том, что их хозяин имел твёрдое намерение занять освободившееся после XXII съезда КПСС ложе Иосифа Сталина.

Главную улику – экскаватор к делу приобщать не стали, а сразу вернули в «Мосметрострой». Но фотографии с него сделали, их-то и подшили сначала в дело, а потом в историю болезни экскаваторщика.

Однако самым крупным вредительством, граничащим с диверсией, можно считать акт мести молодого офицера-артиллериста своему начальству.

Приказом по дивизиону, ответственному за пуск праздничного фейерверка в небо столицы, этот офицер по причине сомнений в его психическом здоровье был отстранён от пиротехнических приготовлений.

«Ах, так! Будет у вас и фейерверк, и иллюминация!»

С этими словами пиротехник ночью, в канун ноябрьской демонстрации, прибыл на Красную площадь. Там шли последние приготовления к параду и электрики колдовали с иллюминацией. Появление на площади человека в военной форме вопросов ни у кого не вызвало: мало ли их тут шатается в это время!

Душевная болезнь офицера обострилась настолько, что он заговорил афоризмами. Со словами: «Уходя, гасите в с е х, сила вся в кефире!» он доской размозжил голову электрику и перочинным ножиком перерезал какой-то проводок.

Вся площадь и прилегающие строения тут же погрузились во мрак. Паника среди организаторов демонстрации поднялась неопишуемая: никто не мог понять, что же произошло и что теперь делать.

Далеко пиротехнику уйти не удалось и он вскоре оказался в лазарете Лубянской внутренней тюрьмы, в народе прозванной «нутрянкой».

После этих леденящих кровь инцидентов охрана Кремля уже как святочный рассказ вспоминала ходока из Тамбовской области, которому непременно надо было попасть в Кремль, чтобы получить у генерального секретаря ответ на свой единственный вопрос, из-за которого он и прошагал сотни километров.

Пилигрима удалось разговорить и он честно признался: «Хочу узнать у Леонида Ильича, правильной ли дорогой иду!»

...Все описанные картины вихрем пронесли перед глазами Шорникова.

Фронтвик-орденоносец, генерал был не особо силен в вопросах кремлевской т е р е м н о й этики и чуть было не рубанул с плеча, что является лишь комендантом Кремля, а не всего Советского Союза, как его сановный собеседник, и потому не несёт ответственности за душевное здоровье населения страны. Но смешался и в очередной раз невнятно попросил ускорить комплектацию подразделения по охране Красной площади, а ему-де забот хватает и с пернатыми – воронами, коих в Кремле развелось уже столько, что они мешают генеральному сосредоточиться на вопросах классовой борьбы. И он, страдалец, из-за этого проклятого воронья всё чаще остается работать в своих загородных резиденциях...

...Юрий Владимирович, будучи неизменно требовательным к подчинённым, от которых зависело наведение порядка в самом сердце столицы, тем не менее, никогда не докладывал о случившихся там казусах Брежневу. «Зачем отвлекать лидера от проблем международного коммунистического движения, зачем докучать князю кремлёвских апостолов по мелочам?» А зря! Потому что информация о происшествиях всё равно доходила до генсека, но уже в искажённом виде, так как подавалась ему в интерпретации Семёна Цвигуна, заместителя Юрия Андропова...

Прерванная телетрансляция

22 января 1969 года ликовала вся страна. Из Москвы шёл прямой репортаж, и миллионы советских людей, застыв у телевизоров и радиоприёмников, следили за церемонией торжественной встречи героев космоса в правительственном аэропорту Внуково-2.

Телекамеры показывали крупным планом улыбающиеся лица космонавтов Берегового, Шаталова, Елисеева, Хрунова, Волынова и... Леонида Ильича Брежнева. Установленные в многолюдных местах столицы громкоговорители, захлебываясь от восторга, сообщали о каждом рукопожатии и поцелуе генерального секретаря, а затем обо всех передвижениях праздничного кортежа по улицам столицы из аэропорта в Кремль. Дикторы радио и телевидения, рыдая от умиления, наперебой расхваливали близость руководителей партии и правительства к «труженикам космоса» и неоднократно упомянули, что вслед за «Чайкой», в которой находятся космонавты, во второй машине следуют Брежнев,

Косыгин и Подгорный.

«Кортеж правительственных машин приближается к Боровицким воротам, и через несколько минут герои-космонавты будут в Кремле, где состоится торжественная церемония их награждения!»

Это была последняя мажорная нота в репортаже с места событий. Прямая трансляция внезапно прервалась.

Возобновилась она примерно через час и производила странное, если не сказать удручающее, впечатление.

Показывали церемонию награждения. Но где восторг, где ликование?! Вместо них растерянность и смятение как среди награждаемых, так и среди вручающих награды. Бледные лица, вымученные улыбки, отрывистые фразы, всеобщая нервозность. Телезрители недоумевали: «Почему награды вручает Подгорный? Где Леонид Ильич?!»

В тот же день по Москве поползли слухи, что Брежнев в результате покушения убит. И не гденибудь – в Кремле! Достали-таки!

Страна, забыв о героях космоса, вновь прильнула к радиоприёмникам и, затаив дыхание, ночью вслушивалась в сообщения «вражьих голосов» – «Голоса Америки» и «Радио Свободы» – они-то скажут, как было...

Что осталось за кадром

Как только правительственный кортеж в сопровождении мотоциклистов приблизился к Боровицким воротам, раздались выстрелы. Некто в милицейской форме метнулся к кавалькаде правительственных лимузинов и, пропустив первую машину, открыл огонь по второй. Классический террористический акт: нападающий стрелял «по-македонски», то есть в упор с двух рук одновременно!

Седые стены Кремля последний раз наблюдали нечто подобное 6 ноября 1942 года, когда военнослужащий Красной армии, спрятавшись в Лобном месте, обстрелял машину наркома Микояна, полагая, что в ней едет Сталин.

...Залитый кровью водитель головой уткнулся в руль, но «Чайка» продолжала двигаться по инерции. Космонавт Николаев, не потеряв самообладания, перехватил руль у шофёра и машина двигалась по заданной траектории...

Одна из пуль срикошетила и ранила в плечо сопровождавшего кортеж мотоциклиста. Превозмогая боль, он направил мотоцикл прямо на террориста и сбил его с ног.

К упавшему бросились офицеры из правительственной охраны, выбили у него из рук пистолеты. Впрочем, это уже было лишним: террорист израсходовал весь боезапас, выпустив в машину шестнадцать пуль.

Нападавший не сопротивлялся. У него внезапно закатились глаза, изо рта хлестнула белая пена и он зашёлся в нервном припадке.

Каково же было изумление кремлёвской охраны, когда они в корчащемся в конвульсиях милиционере опознали того самого сержанта, который минутой ранее стоял на посту у Алмазного фонда!

...Узнав, что он чуть было не расстрелял космонавтов, боевик вообще впал в прострацию. Ведь он был уверен, что во второй «Чайке» (о чём неоднократно повторяли дикторы радио и телевидения!) находятся Брежнев, Косыгин и Подгорный, – им-то и предназначался смертоносный свинец...

В машине же, на которую обрушился шквальный огонь, ехали космонавты: Георгий Береговой, поразительно похожий на Брежнева, Николаев и Терешкова. Первые двое пострадали: Береговому осколки стекла поранили лицо, у Николаева пуля застряла в спине, но он, преодолевая боль, перехватил руль у раненого водителя и сумел припарковать машину к обочине.

Фантастическое везение

Бившегося в истерике террориста, расстрелявшего две обоймы по правительственной «Чайке» с космонавтами на борту, скрутили, сунули под нос нашатырь, затолкали в чёрную «Волгу» и увезли с места происшествия во внутреннюю Лубяnsкую тюрьму. Начались допросы. Задержанный подробно рассказывал о себе.

Фамилия – Ильин, имя и отчество – Виктор Иванович, 1948 года рождения. Русский. Окончил Ленинградский топографический техникум. Служил в г. Ломоносов под Ленинградом. Военское звание – младший лейтенант. Утром 20 января, похитив два пистолета с четырьмя снаряженными обоймами, самовольно оставил воинскую часть и прилетел в Москву, чтобы уничтожить руководство Советского Союза в лице Генерального секретаря ЦК КПСС Брежнева, председателя Совмина Косыгина и председателя Президиума Верховного Совета Союза ССР Подгорного.

На вопрос, зачем ему понадобилось убивать высших руководителей

страны, Ильин с пафосом заявил, что Бог создал людей больших и людей маленьких, а Николай Фёдорович создал свой 9-миллиметровый пистолет, чтобы уравнивать шансы. Физическое же устранение государственных деятелей – дело праведное, примером тому являются террористические акции американца Джона Бута или нашего Александра Ильича. Да и вообще, пострадать за Веру, Народ и Отечество – это всегда было в чести и традициях российского офицерства и прогрессивно мыслящей интеллигенции. Взять хотя бы Пестеля, Кюхельбекера...

Следователи торжествующе переглянулись. Они не ожидали, что задержанный так легко выдаст сообщников. Особое впечатление, разумеется, произвели иностранные имена. Чёрт возьми, какая удача! Взят с поличным вражеский наймит – пора на кителе дырочку для ордена сверлить!!

Отрезвление от успеха наступило тотчас, как только выяснилось, кого имел в виду террорист.

Оказалось, что снабдивший боевика оружием «Николай Фёдорович» – всего лишь лауреат Государственных премий Макаров, изобретатель стрелкового оружия, в частности ПМ, из которого и вёл пальбу боевик.

Александр Ильич – не кто иной, как брат Ленина – Александр Ульянов, неудачно покушавшийся на царя.

Джон Бут – убийца американского президента Авраама Линкольна. Ну, и так далее...

* * *

И всё-таки дело требовало серьёзного осмысления. Верилось с трудом, чтобы человек, так аргументированно обосновавший для себя, а теперь ещё и для следователей правомерность покушения на высших должностных лиц государства, действовал под влиянием сиюминутного импульса.

Делом Ильина занялась многочисленная следственная бригада КГБ, которую прежде всего интересовал вопрос: не стоит ли за террористом антигосударственный заговор? Ведь с момента смещения Хрущёва прошло совсем немного времени, и все хорошо помнили, что устранен-то он был в результате заговора! Не пытается ли сегодня этот диссидентствующий пенсионер всесоюзного значения взять реванш? А что? От этого авантюриста можно всего ожидать! Не исключено, что и западные спецслужбы готовы погреть на этом теракте руки. Ведь известно же, что Косыгин, а под его влиянием и Брежнев после прихода к власти заняли в

отношении Запада непримиримую, если не сказать агрессивную, позицию.

А если учесть, что Хрущёв в последнее время снюхался с неким Виктором Луи, в прошлом советским гражданином, прошедшим сталинские лагеря, а ныне английским журналистом, плотно сотрудничающим с Сикрет Интеллидженс Сервис! По некоторым данным, этот Луи переправляет на Запад мемуары отставного премьера. Только ли в этом состоит его предназначение? А если...

Нет-нет, в этом Ильине и его роли в нападении на правительственный кортеж надо разобраться досконально!

...Следователи были потрясены. И не только тем, что после устранения Брежнева Ильин, как следовало из его заявлений, собирался занять кресло генсека и создать свою партию – некоммунистическую. Изумление вызывала удачливость террориста: ни на одном этапе, кроме завершающего, он не промахнулся. Фантастическое везение!

Только сегодня, по прошествии сорока лет, когда стали доступны ранее засекреченные архивы, появилась возможность найти объяснение сумасшедшему везению террориста.

Как это ни покажется странным, удача сопутствовала Ильину в основном по причине лубянских подковёрных интриг, противостояния между председателем КГБ Юрием Андроповым и его заместителем, Семёном Цвигуном. Именно он как куратор военной контрразведки первым получил сигнал о дезертирстве Ильина и его прибытии в столицу.

Упущенные возможности

20 января младший лейтенант Виктор Ильин заступил на дежурство по части, дислоцированной в окрестностях г. Ломоносов Ленинградской области. В 7.45 утра следующего дня сослуживцы видели его в последний раз.

Поиски исчезнувшего офицера, прихватившего из сейфа два пистолета «Макаров» и четыре снаряженные обоймы, начались 21 января 1969 года в 11.00. Тогда же о происшествии был проинформирован Особый отдел военной контрразведки, в ведении которого находился объект, где проходил службу беглец.

По тревоге были подняты офицеры части, из них сформировали две поисковые группы, одна из которых начала прочёсывать лес в округе, а вторая выехала в Ленинград, где на Васильевском острове по улице Наличной совместно с приёмной матерью, Александрой Васильевной,

проживал Ильин.

Для ориентирования милицейских постов там изъяли фотографии Виктора, а также несколько его дневников. В них могли содержаться записи, которые помогли бы прояснить ситуацию.

Внимание поисковиков привлекла фраза на последней странице дневника: «Всё! Завтра прибывают. Надо ехать в Москву!» Стало ясно, в каком направлении вести поиск беглеца.

Начальник Особого отдела КГБ той части, где служил Ильин, не имел должностных полномочий информировать о происшествии Москву, поэтому подробный доклад он представил в Управление Особых отделов КГБ СССР по Ленинградской области (УОО КГБ СССР по ЛО). Одновременно группа военных контрразведчиков выехала в аэропорт Пулково, где обнаружила корешок билета, принадлежавшего пассажиру по фамилии «Ильин», в 11.40 убитого в Москву рейсом № 92.

Но сомнения оставались: уж больно распространенная фамилия! Тот ли это «Ильин»? Поэтому решено было дождаться возвращения «борта» из столицы, чтобы опросить экипаж.

Для подстраховки начальник Управления Особых отделов поставил в известность о происшествии и предпринимаемых мерах Центр, направив в КГБ СССР шифртелеграмму линейному куратору:

Шифртелеграмма №-039 от 21.01.69 г.

Москва

Совершенно секретно

Весьма срочно

Первому заместителю Председателя КГБ

при СМ СССР

генерал-лейтенанту ЦВИГУНУ С.К.

По данным, полученным из Особого отдела КГБ при СМ СССР, обслуживающего Н-скую воинскую часть, 21 января с.г. в 7 час. 45 мин. из расположения указанной части, дислоцированной в г. Ломоносов Ленинградской области, исчез помощник оперативного дежурного мл. лейтенант ИЛЬИН Виктор Иванович, 1948 г. рождения, русский, беспартийный, в рядах СА с июня 1968 года. Одновременно с исчезновением ИЛЬИНА обнаружена пропажа двух пистолетов «Макаров» и четырёх снаряженных боевыми патронами обойм.

По тревоге подняты офицеры части, которые ведут физический поиск ИЛЬИНА в окрестностях г. Ломоносов. Начальник ОО КГБ при СМ СССР с группой подчинённых выехал в г. Ленинград для опроса приёмной матери офицера – ИЛЬИНОЙ Александры Васильевны.

Сообщаю в порядке информации. О результатах поисков и опроса родственников ИЛЬИНА будет доложено дополнительно.

Начальник Управления Особых отделов КГБ

при СМ СССР Ленинградского ВО

генерал-майор Загоруйко

12 часов 17 минут 21.01.69 г.

...Через четыре часа в Ленинград вернулся ожидаемый рейс. Стюардессам предъявили фото беглеца, и гипотеза стала установленным фактом: находящийся в розыске младший лейтенант Ильин приземлился по расписанию в столичном аэропорту Шереметьево-1.

Вторая шифровка, подтверждающая прибытие дезертира в Москву, а также его фотографии немедленно ушли в Центр:

В дополнение к ш/т №-039—69 от 21.01.69 г.

Предпринятыми мерами установлено, что исчезнувший из расположения Н-ской части мл. лейтенант ИЛЬИН В.И., вооружённый двумя пистолетами «Макаров», убыл авиарейсом №-92 в Москву в 11 часов 40 минут 21.01.69 г., что подтверждается свидетельскими показаниями бортпроводниц Семёновой и Ляшко, опознавшими ИЛЬИНА по фотографиям.

Информирую для возможного оперативного использования.

Нач-к УОО КГБ при СМ СССР по ЛВО

генерал-майор Загоруйко

17 час. 42 мин. 21.01.69 г.

...Следует отметить, что в те годы даже пропаже обыкновенного пневматического ружья из стрелкового тира парка культуры и отдыха в каком-нибудь заштатном городишке Мухославске придавалось исключительное значение. Меры по его обнаружению и розыску виновных принимались, прямо скажем, экстраординарные.

Что уж говорить о бегстве вооруженного офицера в Москву, накануне торжеств по случаю возвращения на Землю группы космонавтов, в которых должны принять участие высшие партийные и государственные деятели страны, – это уж совсем запредельное чрезвычайное происшествие!

...Ленинградцы, анализируя записи в дневниках, изъятых на квартире беглеца, искали мотивы, побудившие молодого холостяка рвануть из части с оружием в руках. Ревность? Мечь любимой женщине за измену? Сведение счётов с обидчиками?

Однако откровения, доверенные Виктором Ильиным бумаге, ни на один из вопросов поисковиков ответа не давали. Да и вообще, в дневниках отсутствовали какие бы то ни было свидетельства о любовных

переживаниях автора. Зато они изобиловали цитатами из рассуждений иностранных политических и государственных мужей XIX – XX веков.

Находка! Трижды в разном контексте Ильин цитирует одного и того же автора – Джона Уилкса Бута, убийцы американского президента Авраама Линкольна. Цитата способна развеять беспечность даже закоренелого скептика, рассеять любые сомнения в отношении ценностных ориентиров человека, чьей рукой она вписана в дневник.

Вот, что сказал Бут накануне покушения на Линкольна и что гипнотически подействовало на Ильина:

«Я убью президента, хотя бы только из-за одной моей сокровенной надежды, что отражённый свет его славы озарит моё неизвестное существование. А память времени, лишённая щепетильности, всегда объединяет распятого и распявшего».

Далее следовала приписка-резюме Ильина:

«Может, это и мой выбор? Ведь сколько в стране людей с фамилией Ильин? Несравнимо больше, чем с фамилией Брежнев... Само провидение требует объединить эти две фамилии!»

Мотивы неожиданного бегства вооруженного Ильина в Москву не оставляют места для сомнений, имеют конкретный преступный умысел, и поэтому начальник Управления ОО КГБ СССР по ЛО генерал-майор Загоруйко лично составляет шифртелеграмму на имя своего сановного куратора.

На часах 22.47. До покушения – более шестнадцати часов, ещё есть время его предотвратить.

Группа оперработников вновь выезжает для беседы с приёмной матерью Ильина. Офицеров интересует один вопрос: где, у кого, кроме гостиницы, может остановиться Виктор по прибытии в столицу. Александра Васильевна назвала адрес своего брата и вспомнила взорвавшиеся в кладовке банки с грибочками. Народная примета – знак свыше, никогда не подводит...

В Москву уходит ещё одна, последняя шифровка:

В дополнение к ш/т №-039—69 от 21.01.69 г.

В квартире ИЛЬИНА обнаружены его дневники, в которых он трижды цитирует слова убийцы американского президента Авраама Линкольна, что может свидетельствовать о возможных преступных намерениях ИЛЬИНА в отношении руководителей КПСС и Советского правительства.

Со слов приёмной матери, не исключается вероятность появления беглеца по месту жительства его дяди ИЛЬИНА Петра Васильевича на

Краснопресненском валу, 2, кв.8.

Фото дезертира высылаю телетайпом.

Нач-к УОО КГБ при СМ СССР

генерал-майор Загоруйко

22 час. 47 мин. 21.01.69 г.

...Подробное перечисление предпринятых ленинградскими чекистами мер, заметьте, – не всех, потому что были и другие, которые всегда останутся под грифом «совершенно секретно», – приведено в повествовании с одной целью: показать, что кровавую акцию можно было предотвратить даже на стадии выдвижения террориста на исходную позицию – к Боровицким воротам. Было бы желание.

По прошествии сорока лет можно констатировать: у московского получателя шифртелеграмм такого желания не было, потому что в его планы отнюдь не входило предотвращение каких-либо ЧП. Пусть их будет как можно больше, чтобы Леониду Ильичу наконец стало ясно, что во главе Комитета государственной безопасности находится пришелец из другого мира, человек сугубо штатский, а отсюда – беспечный...

В бездействии Цвигуна, в попустительстве преступному умыслу, о котором он знал заблаговременно, не следует искать признаков его профессиональной некомпетентности – им двигали только карьерная алчность и циничный расчет.

На исходных рубежах

Ильин на рейсовом автобусе доехал от аэропорта до метро и уже через час звонил в квартиру своего дяди, отставника органов МВД.

Увидев на пороге нежданного гостя, хозяин и его жена удивились – что стряслось, если племянник прилетел в Москву без предупреждения, без телефонного звонка, без телеграммы?

– Всё в порядке. Просто хочу на космонавтов посмотреть. Когда ещё такая возможность представится. Завтра ведь встреча?

О точной дате предстоявшей церемонии сообщили газеты, радио и телевидение, поэтому, как впоследствии объяснял следствию хозяин, дядя Ильина, мотивы приезда родственника вполне его удовлетворили. Тем более что племянник всегда был несколько чудаковат. Прилететь специально из Ленинграда в Москву, чтобы посмотреть на любимых народом героев? Ну и что тут такого? Летают же фанаты футбола и рока на матчи и концерты в другие города!

Вечером за ужином племянник, как бы невзначай, произнёс:

– Вот если бы ты, дядя, дал мне завтра свою форму...

– Ты что, с ума спятил? Знаешь, что за это полагается?

Ильин рассмеялся, перевёл разговор в шутку. А рано утром, не попрощавшись с родственниками, исчез. Вместе с милицейской формой гостеприимного хозяина.

...В камере хранения Ленинградского вокзала он оставил свой мундир и в форме сержанта милиции вернулся на станцию «Проспект Маркса». Оттуда двинулся к проезду Боровицких ворот, через которые, по его расчётам, в Кремль должен был проследовать кортеж правительственных машин.

Он много раз прокручивал в уме этот маршрут, просматривая кадры кинохроники, запечатлевшие встречи героев космоса руководителями партии и государства. Этим путём в Кремль ехали все – от Гагарина и Титова до последних победителей Вселенной. Виктор знал его назубок, мог воспроизвести с закрытыми глазами.

...Он прошел мимо Исторического музея, свернул в Александровский сад. В проезде Боровицких ворот он увидел милицейское оцепление. Что делать? Преодолев слабость в ногах, Ильин вспомнил, что по виду он не отличается от них, и не спеша, встал между ними – наугад, по наитию.

Это была крупнейшая удача, немислимое везение, ибо место, которое он случайно занял, оказалось на стыке между двумя отделениями. На подошедшего сержанта милиции покосились, но в первом отделении подумали, что он из второго, а во втором – что из первого.

Правда, была минута, когда он снова ощутил предательскую дрожь в коленях. Это произошло, когда к нему, молчаливо стоявшему уже в другой точке – в Кремле, у Алмазного фонда, приблизился некий гражданин в штатском и по-военному строго спросил:

– Ты чего здесь стоишь?

Страх придавал наглости, и Ильин зло бросил в ответ:

– Поставили, вот и стою!

* * *

Когда утром дежурный по Комитету доложил Цвигуну о том, что в Краснопресненский райотдел КГБ обратился заявитель с просьбой разобраться, не связано ли неожиданное появление в Москве его, вооружённого двумя пистолетами, племянника с предстоящими

торжествами в Кремле, генерал понял, что утратил возможность монополюбно распоряжаться информацией, поступившей из Ленинградской области, и вскоре обо всём станет известно Андропову.

«Чёрт бы побрал этих внуков Павлика Морозова, неймётся им!» – помянул недобрым словом Семён Кузьмич отставного эмвэдэшника.

...Чтобы не выпустить ситуацию из-под контроля, а также для создания видимости проверки сигнала, Цвигун приказал коменданту Кремля, генерал-майору Шорникову (!?) посадить дядю дезертира в машину и ездить с ним по маршруту Кремль – Внуково: не мелькнет ли в толпе встречающих космонавтов москвичей лицо племянника?

Эта изначально абсурдная идея призвана была притупить бдительность Андропова, внушить ему мысль, что задержание подозрительно ведущего себя младшего лейтенанта – дело получаса.

Однако Юрию Владимировичу сам факт отстранения коменданта Кремля от исполнения прямых обязанностей – руководства охраной вверенной территории, показался в высшей мере странным.

Кроме того, Цвигун почему-то не торопится с раздачей фотографий Ильина стоящим в оцеплении сотрудникам милиции и КГБ. К чему бы это?

...Кстати, о фотографиях. За несколько минут до подъезда правительственного кортежа к Боровицким воротам их всё-таки раздали, но никто из охраны не был предупрежден, что Ильин появится не в военной, а в милицейской форме. Поэтому опричники из оцепления вместо того, чтобы проверять всех сержантов милиции, усердно искали младшего лейтенанта в общевойсковой форме.

Возникает ещё один вопрос. Почему фото распределили только среди охранников, дежуривших по внешнему периметру Кремля, почему они не достались тем, кто был внутри? Ведь сам факт раздачи фотографий дезертира уже свидетельствует о том, что от него ожидали каких-то враждебных проявлений, не так ли?

...И последнее. Последнее по счёту, но отнюдь не по важности.

Когда Брежнев, Косыгин и Подгорный погрузились в правительственный «членовоз», в машине раздался телефонный звонок. Трубку поднял адъютант генсека. Звонил Цвигун, попросил к телефону Брежнева. Не вдаваясь в подробности, он порекомендовал дорогому Леониду Ильичу сделать во время движения перестроение и следовать в кортеже под номером «три».

Значит, Цвигун отдавал себе отчёт, что ожидаемые от Ильина враждебные проявления строго адресны и нацелены в Брежнева и находящиеся с ним в машине лиц? Подстраховывался Семён Кузьмич не

потому, что пёкся о государственной безопасности и о престиже державы, а лишь для того, чтобы не потерять своего драгоценного родственника и благодетеля – это же собственной смерти подобно!

В напутствии под занавес был скрыт тонкий расчёт.

Во-первых, последние предупреждения, как и те, кто их делает, лучше запоминаются.

Во-вторых, зачем мешать Ильину совершить то, что он задумал? Его лишь надо замкнуть на «негодный объект», и пусть себе стреляет по второй машине, тем более что в ней едет Береговой, внешне так похожий на Брежнева. Спрос-то всё равно будет с Андропова: он же п о к а во главе государственной безопасности. И дай бог, чтобы этот младший лейтенант наделал побольше шуму! А если он кого-нибудь угрожает, ну что ж, так тому и быть – тем яснее станет для всех несостоятельность этого рафинированного эстета Андропова на посту председателя КГБ.

Во главе такой организации должен стоять боевой генерал и летописец партизанского движения в Белоруссии Семён Кузьмич Цвигун и никто другой!!

* * *

Расчёты Цвигуна по части масштабов скандала и позора для державы оправдались. Авторитет органов госбезопасности был подорван основательно. И не столько внутри страны, как за её пределами – в глазах мировой общественности и наших союзников.

А что же Андропов? Неужели доверился своему заму и отдал всё на откуп Его Величеству Случаю?

Искусственно созданный Цвигуном цейтнот не позволил Андропову эффективно использовать всю кэгэбэшную рать – секретных агентов, – которым было вменено в обязанность присутствовать в толпах москвичей по пути следования космонавтов. Не были они вовремя снабжены и фотографиями блуждающего террориста. А то, что Ильин прибыл в Москву для совершения террористического акта, у Андропова сомнений не было. Догадался председатель и о том, что его заместитель также не питает иллюзий в отношении намерений вооруженного двумя пистолетами боевика. А меры по его розыску, инициированные Цвигуном, носят лишь показной и отвлекающий характер.

Умел Семён Кузьмич завернуть воздушный шарик в красивую упаковку, ничего не скажешь!

Как только Андропову доложили, что террорист – офицер, у него мелькнула мысль: не заговор ли это военной контрразведки, находившейся в ведении и под патронажем генерала Цвигуна?

Идею эту Андропов отверг, вспомнив, что авторитет Семёна Кузьмича в офицерской среде нулевой.

«Просто, – решил председатель, – Цвигун пытается воспользоваться шансом, предоставленным ему судьбой. Убийства Брежнева он не желает – это ясно, как божий день, но пассивно потворствовать возникновению скандала – это в его интересах. Ведь он считает себя обойдённым, став всего лишь заместителем. Эх, Семён Кузьмич, Семён Кузьмич! С вашим интеллектом урюпинской милицией командовать, а не Комитетом госбезопасности!»

Опасность возникновения скандала заставила Андропова действовать энергично.

По его указанию была усилена охрана Кремля и подъездов к нему со стороны Боровицких и Спасских ворот (последние рассматривались как запасной въезд) надёжными оперативниками из центрального аппарата КГБ.

Затем он отдал распоряжение председателю Государственного комитета по телевидению и радиовещанию беспрестанно передавать в эфир информацию о порядке следования машин в кортеже, подчеркивая, что во втором автомобиле находятся Брежнев, Косыгин, Подгорный.

– Юрий Владимирович, – взмолился председатель Госкомтелерадио, – но ведь это всё равно, что при входе в подъезд вывесить объявление: «Уважаемые домушники, деньги находятся в квартире на втором этаже!» Если мои дикторы во всеуслышанье сообщат, что во второй машине находится всё руководство страны, то какой-нибудь пьянчуга обязательно запустит в неё бутылкой, это же ежу понятно!

Андропову было совсем не до ежей, поэтому он, вопреки своей привычке выражаться просто и без назидания, сказал:

– Вы – государственный человек, товарищ Месяцев, а не феодал! С каких это пор в Госкомитете появились в а ш и дикторы? Да и вообще, ежи какие-то у вас на уме... Может, вас на зоопарк перебросить? Имейте в виду, что телевизор и радиоприёмник у меня включены, поэтому я лично прослежу за работой в а ш и х дикторов... До свидания!

Месяцев понял, что у Андропова, этого с виду плюшевого медвежонка,

стальные челюсти. Через год он в этом убедится окончательно: его место займет «железный канцлер» телерадиоэфира Сергей Лапин.

...Последнее, что сделал Андропов перед тем, как Ильин нажал на спусковой крючок, – позвонил в машину Брежнева и предложил немедленно перестроиться, заняв в кавалькаде последнее, пятое место.

Перечить Леонид Ильич не стал, тем более что это было уже второе предупреждение и не от кого-нибудь – от высших чинов госбезопасности! Конспиратор он был отменный, поэтому, положив трубку, с наигранным недоумением обратился к Косыгину и Подгорному:

– А мы-то чего лезем вперед? Кого чествуют, нас или космонавтов? Скромнее надо быть, товарищи, скромнее...

Отодвинув задвижку разделяющей салон перегородки, он скомандовал водителю:

– Ну-ка, Виктор, быстро в хвост колонны... Чтоб мы последними были!

...Когда стихли выстрелы, лимузин с «Большой тройкой» рванул в Кремль и тут же врезался в машину скорой помощи, мчавшуюся на звук пальбы.

При ударе Брежнева отбросило на перегородку, и он рассёк в кровь бровь. Поэтому награды, как это видела вся страна, космонавтам вручал Подгорный.

Кстати, после инцидента у Боровицких ворот высшее руководство страны: Брежнев, Косыгин, Подгорный – никогда более не находились одновременно в одной машине или самолёте. Политбюро опасалось рецидивов «боровицкого синдрома».

Разбор «залётов»

Дело раскручивали в течение года.

Каждой сестре досталось по серьге: со своих постов слетели многие генералы и старшие офицеры Ленинградского военного округа. Добралась даже до военкома Смольнинского района, имевшего несчастье несколькими годами ранее призвать Ильина на военную службу. Двоих сослуживцев террориста, младших лейтенантов А. Степанова и А. Васильева, осудили по статье 88 «прим» УК РСФСР «За недоносительство» на пять лет лишения свободы каждого.

Сегодня они считают, что их вина состояла в том, что они были излишне откровенны со следствием. Недаром говорится: «Чистосердечное

признание облегчает душу, но удлиняет срок».

«Недоносительство» Степанова и Васильева заключалось в следующем.

Однажды на дежурстве они включили телевизор и из программы «Время» узнали, что в Гане произошел очередной военный переворот и к власти пришли молодые офицеры.

Ильин на известие отреагировал моментально, спросив у сослуживцев, возможно ли такое у нас, ведь все отчаянные ребята сложили головы на фронтах Великой Отечественной. Вот и всё. О чем должны были донести сослуживцы Ильина, думается, они и до сих пор не понимают...

...Ильину предъявили обвинение по пяти статьям Уголовного кодекса: распространение клеветнических измышлений, порочащих советский строй; попытка теракта; убийство; хищение оружия; дезертирство. Но не осудили – признали невменяемым.

Думается, окажись любой на его месте, он тоже был бы признан душевнобольным. Ведь вынести Ильину нормальный, полновесный приговор – означало бы признать, что в государстве есть какие-то недовольные, чуть ли не вооруженная оппозиция.

«Да как такое может быть?! В стране, где так вольно дышит человек, где все трудящиеся еженощно рыдают от избытка любви перед портретами пролетарских вождей (80 копеек – комплект в те годы!), один урод – вдруг на тебе! – стреляет в самого главного Вождя! Да что же о нас подумает за граница?! Что у нас чего-то там недостаёт – то ли свободы, то ли колбасы? Нет уж, как хотите, но Ильин – шизик!»

А тут ко времени подоспел профессор Снежневский с открытием вселенского значения – новой болезнью – вялотекущая шизофрения называется. Кстати, чистейшей воды плагиат, украденный Снежневским у Хермана Левин-Гольдшмидта, отвязного теолога, отторгнутого и высмеянного своими коллегами за дремучее невежество в вопросах психиатрии вообще и за вялотекущую шизофрению, в частности.

Кстати, Левин-Гольдшмидт состоял на иждивении у западных спецслужб. Последний в своих трудах, датированных началом 80-х годов XIX века, выворачивал наизнанку Библию, пытаясь облагородить один из смертных грехов – измену. Он оправдывал предательство, используя исторические аналогии, представлял измену как вселенски обусловленное явление. Смотрите, мол, делали же это праотцы рода человеческого, почему же нам запрещено?

Зарубежные школы психиатров до сих пор отказывают вялотекущей шизофрении в праве на существование, потому что наипервейшими

признаками шизофрении является наличие у больного бреда и галлюцинаций. Не важно, в какой форме – письменной или устной – они выражены.

Почитатели теории Снежневского, приверженцы вялотекущей, утверждают, что указанные симптомы могут и отсутствовать. Странно, да? Симптомов нет, а человек болен!

На Западе сразу поняли: эта болезнь, вернее, этот диагноз – не что иное, как заказ КПСС и КГБ.

...Арсенал спецсредств Комитета государственной безопасности пополнился ещё одним безотказным орудием борьбы с инакомыслием, Снежневский получил свою Золотую Звезду Героя, а советские диссиденты – свой диагноз.

И какой бы ты ни был активный правозащитник – всё равно ты – вялотекущий шизофреник. Так постановила Партия и её боевой отряд охранения на марше к светлому будущему – Пятое управление Комитета государственной безопасности Союза ССР, возглавляемое генералом Филиппом Бобковым.

Прогул длиною в восемнадцать лет

Территория ограждена каменной стеной с колючей проволокой. По углам – вышки с автоматчиками. Предзона с контрольно-следовой полосой и ещё одним ограждением из колючей проволоки. Внутренний глухой забор с колючей проволокой. Сигнализация. Овчарки. Телекамеры.

Это – не из фильмов о войне и о фашистских концлагерях. Это – казанская спецпсихбольница, куда в 1970 году попал Ильин и где он провёл восемнадцать лет заточения в одиночной камере.

Во внутренней охране помимо надзирателей (вольнонаёмных прапорщиков) за больными наблюдают... расконвоированные уголовники, отбывающие сроки за тяжкие преступления. Уголовников именуют «санитарами» (в белых куртках и белых пилотках), антисоветчиков – «больными», или просто – «дураками». Отдежурив смену, уголовники смотрят телевизор, играют в волейбол, ходят в школу.

«Дураков» даже по малой нужде не всегда выпускают из камер: они писают в ботинок, выливают в окно.

«Санитары» избивают «дураков» по любому поводу, иногда за экзекуцией наблюдает кто-нибудь из медперсонала. Бьют безжалостно, наибольшие повреждения причиняя внутренним органам, в особенности

почкам и печени. Цель – отправить всякого прибывшего на излечение диссидента с «уткой» по жизни...

* * *

В таких условиях Ильин пробыл около двух лет, пока не закончили строительство нового корпуса с одиночными камерами.

Встретил он и экскаваторщика, и пиротехника. Последний за время пребывания в больнице в свой, ставший легендарным после совершённых им действий на Красной площади, афоризм внёс существенные изменения.

Когда в больнице появился Ильин, пиротехник вместо фразы: «Уходя, гасите в с е х, сила вся в кефире!» уже говорил: «Уходя, гасите свет – кайф в аминазине!»

...Экскаваторщик поначалу всё пытался выведать у персонала расстояние от больницы до Мавзолея, но после того, как уголовники несколько раз устроили ему так называемое «тестирование в барокамере», усыпальница Вождя международного пролетариата потеряла для него былую привлекательность.

«Тестирование в барокамере» проводилось якобы в целях выяснения физических возможностей подопытного для работы космонавтом и на практике реализовывалось так: орущего благим матом «дурака», невзирая на его рост и комплекцию, «санитары» заталкивали в прикроватную тумбочку и, затащив её на второй этаж, сталкивали вниз. Чтобы тестируемый не вывалился наружу, скатываясь кубарем по ступеням, тумбочку обматывали веревкой.

Как ни странно, но тумбочки иногда выдерживали это испытание...

Некоторым исследователям бытия советских политзаключенных в казанской спецпсихбольнице это передвижение узников в тумбочках напоминает путешествие в грузовом лифте Лубянской тюрьмы.

Когда уголовники попытались «тестировать» Ильина, он зубами впился в нос одному из атакующих и не отпускал его до тех пор, пока совсем не откусил.

После этого инцидента подготовка Ильина в космонавты пошла по другому плану: настоящие санитары стали превращать задницу террориста в решето, вкалывая ему избыточные дозы аминазина...

...После «выписки» Ильина из спецбольницы выяснилось, что в 1969 году во всеобщей суете и суматохе командование части, где служил террорист-неудачник, не исключило его из списков личного состава,

другими словами, он не прошёл законной процедуры увольнения.

В 1990 году с помощью ловкого адвоката Виктор Ильин отсудил у Ленинградского военного округа все причитающиеся ему деньги за вынужденный прогул, длившийся восемнадцать лет, и, получив два портфеля сторублевых купюр, приобрёл кооперативную квартиру...

Вместо послесловия

Через год после покушения Цвигун был отстранён от кураторства военной контрразведкой. Его место занял старинный соратник Леонида Ильича по днепропетровским партийным тусовкам Георгий Цинев. Семёну Кузьмичу Брежнев поручил командовать хозяйственными службами Комитета.

Но звёздный полёт Цвигуна продолжался ещё не один год. Даже будучи выброшен на задворки Системы государственной безопасности, он сохранил за собой должность первого заместителя Председателя КГБ СССР. В 1971 году он – кандидат в члены ЦК КПСС; в 1977-м – Герой Соцтруда, а в 1978-м – генерал армии.

...Андропову вслед за возникновением тандема «Це-Це» работать стало ещё труднее.

Единоначалие в КГБ СССР по сути было утрачено: каждый из членов триумvirата тащил одеяло на себя, создавая вокруг себя фракции из начальников подразделений Комитета. В узкий круг особо приближённых можно было попасть, разумеется, не по деловым качествам, а по степени личной преданности.

...Дважды Герой Советского Союза космонавт Георгий Тимофеевич Береговой, поплатившийся за свое внешнее сходство с Брежневым ранением лица осколками стекла, в 1975 году наряду с народным артистом СССР Евгением Матвеевым получил приглашение от режиссёра Юрия Озерова пройти фотопробы для съёмки в его новом фильме «Солдаты свободы». В этом фильме Береговому предстояло сыграть молодого Леонида Ильича.

По сценарию в начале фильма Георгий Тимофеевич, загримированный генсеком, должен был стоять со своими золотыми звездами Героя на груди (кстати, первую Звезду он заработал не в космосе – на фронте при форсировании Днепра в 1944 году) на трибуне Мавзолея.

В 1975 году Брежнев уже был трижды Герой, поэтому Озеров предложил Береговому добавить к его собственным двум ещё одну –

муляж.

Георгий Тимофеевич возмутился и со словами: «Не надо смешивать пряники с портянками!» – покинул съёмочную площадку.

Часть третья
Разоблачения

Глава первая

Нга-Нгоро

Вурдалаки атакуют столицу

В столичных правоохранительных органах долго и недобро вспоминали весну восемьдесят второго. Дружно сошедший в апреле снег обнажил следы таких жутких преступлений, о которых не слыхивали и старослужащие.

С разницей в несколько дней сразу в нескольких районах Москвы: в Измайловском лесопарке и у Борисовских прудов, в парке Сокольники и в прибрежных кустах Химкинского водохранилища – были обнаружены шесть обезглавленных трупов.

Паника охватила руководство столичной прокуратуры: это же конвейер *висяков!*

Количество трупов достигло десяти и все уголовные дела по фактам их обнаружения передали в Комитет госбезопасности.

Обезглавленные находки продолжали поступать, и теперь уже начальник Управления КГБ по Москве и Московской области генерал-полковник Виктор Алидин схватился за голову. Когда же *вражьи голоса* – зарубежные радиостанции – озвучили новости из криминальной хроники столицы, настал черёд высших сановников из ЦК пить валерьянку...

Из самых опытных розыскников-волкодавов Комитета была создана оперативная группа, начальником штаба которой назначили меня. Произошло это моей воле вопреки, так как розыск в круг моих служебных обязанностей не входил – я занимался разработкой иностранных разведчиков, действовавших в Москве под дипломатическим прикрытием.

На внеочередном заседании Коллегии КГБ СССР обсуждались меры противодействия *вражьиим голосам из-за бугра*, смаковавшим подробности московского вандализма, сея среди жителей столицы панические настроения. Я рассматривал карту, где были отмечены места и даты обнаружения расчленённых трупов, как вдруг вспомнил об одной сводке службы наружного наблюдения.

«Чёрт побери! – не сдержался я. – Два месяца назад, в феврале, на берегу Химкинского водохранилища, неподалёку от перекрестка улицы Свободы и Химкинского бульвара, был задержан водитель военного атташе

Центральноафриканской империи Поль Мламбо Нгкука. Ночью на служебной машине он подъехал к бивуаку бомжей, гревшихся у костра, и затеял с ними драку. Вмешался проезжавший мимо милицейский патруль. Иностранец рванулся к своей машине. Когда он приоткрыл дверь, оттуда выпрыгнул разъярённый пёс и бросился на стражей порядка. Пса пристрелили, бомжи разбежались, водителя не задерживали, так как он предъявил дипломатическую карточку...»

Тут же кто-то из коллег предложил назначить меня начальником штаба по координации розыскных мероприятий. Да, у нас всегда так: *проявил инициативу – исполняй!* Стоило мне выказать осведомлённость в вопросе – вот тебе и бразды правления в руки!

Все дела объединили в одно, так как ряд схожих признаков указывал на то, что гильотинирование совершалось одним и тем же лицом или одной группой лиц.

В результате лабораторных исследований было установлено, что глумлению подвергались не трупы – нападали на живых людей. В частности, об этом свидетельствовала запёкшаяся кровь в местах отделения головы от шеи. Поскольку трупы были найдены в традиционных местах стойбищ бомжей или, как их тогда называли, *бич* – бывший интеллигентный человек – было выдвинуто предположение, что мы имеем дело именно с останками последователей *Ордена вольных странников*. При более тщательном обследовании трупов версия нашла подтверждение. Все убиенные были мужского пола и приблизительно одного возраста: 45–50 лет.

Из психологии известно, что в этом возрасте мужчины наиболее подвержены всякого рода разочарованиям. Они активно пересматривают свои ценностные ориентиры, и те из них, кто к этому времени оказались невостребованными, в один прекрасный момент просто *срываются с якоря*. Не в силах противостоять натиску внутренней неудовлетворенности, они покидают насиженные места и в поисках забвения отправляются бродить по свету, переходя к анонимному существованию. В пользу этой гипотезы говорило и физическое состояние погибших: крайняя степень дистрофии, а также наличие у них различных кожных заболеваний, в частности, чесотки и педикулёза. Наконец, покойники не значились в списках людей, пропавших без вести, так как заявления об их исчезновении в органы внутренних дел не поступали. Причина до банальности проста: некому было заявлять. Так как на теле жертв отсутствовали травмы, которые могли бы привести к летальному исходу, эксперты предположили, что смерть наступала в результате воздействия на голову. А в качестве

орудия можно было рассматривать всё, что угодно – головы и орудия декапитации не были найдены.

Кстати, в этом вопросе – о способе декапитации – специалисты разошлись во мнениях. Дело в том, что рваные края тканей шеи выглядели, как изжёванная промакашка. Такие следы может оставить либо тупая пила, либо... каменный топор. Вместе с тем на некоторых шейных позвонках были обнаружены борозды, характерные для острорежущего орудия – ножа или бритвы...

Розыскники и криминалисты терялись в догадках о мотивах и целях совершения преступлений. Для чего понадобилось отделять, а отделив, похищать головы?!

Срочно потребовалась свидетельская база. Бросились искать бомжей – ан нет их! Хотя после Олимпиады-80 и прошло два года, когда бомжи как чуждый элемент были выселены за 101-й километр, они, напуганные усилением паспортного режима, стали обходить Первопрестольную стороной (вот и скажи после этого, что между ними не налажена связь) либо, соблюдая конспирацию, залегли глубоко на дно.

По моему указанию (начальник штаба я или кто?!) московская милиция предприняла беспрецедентные меры по отлову уцелевших бомжей. Нашли. В предъявленных для опознания телах они узнали одно, принадлежавшее *вольному страннику* по кличке «Карл Маркс». Большого выжать из них не удалось, как ни бились. Да, вот ещё. Кличку свою он получил за роскошную гриву и склонность к философствованию. Всё! Ни связей, ни контактов, не говоря уж о недоброжелателях. Их, как выяснилось, у бомжей просто не бывает, уж такие они люди. Да и люди ли они после этого?

Не найдя правдоподобных объяснений фактам гильотинирования бомжей, специалисты пришли к заключению, что либо это дело рук маньяка-некрофила, либо членов секты вампиров, исполнявших какой-то неведомый ритуал.

Наблюдение за водителем военного атташе Центральноафриканской империи результатов не дало, хотя обложили его наружным наблюдением, как волка флажками. Мой сейф был забит фото-, видеопродукцией, ему посвящённой. Но после инцидента в зоне Химкинского водохранилища он никогда более там не появлялся, как, впрочем, и в других местах традиционных стойбищ бомжей.

Розыскное дело «Вурдалаки» сдали в архив. Это решение было принято ещё и потому, что с мая по ноябрь в Москве не появился ни один *всадник без головы*.

В салон вошла стюардесса и объявила, что до Парижа пять минут лёта. Я выглядываю в окно, хотя понимаю, что ещё слишком рано. Но мне не терпится увидеть хмурые лица сыщиков французской контрразведки, в чьи обязанности входит проверка всех въезжающих, вплывающих или, как я, влетающих во Францию иностранных граждан.

Хотя в паспорте я и под другой фамилией, но неисповедимы пути любой спецслужбы – как знать, может, французам с помощью их друзей американцев удалось всё же добыть моё фото, узнать мои истинные анкетные данные, подробности биографии и теперь они, крадучись по-кошачьи, повсюду будут меня сопровождать?! Стервецы!

И этим подозрениям есть основания. Уж больно долго они тянули с выдачей мне въездной визы... Хотя, впрочем, почему долго? Виза-то непростая – шенгенская! Проверок миллион требуется...

Сегодня я – генерал-майор в отставке. Стоп! Может, это известно не только пенсионному отделу ФСБ, но и французам? Может, я потому-то и получил в конце концов визу?! Тогда неминуемы вербовочные подходы, ведь французы прекрасно осведомлены о том, что на генеральское пенсионное содержание в России можно питаться только в диетических столовых... Но где они, эти столовые?! Их господин Лужков повсеместно заменил на Макдональдсы... Не хило деньжат срубил, разрешив в 1989 году Кохану, владельцу корпорации McDonald'S, размещать свои забегаловки в Москве. Их в Европе бойкотируют, потому что от этой продукции года через два-три тебе гарантирован гастрит...

А с моим больным желудком никакой пенсии не хватит, чтобы пару раз в месяц купить парного мяса на Даниловском рынке или кураги и зелени, я уж не говорю о фруктах – на Черёмушкинском...

К чёрту – Париж под крылом, ему я отдамся без остатка, а удовольствий получу соразмерно выданным в Москве командировочным!

* * *

Генералы КГБ, как и народные артисты, на пенсию не выходят – их ресурс считается бессрочным, перед отъездом меня пригласили в Департамент контрразведки ФСБ и сам... не скажу, кто! – дал мне одно порученьице.

И я, подобно старому коню пожарной службы, откликнулся на сигнальный колокол и сразу возвратился в строй...

Правда, на ум мне пришли слова кардинала от шпионажа Аллена Даллеса: *«Шпион ошибается только раз. В этом спорте повторные попытки не разрешены»*.

О сомнениях в своих силах я тут же поведал напутствовавшему меня имярек всероссийского значения, ведь путь разведчика усеян банановой кожурой, и зачастую она лежит на льду. Однако он меня успокоил, пояснив, что в практике коневодства бывшего СССР не было зафиксировано ни одного случая, чтобы старый конь испортил борозды. На том и сошлись...

По идее, я должен выполнить поручение играючи, между прочим, во время посещения какого-нибудь музея. С точки зрения разведки, все парижские храмы искусств очень удобны для проверки, есть ли за тобой хвост. Там много эскалаторов и переходов, тупиков и террас, что помогает очень легко выявить слежку и провести *моменталку*. Стоишь себе, любишься какой-нибудь занюханной картиной бесштанного алкоголика, представителя авангардизма начала XX века, и, незаметно сделав шаг в сторону, получаешь вождеденный сверток...

В общем, мне надо *в одно касание* встретиться с дамой, специально для этого прилетающей в Париж из Штатов. Подозреваю, что выбор руководства ФСБ пал на меня не только потому, что у меня отличный английский язык, максимально приближенный к американскому, рост и выправка сержанта из Вест Пойнта, но и моя неистребимая тяга к прекрасному полу, который, кстати, обречён отвечать мне взаимностью...

Дело предстоит плёвое: забрать-отдать. Всего-то! Но когда тебе уже за шестьдесят, то за каждым столбом, в каждой проезжающей мимо машине тебе чудятся вражеские контрразведчики, вооружённые наручниками. Они звонят по мне!

...Вся эта мура лезет мне в голову во время осмотра Лувра, я пытаюсь от неё избавиться и оживляю в памяти бородатый анекдот об американце из Техаса, приехавшем на экскурсию в Париж:

– Вы знаете, – рассказывает он своим друзьям по возвращении на родину, – я осмотрел Лувр за пятнадцать минут.

– Как вам это удалось?

– Вы же знаете, как быстро я хожу!

...Закрытая пуленепробиваемым стеклом мужиковатая Мона Лиза, исполненная великим Леонардо да Винчи так, будто писал он её, глядя на своё отражение в зеркале, не вызывает никаких эмоций, кроме желания опробовать стекло, запустив в него булыжником – орудием пролетариата. И

что только находят в ней толпы японцев, постоянно окружающих этот остеклённый шедевр? А, может, только они и находят, а мы, европейцы, нет?

Холодный мрамор Венеры Милосской, наоборот, греет душу, но на ум идёт не возвышенное, а приземлённое: «*В нашем правительстве краля бы даже Венера Милосская, если бы у неё были руки*». Присмотревшись, я замечаю диспропорцию между головой Венеры и её торсом, не говоря уж о пышной заднице, и вновь разочарованный иду прочь.

Честно говоря, в изысканных дворах Лувра дышится легче и можно долго рассматривать Двор Наполеона и стеклянные пирамиды, чувствуя себя молодым Бонапартом. В зале сфинксов я восхищаюсь украденными им в Египте образцами, чувствуя себя загадочным сфинксом. В склепе Лувра я гремлю костями, в зале манежа хочется превратиться в жеребца – эх, я бы им показал, этим парижским кобылкам!! На память приходит вчерашнее посещение «Мулен Руж». Уж как там крашенные блондинки-кобылки задирают ноги, так просто и-го-го!

Хочется с ногами влезть в шедевр Эжена Делакруа, в картину «Свобода», стать ближе к полуголой бабе, которая с винтовкой и флагом убегает с баррикады от развязного Гавроша. Судя по всему, этот проходимец трахает баб исподтишка, дождавшись, когда они захмелеют и заснут в укромном уголке таверны. В промежутках он появляется на баррикадах в жилетке и бухает в воздух из пистолета. Очевидно, за этим делом его и подсмотрел Делакруа, незаконнорожденный сын великого дипломата-пройдохи и неумного бабника Талейрана...

«Лувр – не наш Эрмитаж, у нас богаче!» – мысленно выношу вердикт и выхожу на площадь, забитую туристами.

Суматошно мелькают видеокамеры и фотоаппараты. Греются на солнышке прикормленные голуби, которых хочется поджарить и сожрать. Кстати, нигде в Париже такого блюда не найти, одни разговоры. Может, во времена старика Хема и Скотта Фитцджеральда что-то и было, но...

Какой-то старичок богемного вида, выйдя из туалета и напрочь игнорируя присутствие дам, самозабвенно застегивает ширинку. Я воочию убеждаюсь, что наши враги лгут, утверждая, что по этому признаку можно вычислить русских разведчиков. Да и где они? Кроме меня – никого...

Медленно тащусь по Тюильри. Резиденция французских королей была предана огню активистами Парижской коммуны, а теперь на революционном пепелище разбит сад.

Едва живой выхожу к Пляс де ла Конкорд, автобусы и автомобили лезут друг на друга – где же хваленая французская галантность?

Тут было бы совсем неуютно, если бы на тротуарах не потрескивали весело жарящиеся каштаны, не разносился горький запах кофе, смешанный с ароматом дорогих французских духов и зловонием затхлой кухни...

Наверное, здесь, на Пляс де ла Конкорд, Маяковскому пришли в голову строки: *«Я хотел бы жить и умереть в Париже, если б не было такой земли – Москва!»*

Хотя вряд ли. Это место не могло навевать ему, подрядному глашатаю большевиков, так презираемую всеми ратоборцами-максималистами сентиментальность.

В 1793 году на Пляс де ла Конкорд в очередной раз была доказана действенность самого совершенного и гуманного орудия Великой французской революции – гильотины. Протеже большого человеколюба, врача по профессии, Жозефа Гийотена, она лёгким дуновением ветерка снесла голову жены Людовика XVI, королевы Франции Марии Антуанетты... Стоп! Опять в башку лезет всякая чертовщина... Гильотина, кровь, головы... Когда, чёрт побери, оставят меня в покое эти обезглавленные бомжи, дело «Вурдалаки»?! Ведь более десяти лет минуло с тех пор, и на тебе – даже в Париже они меня достали! А всё потому, что я с детства не привык оставлять какое-то начатое дело на полпути... Чёрт бы побрал эти домостроевские замашки!

«Забудь о «Вурдалаках», выкинь их из головы, – говорю я себе, – ты же – в Париже... Где эти обезглавленные бомжи и где – ты?! Они – остались в прошлом, а ты исполнил наконец свою мечту и прибыл в город, о котором Эрнест Хемингуэй так великолепно отозвался, назвав его: *«праздником, который всегда с тобой»*, ну, так и празднуй, чёрт возьми, времени-то судьбой не так уж много отмерено!»

Чтобы переключить своё внимание на что-то более приятное – себя надо уметь обманывать! – я вхожу в подвернувшуюся таверну, заказываю экзотический продукт даже для наших новоявленных олигархов и начинаю священнодействовать над мидиями по-провансальски, которые мне подают в эмалированной кастрюльке, горячей, как пламя всеочищающего ада, из которой они, мидии, торчат, раскрывши свое лоно... А, чёрт! Опять сексуальные реминисценции, да когда же это кончится! Уж не взять ли девочку напрокат? Нет, денег на это командировкой не предусмотрено, так что, друг мой, продолжай сношать кого-нибудь по памяти...

Увы, это так же, как и хмелеть по памяти, – невозможно!

Если французская «наружка» наблюдает, облизываясь от зависти, как я поглощаю мидии, то она мне, конечно, этого не простит – какую-нибудь каверзу потом устроит непременно... И будет права, отомстив за

устроенный мною сеанс садомазохизма...

Так, прочь из таверны!

Я вхожу в какую-то анфиладу магазинчиков, торгующих антиквариатом, всякими дорогими безделушками, ранее принадлежавшими французским королям, их вассалам и завоёванным ими нациям и народам. Содержимое каждой лавчонки убеждает меня, что на долю каждого туриста, приезжающего в Париж, ещё достаточно нераскрытых тайн. Это ощущение усиливается, когда я натываюсь на галерею, где свободно – были бы деньги! – можно приобрести полотна всемирно известных художников: Эдуара Мане, Поля Сезанна, Ван Гога, Гогена и обожаемого мною Тулуз Лотрека. Подлинники! Увы, на мои командировочные можно приобрести разве что запах этих картин.

Кстати, о запахах. Вчера у магазина «Самаритэн» какие-то отвязные коммерсанты, парень и девица, приняв меня за американца, пытались всучить мне запаянные консервные банки, наподобие пивных, по пять франков за штуку. Уверяли, что в банки закатан, ни много, ни мало, – воздух Елисейских Полей. На банках по-английски были исполнены надписи: «весенний воздух», «осенний воздух», «утренняя свежесть», «вечерний бриз» и так далее.

Я замедлил шаг. Развязная пара оценила мой поступок со своей, коммерческой, колокольни. Я же просто искал подходящие слова, чтобы изящно, не по-американски, ответить на их притязания.

– Простите, – наконец нашёлся я. – Воздух с Елисейских Полей – это прекрасно, но я ищу консервированные экскременты апостола Петра!

...Двигаясь мимо лавчонок, сплошь увешанных картинами мастеров разных эпох, от классицизма до постимпрессионизма, краем глаза замечаю какие-то странные статуэтки, подсвечники и настольные лампы. Они вносят некоторый диссонанс в интерьер галереи и не могут не привлечь моего внимания.

Подхожу к прилавку и начинаю их рассматривать. Боже праведный, да это же настоящая кунсткамера, но как оформлена! Все выставленные на продажу предметы домашнего интерьера имеют заполненные жидкостью прозрачные полости, в которых находятся... человеческие головы. Прямо наваждение какое-то! Я от них бежал с Пляс де ла Конкорд и вдруг... С чем боролся, на то и напоролся!

Тут голов, отделённых от туловища, целая коллекция: негритянские – цвета зрелого баклажана, с курчавыми волосами, расплюснутыми носами и коровьими губами. Самурайские – жёлтые, с тремя волосинами вместо бороды и хищным прищуром щёлочек вместо глаз. На лбу у одной такой

головы замечаю каллиграфически исполненный красный иероглиф. Славянские – бородатые, разухабистые, испытые хари. Встретишь такую в ночи – враз обделаешься от избытка чувств...

Однако пора взять в узду свои нервы.

«Спокойно, Михаил, – говорю я мысленно себе, – больше юмора, ты же в Париже! Это всего лишь кукольные головы, надо к ним прицениться: Новый год на носу, тебя домашние просили позаботиться о подарках, так что – вперёд!»

Головы выглядят вполне натурально, это – не мумии фараонов, выставленные в Эрмитаже. Черты лица не просто узнаваемы – они будто вырезаны из кости, нос губы, даже щербинка между передними зубами, всё, как и положено искусно сделанной кукольной головке, только большего размера.

Мысленно представляю, как я развешу пару-тройку таких головок для своего внука на новогодней ёлке. Вот будет-то потехи для гостей! Если, конечно, ни с кем не случится сердечного приступа! Нет-нет, прочь – это уже от лукавого. Или от мистера Хичкока?

Я гляжу на головы со смешанным чувством страха, отвращения и восхищения одновременно, не в силах оторвать взгляда. Они действуют на меня завораживающе. Нечто подобное испытывают люди, стоящие у стеклянной перегородки, за которой струятся кобры, принимая предбросковую стойку. Чёрт! Как всё-таки хороши эти головки, они – произведение искусства! Или они хороши, потому что выглядят слишком естественными? В моём воспаленном воображении опять возникают образы, казалось, задавленные глыбой времени...

Нет-нет, надо немедленно всё прояснить! Но ведь минуло более десяти лет! Ну и что? В контрразведке не бывает сроков давности – в атаку!

...Моё заинтересованное отношение к выставленным на продажу головкам не остаётся незамеченным. Пожилой грузный мужчина с улыбкой, от которой тают снега Килиманджаро (вот у кого надо бы пройти практику нашим продавщицам!), и дежурной фразой: «Что желает мсье?» – приближается к прилавку.

В таких лавчонках, как и в любом французском ресторане, завсегда вы станете с первого захода, если, конечно, не будете экономить на своем имидже солидного клиента. В ресторане надо дать обильные чаевые, в лавчонке – с первого жеста продемонстрировать свою неиссякаемую кредитоспособность. Ну, скажем, приобрести, не торгуясь, дорогую безделушку. Лучше – пару. Этот способ – родной ключ к потаённым замкам сердец стоящих за прилавком торговцев...

Стоп! К этим уловкам надо прибегать лишь в том случае, если вы намерены вновь туда вернуться за чем-нибудь более существенным или что-то разузнать. Я – да, намерен разузнать!

...Против лома – нет приёма! А он – в правом кармане моих брюк. Театральным жестом я достаю... перетянутый резинкой «пресс» баксов. По сути – это «кукла» в долларовом исполнении. С двух сторон «пресс» обложен стодолларовыми купюрами, а между ними – однодолларовые. Хвала и слава американским казначеям – они позаботились о том, чтобы купюры р а з н о г о номинала были о д н о г о размера! С помощью «куклы» я легко прохожу за туриста-мота из Штатов. Плюс мой рост и безукоризненный американский выговор.

Не подумайте плохого – на случай, если незнакомка из Штатов, с которой мне предстоит встретиться, окажется в затруднительном материальном положении, меня снабдили, ну, о-очень кредитоёмкой золотой карточкой из тех, что *новые русские* веером рассыпают перед официантами и продавцами фешенебельных заведений. Однако «пресс» – это моё собственное изобретение, моё секретное оружие, я горжусь им!

«Пресс» впечатляет. Я вижу, что мой собеседник готов решить участь всей своей богадельни, не отходя от прилавка. Хоть оптом, хоть в розницу.

Начинаю прессинговать психику торговца. С его помощью неспеша выбираю безделушку подороже и, не торгуясь, небрежно швыряю зелёный «стольник» (выбранный амулет стоит 85 франков, это – около восемнадцати долларов) на прилавок.

– Простите, мсье, – раздаётся в ответ, – мы не принимаем доллары. Вам необходимо поменять валюту. Я очень сожалею, мсье...

Что ж, сейчас ты будешь жалеть еще больше.

– Я понимаю, – отвечаю я с техасской небрежностью, – но если я пойду искать пункт обмена, у меня есть вероятность заблудиться, а заблудившись, я уже сюда не вернусь, не так ли, мсье? Вы потеряете клиента, а я, между прочим, хотел бы ещё кое-что приобрести у в а с... Да и вообще, нет правил без исключений, не так ли?!

Моя наглость и намёк на то, что я могу открыть кредитную линию, производят эффект. Лавочник безропотно выкладывает на прилавок амулет и сдачу в франковом эквиваленте.

Совсем ни к чему пересчитывать полученные деньги: мы же теперь подельники!

Сунув сдачу и амулет в карман, я невзначай оставляю на прилавке 100-франковую банкноту и, не мешкая, хожу с козырного туза: интересуюсь ценой (разумеется, в долларах) напольных часов. В полости

маятника, заполненной жидкостью, влево-вправо мечется головка *а ля Карл Маркс*. Она крупнее и рельефнее остальных, кроме того, у неё такая роскошная грива-борода!

«Я очень сожалею, мсье, но эти часы не продаются, – произносит торговец, жестом фокусника смахнув банкноту с прилавка. – Они – наш торговый знак. Я очень сожалею... Странно, но вот уже более десяти лет все наши покупатели почему-то начинают с этих часов, не знаю, что и думать! Впрочем, голова в них, действительно, впечатляющая... Не угодно ли мсье взглянуть на этот чернильный прибор. В нём, правда, голова чернокожего, но тем не менее...»

Намёк на мои тexasско-расистские наклонности принят, а упоминание о сроке пребывания головы в часах всюду разжигает тлевший в моей башке фитилёк воспоминаний. Там уже полыхает пожар – и виной тому голова отца призрака коммунизма в маятнике! Я выкладываю ещё одну стофранковую купюру, которая, так же как и первая, мгновенно исчезает под прилавком, и иду ва-банк:

– Неужели за двадцать лет вы не сумели заказать себе ещё одни часы с к у к о л ь н о й головкой?! Верится с трудом! – тоном матёрого провокатора говорю я, а по спине в три ручья хлещет горячий пот.

– Это н а с т о я щ и е головы, мсье... Головы живших в недалёком прошлом людей. Поэтому-то они стоят очень дорого...

Внутреннее напряжение достигло апогея, но я с напускным спокойствием выслушиваю целую лекцию о подготовке головок к предпродажной экспозиции. Разумеется, при каждой многозначительной паузе моего визави я проворно выбрасываю на прилавок очередную купюру. Из тех, что получены на сдачу. Фантастика – я волей случая оказался на правильном пути! Плохо одно: это должно было произойти ещё в восемьдесят втором...

Сразу оговорюсь: мумифицирование человеческих голов имеет мало общего с работой специалистов, колдующих над телом Вождя в Мавзолее, хотя в обоих случаях это очень долгий процесс, включающий множество трудоёмких операций. А в случае с головами ещё и смертельный риск, потому что в Мавзолее изначально обрабатывают мёртвое тело, а головы накануне процесса мумификации должны быть непременно живыми...

В отсеченной голове просверливается маленькое отверстие, через которое внутрь запускается особый вид муравьёв, пожирающих мозг. Чтобы эти прожорливые твари не добрались до кожного покрова и мягких тканей головы, в ноздри и уши вставляются специальные пробочки. Когда муравьи вычистят полость черепа, туда впрыскивают консервант, который

обычно используется в моргах, чтобы воспрепятствовать процессу разложения.

– А-а, формалин! – в моём голосе сплошное разочарование.

– Не совсем, мсье! В него добавляется ещё целый букет трав, известных только одному человеку – магу, который и руководит всем процессом. Затем полуфабрикат – да-да, человек из-за прилавка так и сказал: полуфабрикат! – некоторое время, пока не размягчатся кости черепа, выдерживается в специальном растворе. При этом одновременно происходит стягивание, уменьшение всей кожной и даже костной структуры. Как только кости черепа станут мягкими, наступает самый ответственный момент всего технологического процесса: необходимо удержать их от сплющивания, сделать так, чтобы они, скукожившись и значительно потеряв в объёме, сохранили форму головы. За это отвечает человек, посвященный в тайны всего процесса мумифицирования. Это – тот самый маг. Он, ко всему прочему, обладает экстрасенсорными способностями. Накладывая руки на размягченные головки, он направляет на них поток своих биоволн. Манипуляция, которую невозможно выполнить с помощью лазеров и компьютеров.

По утверждению торговца, все маги-искусники – экстрасенсы с самым сильным в мире биополем. Маг будет прикладывать руки к головке до тех пор, пока она достаточно не затвердеет. Затем он осторожно будет прогревать её на пламени, втирать мази из экстракта алоэ и африканской ивы и долго сушить, пока она не превратится в ту изящную, почти кукольную головку, подобную тем, что я сейчас наблюдаю. В последующем головке предстоит постоянно находиться в жидкости-бальзаме, в состав которой входит несколько ингредиентов. Каждый из них в отдельности известен только одному человеку. Но рецепт всей смеси знает только маг. Искусство выделывания головок, именуемое на одном африканском диалекте *нга-нгоро*, передаётся по наследству от отца к сыну. Им владеют только в одном племени Центральной Африки...

– Но всего этого, мсье, можно достичь лишь при одном условии...

За этим следует многозначительная пауза и лукавый взгляд моего собеседника, устремлённый прямо мне в зрачки.

Я – парень понятливый. Сую руку в карман. О, ужас! – сдача иссякла. Делать нечего. Вынимаю «куклу» и решительно выдергиваю второй, последний, «стольник».

Знал бы московский бомж по кличке «Карл Маркс», во что обходится мне его борода! Впрочем, я на собственном опыте убеждаюсь в правоте слов Генриха IV: «Париж стоит мессы!» Ибо потраченная мною сумма –

ничто в сравнении с той информацией, которой я теперь располагаю!

Стодолларовая банкнота присоединяется к компании своих французских подружек, а торгаш, хитро подмигнув, раскалывается окончательно:

– Головы станут тем, что вы имеете честь лицезреть, лишь в том случае, если будут отняты у живого человека. Тогда кости черепа легко поддаются усадке и обработке, их даже можно слегка уменьшить в объёме, чтобы конечный товарный продукт выглядел кукольной головкой...

Человек за прилавком внимательно наблюдает за мной, за эффектом, который должна произвести на меня его откровенность. Я парирую, не моргнув глазом:

– То есть вы хотите сказать, что прежде чем приступить к мумификации, надо произвести декапитацию не покойника, но живого и здравствующего человека?

– Именно так, мсье! – в голосе торговца неподдельная радость.

Чему он радуется? Что я так быстро научаем и так спокойно реагирую на его признание или тому, что я не помчался звонить в полицию?

– А как насчёт морали, нравственности? – упавшим голосом спрашиваю я.

– Видите ли, мсье, – с видом штатного лектора вещает торгаш, – я прожил долгую жизнь и разбираюсь в людях. Вы – не ханжа, это видно из вашего отношения к деньгам... Будем откровенны до конца. В нашем мире так много людей, которые либо не могут, либо не хотят зарабатывать себе на хлеб. Они – никчемные наросты на теле планеты, которые необходимо удалять... Вместе с тем немало таких, кто невзирая на цену готовы приобрести уникальный экзотический сувенир... Как вы, например. Наше дело – удовлетворить спрос, а он довольно высок. Разве аморально – приносить пользу, идя навстречу пожеланиям людей, удовлетворять их потребности? Именно это мы и делаем! Надо сказать, мы преуспели – никто не в силах с нами конкурировать. Мы владеем монополией на изготовление и продажу мумифицированных человеческих голов!

Теоретическое обоснование убийств изложено и мной усвоено, теперь – вперёд, к практической стороне дела:

– И кто же те добровольцы, что кладут свои головы на алтарь вашего бизнеса? Если не ошибаюсь, вы находите их на всех континентах: у вас выставлены на продажу головы негроидов, монголоидов, европеоидов, наконец!

– Вы правы в одном, мсье, о н и – на всех континентах... Но они – не добровольцы. Они – дичь, за которой надо охотиться. А это дорого

обходится охотнику, потому так высоки цены в нашем магазине...

– И кто же охотник?! – вырвалось у меня.

– Вам повезло – мсье Поль Мламбо Нгкука идёт сюда...

Я невольно оборачиваюсь. Сквозь витринное стекло я вижу, как к нам приближается живописная пара. Негр огромного роста, а рядом чинно ступает питбультерьер. Размеренный и уверенный шаг двух зверей, знающих себе цену.

Питбультерьер – жуткое порождение человека, выкидыш селекции, исчадие злости, накопленной природой в добермане, в кавказской овчарке, в бульдоге и... в пуделе. В природе питбультерьера преобладает один ген. Ген абсолютного зверства. Бывали случаи, когда они загрызали даже своих хозяев, вскормивших и выпестовавших их.

Да, такой гильотине достаточно команды «*фас!*» — и нужная голова в багажнике твоего автомобиля, потому что ты – водитель военного атташе Центральноафриканской империи в Москве и владелец магазина экзотических сувениров в Париже...

Я понял, почему с приходом лета 1982-го в столице перестали появляться обезглавленные трупы бомжей: в мае господин Мламбо по окончании служебной командировки убыл на родину.

Стоп! Но милиционеры ведь пристрелили его пса. Ну и что? Мламбо-Нгкука приобрёл нового, головы-то по-прежнему в цене...

Глава вторая

Тайны «Бильдербергского клуба»

Время от времени в западную прессу каким-то неведомым путём попадают сведения о заседаниях так называемого «Бильдербергского клуба». Из отдельных публикаций известно, что в этом сообществе, окружённом почти непроницаемой завесой секретности, принимают участие крупные политики, дипломаты, банкиры, капитаны индустрии, военачальники и руководители спецслужб. Некоторые из них тесно связаны с Центральным разведывательным управлением и военно-промышленным комплексом США. Складывается впечатление, что клуб – настоящее «теневое правительство планеты», которое собирается, чтобы обсудить важные вопросы «большой политики», и, прежде всего, отношений с Россией (до 1991 года – с СССР); разработать конфиденциальные рекомендации национальным правительствам по актуальным политическим, экономическим, военным и социальным проблемам.

Однако, как показывает практика, в выигрыше всегда оказывались страны, чьи интересы представляли постоянные члены «Бильдербергского клуба».

Создатель и покровители

Официальной датой рождения «Бильдербергского клуба» считается 1952 год. Ему предшествовал период, когда только что вышедшая из войны Западная Европа стала свидетельницей фундаментальных перемен на международной политической арене и мощного коммунистического движения. Был создан Атлантический союз (НАТО); «объединённая Европа» делала свои первые шаги; западный мир с тревогой следил за ростом недопонимания между Старым Светом и Соединёнными Штатами; «коммунистическому наступлению» надо было противопоставить контрмеры, то есть более тесный союз.

Автором этого «романтического проекта» стал некий Джозеф Ретингер, персонаж с путаной биографией, кичившийся своими англосакскими корнями. Он приобрёл известность в 1947–1948 гг., когда выступил как один из наиболее рьяных поборников «европейского

единства». В качестве генерального секретаря «Европейского движения» Ретингер имел контакты с самыми влиятельными политическими лидерами Западной Европы той поры, в том числе с премьер-министром Великобритании Уинстоном Черчиллем и канцлером Западной Германии Конрадом Аденауэром. Они демонстративно оказывали Ретингеру покровительство во всех его начинаниях. В 1948 году Ретингер участвовал в Гаагском конгрессе, а затем четыре года «без усталы трудился, – как сообщает он в своих мемуарах, – чтобы подчинить весь мир европейскому идеалу».

В 1952 году Ретингер оставил свой пост в «Европейском движении» и, войдя в контакт с голландским принцем Бернардом, изложил ему свою идею: создать дискуссионный центр, своего рода клуб для продвижения по миру «западных ценностей». Берnard, фигура достаточно известная на международной арене (член совета директоров дюжины крупнейших западноевропейских авто– и авиакомпаний; выполнял важные миссии в Латинской Америке; поддерживал политические контакты с первыми лицами ряда государств), ответил, что даст согласие, если найдёт приемлемой концепцию предполагаемого формирования.

Концепция и обет молчания

Месяц спустя Ретингер представил принцу некое произведение, в основу которого были положены труды Дж. Барджеса, А. Мэхэна, Х. Маккиндера и Дж. Стронга – англо-американских геополитиков и военачальников XIX–XX веков. Своё видение политических целей и задач будущего сообщества Ретингер изложил в преамбуле концепции:

*«Англосаксы ^[1] как раса предназначены для того, чтобы одни расы вытеснить, другие ассимилировать, и так до тех пор, пока всё человечество не будет англосаксонизировано. Но прежде всего необходимо установить контроль над сердцевиной (Heartland) земного шара – Россией. Без этого мировое господство англосаксов недостижимо. Для того, чтобы овладеть Россией, этой огромной континентальной массой, необходимо выработать стратегию, в соответствии с которой США и их союзники должны, как **анаконда**, сдавливать Россию со всех сторон: с запада – Германия и Великобритания, с востока – Япония. На южном направлении надо создать государство-вассал проанглосаксонского толка, которое, раскинувшись между Каспийским, Чёрным, Средиземным, Красным морями и Персидским заливом, плотно закрыло бы тот выход,*

которым Россия пока легко достигает Индийского океана. Такого государства пока не существует, но нет причин, чтобы оно не появилось в будущем.

Рассматривая проблему с геостратегических позиций, необходимо констатировать, что главным и естественным врагом англосаксов на пути к мировой гегемонии является русский народ. Повинуясь законам природы и расовому инстинкту, он неудержимо стремится к Югу. Поэтому необходимо немедленно приступить к овладению всею полосой Южной Азии между 30 и 40 градусами северной широты и с неё постепенно оттеснять русский народ к Северу. Так как по всем законам природы с прекращением роста начинается упадок и медленное умирание, то наглухо запертый в своих северных широтах русский народ не избежит своей участи.

Безусловно, для достижения указанных целей англосаксонскому ареалу потребуется какое-то время, но уже сегодня мы должны начать движение, магистральными направлениями которого были бы:

- а) недопущение России в Европу;
- б) обеспечение доминирующей роли США в Атлантическом союзе;
- в) сдерживание Германии путём сохранения статус-кво в обоих государствах».

Принц Бернارد одобрил предложенную Ретингером концепцию, и последний немедленно созвал организационный комитет, в который кроме прочих вошли такие тяжеловесы как: Фридрих Флик I, глава промышленной империи Западной Германии, Дэвид Рокфеллер, распорядитель кредитов «Bank of America», Конрад Блэк, владелец компании «Hollinger», контролировавшей 100 западноевропейских газет и 200 еженедельников, герцог Эдинбургский, муж королевы Великобритании Елизаветы II.

В сентябре 1952 года оргкомитет провёл своё первое собрание в отеле «Бильдерберг», что в голландском городке Остербек. После чего Ретингер, не мудрствуя лукаво, присвоил созданному им сообществу имя «Бильдербергский клуб».

В ходе собрания Ретингер в категоричном тоне обязал присутствовавших «установить необходимые контакты с Соединёнными Штатами». На следующий день он усадил принца Бернарда на теплоход, вместе они пересекли океан, и после переговоров с представителями политического и экономического бомонда США создали американскую секцию клуба во главе с крупнейшими финансистами США Джозефом Джонсоном и Джоном Коулмэном (ныне его место занимает скандально

известный экс-глава Всемирного банка Пол Вулфовиц).

Согласно уставу, постоянные члены клуба – исключительно ангlosаксы по происхождению – обязаны хранить безусловное молчание и никогда не выпускать в свет официальных документов о деятельности сообщества.

Правящие среди власть имущих

Раз в 12 месяцев 60–80 видных деятелей Западной Европы и Северной Америки встречаются и совместно обсуждают «проблемы текущего момента». Присмотревшись к фамилиям бывших членов клуба, можно сделать вывод, что собрания похожи на заседания некоего «теневое кабинета министров», причём кабинета, стоящего над национальными правительствами (и уж куда более могущественного, чем последние!). На протяжении трёх дней – именно столько длятся «бильдербергские посиделки» – сходятся и беседуют друг с другом в высшей степени влиятельные люди. Они ведут дискуссии в неофициальном порядке, уверенные, что сохранение в тайне их мнений, которые нигде не записываются и никем не разглашаются, *гарантировано*. По завершении обсуждения они принимают решения и вырабатывают совместную ориентацию, которая носит *обязательный характер* и впоследствии реализуется *в практической деятельности каждого*.

Регламент «Бильдербергского клуба» предусматривает ежегодную рассылку приглашений. Это означает, что участие в одной встрече вовсе не даёт права присутствовать на всех последующих. Список участников составляется особым комитетом, под контролем председателя (до своей смерти им был принц Бернард).

В соответствии со специальной статьёй устава, критерием при отборе участников заседания всегда является их приверженность «к духовным ценностям Запада». Приглашёнными, как правило, являются граждане стран – участниц НАТО, но в любом случае, приезжая на встречу, они должны отречься от каких бы то ни было «националистических предрассудков».

Согласно уставу расходы оплачиваются теми, кто в данном случае оказывает гостеприимство «бильдербергцам». Было замечено, впрочем, что в последние годы заседания неизменно проходили в гостиницах, принадлежащих баронам Ротшильдам в Европе и Рокфеллерам – в Соединённых Штатах.

Каждый из участников добирается до места встречи инкогнито и за свой счёт. Единственным документом после каждой встречи остаётся конфиденциальный отчёт, направляемый только её участникам при строгом условии, что содержание документа никогда не будет предано огласке. В отчёте указываются главные темы состоявшегося обсуждения без упоминания имён выступавших или выражавших свои мнения.

«Тайные» спонсоры

Когда в 1970-х гг. американский журнал «Рэмпартс» опубликовал перечень международных учреждений и организаций, прямо или косвенно финансируемых Центральным разведывательным управлением, и оно вынуждено было признать точность этого списка, международные политические наблюдатели тотчас стали искать в нём «Бильдербергский клуб». Однако к их разочарованию в перечне его не оказалось. Это обстоятельство выглядело тем более странным, так как у ЦРУ с «Бильдербергом» всегда было немало точек соприкосновения. Для этого надо лишь обратиться к причинам появления клуба и открытию его американской секции.

Аргумент первый. Едва Джозеф Ретингер ступил на американскую землю и заявил о своей инициативе, безоговорочную поддержку ему тотчас оказал не кто иной, как Уолтер Беделл Смит, директор ЦРУ. Вплоть до 1957 года Беделл Смит официально фигурировал в качестве одного из руководителей американской секции «Бильдербергского клуба» вместе с Джозефом Джонсоном, директором Фонда Карнеги. Этот институт служил одним из секретных каналов перемещения финансовых средств от ЦРУ различным организациям.

Аргумент второй. Джозеф Ретингер, как известно, был «апостолом европеизма» и генеральным секретарём «Европейского движения». Это «движение», как ныне достоверно известно, получало внушительную финансовую поддержку от ЦРУ через «Американский комитет за объединённую Европу» – организацию, которую с 1949 года спонсировал самый известный из всех шефов ЦРУ – Аллен Даллес и его правая рука Том Брэден, руководитель международного отдела управления.

Уходя в отставку в 1967 году, Брэден выложил многое из того, что знал. Репортёрам итальянского еженедельника «Еигорео» Коррадо Инчерти и Сандро Оттоленги он рассказал, в частности, что ЦРУ создало в Европе (и не только в Западной!) многочисленные организации, открывающие путь

к прямому вмешательству в дела различных государств. Одной из таких организаций был «Американский комитет за объединённую Европу», который в 1947–1952 гг. передал Дж. Ретингеру, руководителю «Европейского движения», 60 миллиардов лир (в те годы 1 тысяча лир = 1,54 рубля). Наиболее крупная часть этой суммы была вручена Ретингеру в 1951 году, когда в ответ на проведение Советским Союзом Всемирного фестиваля молодёжи в Берлине «Европейское движение» развернуло активнейшие акции по срыву этого мероприятия. ЦРУ продолжало финансировать «движение» до 1967 года, когда «Американский комитет» был распущен как скомпрометировавший себя орган. Вплоть до этого момента в его правлении числились по меньшей мере пять официальных представителей ЦРУ: Уильям Донован, Беделл Смит, Аллен Даллес, Том Брэден и Чарльз Споффорд.

Что касается участия в заседаниях «Бильдербергского клуба» деятелей различных институтов, так или иначе связанных с ЦРУ, то сегодня достоверно известно, что к ним принадлежали: Шепард Стоун, руководитель «Ассоциации за свободу культуры»; Барри Бингэм, председатель «Международного института печати»; Джозеф Джонсон, директор Фонда Карнеги; Ирвинг Браун и Уолтер Рейтер, два профсоюзных босса, которым, как признался журналистам из «Еuroreo» сам Том Брэден, он передавал деньги ЦРУ.

Вышеизложенное признал и Ретингер в своих мемуарах, увидевших свет незадолго до его смерти.

Повестка дня

Главная тема дискуссии во время заседаний клуба обычно излагалась и конкретизировалась в нескольких выступлениях. Они подлежали обязательному согласованию с председателем и затем вносились в повестку дня работы клуба. Сегодня, знакомясь с теми немногими протоколами заседаний, оказавшимися в распоряжении наиболее удачливых (или кредитоспособных?) изданий, можно сделать вывод, что «бельдербергцы» особо пристальное и предвзятое внимание уделяли СССР и «угрозе» распространения коммунистических идей на планете. С высоты прошедших лет можно также оценить, насколько правительства стран Западной Европы придерживались установок, выдвинутых «Бильдербергским клубом».

1952 год – Остербек, Голландия: «Защита Европы от

коммунистической опасности. Позиция Советского Союза».

1955 год – Барбизон, Франция: «Коммунистическое проникновение на Запад. Ответ США в политическом, идеологическом и экономическом плане. План Маршалла».

1955 год (второе, внеочередное заседание) – Гармиш. ФРГ: «Попытка СССР вступить в Атлантический союз. Отказаться. В качестве члена принять Западную Германию. Подрывные акции коммунизма в Азии и позиция Запада. Некоторые стратегические аспекты использования атомной энергии для устрашения противника в лице СССР и его сателлитов».

1956 год – Фреденсборг, Дания: «Средства противодействия антизападным блокам. Всемирный фестиваль молодёжи в Москве (1957 г.) – элемент в системе коммунистической пропаганды. Укрепление Атлантического союза как ответ на образование военного блока «Варшавский договор».

1958 год – Бакстон, Великобритания: «Будущее Атлантического союза. Коммунистическая экспансия на Запад. Меры упреждения».

1960 год – Бургенсток, Швейцария: «Полёты U-2. Международная обстановка после срыва Хрущёвым Парижского совещания в верхах. Позиция США. Проблемы неевропейских государств».

1962 год – Салтшёбан, Швеция: «Карибский кризис. Советские ракеты на Кубе. Роль Запада в устранении опасности возникновения ядерной войны. Побудить Д.Ф. Кеннеди встретиться с Хрущёвым».

1964 год – Вильямсберг, Соединённые Штаты: «Атлантический союз и выход из него Франции, причины и последствия. Развитие внутривосточной обстановки в СССР в связи с отстранением Хрущёва от власти. Возможная новая советская позиция. Куба, Китай».

1971 год – Сент-Саймонс, Соединённые Штаты: «Необходимость освобождения американской валюты (доллара) от золотого обеспечения. Военные поставки США в Западную Европу».

1973 год – Вилла д'Эсте, Италия: «Боевые действия Египта и Сирии против Израиля. Голда Меир готова применить ядерное оружие. Вмешательство СССР. Соединённым Штатам осуществить экстренную военную помощь Израилю. Энергетический кризис на Западе».

1980 год – Кембридж, Великобритания: «Ввод советских войск в Афганистан. Адекватные меры Запада. Резолюция по отказу от участия в Олимпийских играх в Москве».

1985 год – Висбаден, ФРГ: «Поддержка инициативы Горбачёва по оздоровлению экологической обстановки в Советском Союзе. Предоставление СССР займов МВФ. Новые проблемы Атлантического

союза».

1987 год – Сан-Ремо, Италия: «Возможности Западной Европы и США во время схода восточноевропейских стран с коммунистической орбиты».

1989 год – Канн, Франция «Реакция Запада на поглощение Федеративной Республикой Германии карликового государства-вассала (ГДР). Работа с окружением Горба-чёва».

1991 год – Межёв, Франция: «Попытка переворота в СССР. Упредительная реакция США и Западной Европы на возможное отстранение Горбачёва от власти. Выработка единой платформы в отношении курса Ельцина».

«Бильдербергцы» кошмарят планету пандемиями

Во втором издании книги порнозвезды и по совместительству депутата итальянского парламента по прозвищу Чиччолина «Ilona Staller: Cicciolina for you.» («Илона Сталлер, а для вас Чиччолина») есть такой пассаж:

«В конце XX – начале XXI в. на заседаниях «Бильдербергского клуба» чаще остальных стала фигурировать повестка дня, в которой подлежали рассмотрению вопросы борьбы с распространением пандемий, в частности, с птичьим гриппом и с атипичной пневмонией. На этом настаивали постоянные члены клуба – министр обороны США Дональд Рамсфелд и глава Всемирного банка Пол Вулфовиц (до того, как стать «всемирным» банкиром, он был заместителем Рамсфелда). При этом их тон не был рекомендательным, но императивным. Что вполне объяснимо: даже занимая высокие государственные посты, оба входили в совет директоров частных фармацевтических гигантов «Биота» и «Гилеад», выпускающих тамифлю – универсальное средство для лечения и профилактики птичьего гриппа и атипичной пневмонии. Более того, Рамсфелд и Вулфовиц являются крупнейшими держателями акций этих транснациональных монстров. С помощью генерального директора ВОЗ Маргарет Чен «сладкая парочка» устроила хорошо спланированную информационную диверсию, которая способствовала глобальному переделу рынков белого мяса. В итоге «неправедная тройца» стала богаче на несколько десятков миллионов долларов. А рядом с ними, но в тени – Эдмон Давиньон, почётный председатель... да-да, «Бильдербергского клуба»! Он тоже основательно погрел руки на курином гриппе, потому как является крупным акционером всё той же фирмы «Гилеад»...»

Чиччолине верить можно. Она, будучи агентом влияния, 30 лет

«таскала из огня каштаны» для венгерской секретной службы. По заданию своих операторов переспала почти со всеми сенаторами Италии и государственными деятелями западноевропейских стран и записала на диктофон их откровения. Многие её секс-партнёры принимали участие в заседаниях «Бильдербергского клуба» и не понаслышке знали, как американцы, спровоцировав вселенскую панику, умели превратить политическое влияние в осязаемый капитал.

Думается, что книга – всё-таки не плод досужих размышлений Чиччолины, а итог кропотливой работы группы весьма информированных и хорошо проплаченных журналистов, которые, выполняя чей-то заказ, воспользовались именем порнодивы как раскрученным брендом и изготовили сочинение политической направленности, да ещё и с «антибильдербергской» начинкой! Ведь как бы ни были разнообразны связи Чиччолины в верхних эшелонах власти, верится с трудом, что она обладает необходимым запасом архивных материалов, политической прозорливостью и, наконец, бойким пером для создания подобного опуса. Впрочем, анонимное авторство не умаляет его достоинств и значения.

Внимание привлекает совпадение многих пунктов повестки дня заседаний «бильдербергцев» с событиями, имевшими место в Советском Союзе и в мире в конце XX – начале XXI в. Достаточно внимательно проанализировать представленную выше повестку дня...

Сегодня мало кто помнит, как Михаил Горбачёв, став в 1985 году Генеральным секретарём КПСС, предложил исключить из её Устава положение о диктатуре пролетариата, так как *«в настоящее время борьба за экологию представляется нам более актуальной»*. Вслед за этим, с его высочайшего благоволения, в СССР, как грибы после дождя, появились ячейки «зелёных». Ячейки, которые были клонами скандально известного на Западе общества «Гринпис». И что? По свидетельству академика Жореса Алферова и других российских учёных-патриотов, доморощенные «зелёные», умело направляемые «гринписовцами», применив «оружие массового угнетения сознания» – фальсификации и подтасовки, – возбудили у населения Советского Союза страх перед повальным заражением сальмонеллёзом. В итоге в 1987 году рухнул «Птицепром», и страну стали заваливать заокеанскими «ножками Буша».

Сразу после того, как производство птичьего мяса было сведено в СССР к нулю, «зелёные» вывели на орбиту нитратную страшилку, из-за которой овощи и фрукты, выращенные колхозниками, были вывезены на свалки, а прилавки заполнились продукцией из Голландии, Бельгии, Франции. Даже сено для скота доставляли из... Аргентины! А ведь в те

годы за рубежом на каждый гектар пашни вносилось в три раза (!) больше нитратов, чем в СССР.

В итоге сельское хозяйство приказало долго жить, и продукты питания в СССР стали поставлять зарубежные фермеры. А все «зелёные» тут же исчезли. Оно и понятно: мавр сделал своё дело...

Между тем карнавал абсурда продолжался. В 1989 году «Бильдерберг», шутки ради и развлечения для, специально для нас запустил сероводородную страшилку.

Было так.

Во время очередного визита супругов Горбачёвых в США мистер Бжезинский, заклятый друг СССР, нашептал Раисе Максимовне, что, дескать, Чёрное море может... вспыхнуть в любой момент по причине сероводородных испарений. И что же? Михалсергеич, выступая на Международном форуме экологов, стал пугать мировое сообщество черноморским пожаром!

После этого конфуза шаржи на Горбачёва с огнетушителем в руках были вынесены на первые полосы всех ведущих газет капиталистического мира...

Однако когда на кону стоят миллиарды долларов, у постоянных членов «Бильдерберга» притупляется англосакский инстинкт крови. Как только бильдербергцы-бриты попытались защитить своих производителей говядины, подняв вопрос о пересмотре в их пользу налогов на сельхозэкспорт, бильдербергцы-штатники тут же выпустили джинна из бутылки. Назывался он *коровье бешенство*. Коров британских пожгли, вопросы налоговые сняли, а бешенство... А бешенство со временем куда и подевалось – рассосалось само собой!

Не исключено, что и недавно раскручиваемая свиная страшилка имеет ту же конъюнктурную природу, что и надуманные пандемии сальмонеллёза, птичьего гриппа и атипичной пневмонии...

Глава третья

Шпионы у Святого престола

Корпорация «Ватикан»

Ватикан многолик. Всё зависит от точки обзора и от выбора критерия для его оценки. Для любителей искусства Ватикан – это уникальное и грандиозное собрание шедевров великих мастеров прошлого, главным образом Возрождения. Гением Браманте, Рафаэля и Микеланджело возведён собор Святого Петра, поражающий воображение размерами и роскошью внутреннего убранства. В папских дворцах веками накапливались бессмертные творения Леонардо да Винчи, Караваджо, Джотто. У многих Ватикан ассоциируется с Сикстинской капеллой, лоджиями и станцами Рафаэля.

Историки отдадут дань уважения Ватикану за его богатейшие архивы, собрания редчайших рукописей и старинных книг. Здесь хранятся «Часослов» – православная богослужебная книга с бесценными миниатюрами, «Божественная комедия» Данте с иллюстрациями Боттичелли. А ватиканской библиотеке с литературой XX века может позавидовать любая западноевропейская страна.

Научной общественности Ватикан известен папской Академией наук, основанной в 1603 году. Среди её членов несколько лауреатов Нобелевской премии.

Для 800 миллионов католиков Ватикан – центр духовного притяжения, где, по преданию, принял мученическую смерть Князь апостолов Пётр, а ныне живёт его преемник, первосвященник всемирной церкви, патриарх Запада, носитель верховной власти государства-города Ватикан, глава католической церкви папа римский.

Однако у Ватикана есть ещё одно обличье, которое неведомо туристам и миллионам верующих. Это мир политических интриг, финансовых афер, махинаций с недвижимостью, с произведениями искусства, являющихся церковной собственностью, и, наконец, мир шпионских козней.

Такой Ватикан сложился не сразу, и корни его уходят в Средние века, когда, фарисействуя, папство не заботилось о сокрытии преступлений и ограбления подданных.

Союз с итальянским, а затем с германским фашизмом определял в тот

период политическую ориентацию верхушки Римской курии. Однако уже в 1943 году её политический вектор резко изменился. И уже через год Уильям Donovan, глава Управления стратегических служб (ныне ЦРУ), получил из рук папы Пия XII Большой Крест ордена Св. Сильвестра. Такая награда вручается только тем, кто *«ратными подвигами либо сочинениями, либо выдающимися деяниями своими распространяли веру, охраняли церковь и вставали на её защиту»*.

Сегодня известно, что к *«ратным подвигам»* генерала Donovan относится установление сотрудничества с главой католической разведывательной службы «Pro Deo» («Именем Божьим») преподобным отцом Морлионом. Того самого, кто, согласно американскому журналу «Мозер Джоунс», во время Второй мировой войны получал деньги от американцев, передавая им информацию о расстановке сил в Ватикане, и знакомил их с конфиденциальными отчётами, поступавшими от папских нунциев и апостолических делегатов из разных уголков мира.

После Второй мировой войны реакционные круги Ватикана всё более тяготели к Соединённым Штатам, добиваясь сближения центра мирового католицизма с супердержавой. Достаточно сказать, что Святой престол, накопив огромные запасы золота, предпочитает хранить их в США. Это было связано с появлением в Ватикане американского архиепископа Пола Марцинкуса, агента влияния ЦРУ, быстро прибравшего к рукам бразды правления не только финансовой, но и политической деятельностью папства.

В жизни и деятельности Ватикана есть один аспект, который заслуживает особого внимания. Речь идёт об отношении основных фигур ватиканской политики к коммунизму вообще и к коммунистам, в частности. Надо признать, что все они – основные фигуры – махровые антикоммунисты. И других персонажей в Святом престоле нет! Причём этот антикоммунизм Ватикана уходит корнями в XIX век, когда коммунизм был ещё лишь «призраком», а папа Римский уже тогда считал нужным ополчиться на него. До крушения социалистической системы в Восточной Европе и развала СССР ватиканский антикоммунизм скреплял союз клерикальной реакции с наиболее агрессивной частью англосакского ареала.

Святой престол на протяжении веков оказывал огромное влияние на миллионы верующих, вдохновляя их антикоммунистической идеологией. Немалую роль играет и то обстоятельство, что Ватикан был и остаётся центром, в котором сосредотачивается масса разнообразной, и не только религиозной, информации. Это в значительной степени определило главное

направление устремлений разведок социалистических стран по внедрению в Ватикан своих информаторов...

«Великолепный монах»

Историю советского шпионажа в Ватикане изложил в своей книге «Spies In The Vatikan» («Шпионы в Ватикане») бывший офицер РУМО, военной разведки Соединённых Штатов, Джон Келлер, который в 1980-е годы был советником президента Рейгана.

После изучения документов, рассекреченных по окончании «холодной войны» в Москве и других столицах восточноевропейских стран, Келлер пришёл к выводу, что руководство Советского Союза приняло решение внедрить своих агентов в Ватикан в 1960-е годы, когда тот начал проводить так называемую «восточную политику», воспринимавшуюся в Москве как вмешательство во внутренние дела соцстран.

Операцией руководил Маркус Вольф*, начальник Главного управления разведки (ГУР) Министерства госбезопасности (более известного как «Штази») Германской Демократической Республики. Вольфу удалось провести ряд дерзких акций по внедрению в директивные органы Святого престола своих секретных сотрудников: Пауля Диссемонда, бенедиктинского монаха Ойгена Браммерца и бакалавра философского факультета Мюнхенского университета Альфонса Вашбюша.

Диссемонд начал работать на «Штази» в 1974 году, когда он занимал пост генерального секретаря Немецкой епископской конференции. Это он информировал «Штази», что тогдашний государственный секретарь Римской курии кардинал Агостино Казароли установил контакты с рядом епископов ГДР и Польши для проведения совместной с Ватиканом враждебной социалистическим странам политики. Политики, которая была рассчитана на подрыв и ослабление соцлагеря в целом.

Монах-бенедектинец Ойген Браммерц был завербован контрразведчиками «СМЕРШ» в мае 1945-го, когда он как военный врач люфтваффе был интернирован в лагерь военнопленных.

В 1975 году Браммерц был отправлен трирским бенедектинским аббатством св. Матфея в Рим, где стал работать переводчиком в редакции немецкого издания ватиканской газеты «Оссерваторе романо». Со временем ему удалось проникнуть в комиссию Святого престола по науке, членом которой являлся кардинал Казароли, «архитектор восточной политики».

Самым крупным успехом «Великолепного монаха» – под этим

псевдонимом Браммерц проходил в платёжных ведомостях «Штази» – явился отчёт, составленный им и отправленный Маркусу Вольфу. В отчёте были не только перечислены все лица, причастные к проведению «восточной политики, но и даны им исчерпывающие характеристики.

После избрания краковского кардинала Кароля Войтылы на папский престол под именем Иоанна Павла II «Великолепный монах» регулярно отправлял в «Штази» донесения о «растущем влиянии польского духовенства в Ватикане».

В 1987 году, после смерти Браммерца, его тайное дело продолжил другой немец, состоявший в агентурном аппарате «Штази» с 1965 года под псевдонимом «Антониус». Начиная с 1976 года он работал в качестве корреспондента немецкоязычного католического информационного агентства KNA. В 1981 году, во время чрезвычайного положения в Польше, объявленного генералом Войцехом Ярузельским, Вашбюш снабжал польские спецслужбы сведениями о подрывной деятельности католической церкви внутри страны.

* * *

Максимально приблизиться к папе Иоанну Павлу II удалось другому агенту, польскому священнику-доминиканцу Конраду Станиславу Хеймо, который водил дружбу с Каролом Войтылой ещё со времён совместной учёбы в Краковском университете. В Италии патер Хеймо занимался организацией паломничества католиков из Польши в Рим и имел неограниченный доступ к понтифику, вплоть до последних дней его жизни. Возможно, поэтому дело Хеймо считается самым шокирующим.

Обвинения против Хеймо были выдвинуты в 2005 году Леоном Кьеросом, тогдашним директором польского Института национальной памяти (ИНП), собирающего и исследующего документы, связанные с деятельностью спецслужб Польской Народной Республики.

Кьерес ознакомил западных журналистов с некоторыми документами, доказывающими шпионскую активность патера Хеймо, при этом заявил, что в файлах службы безопасности тот проходил под псевдонимами «Доменик» и «Хейнал», и «ИНП подготовило по поводу его деятельности досье из 1000 страниц.

По мнению Ярека Целецкого, другого польского священника, занимавшего пост директора Информационной службы Ватикана, Хеймо всегда отличался фанатичной преданностью Войтыле, и если он

действительно работал на польскую службу безопасности, то это было исключительно по принуждению или из-за благих побуждений, которые навредить понтифику никак не могли...

На пресс-конференции в Риме, сразу после того, как ему приклеили клеймо агента коммунистической спецслужбы, патер Хеймо категорически отверг выдвинутые против него обвинения в шпионаже. Однако признал, что часто вёл себя «как наивный человек». Посетовал, что если его и можно в чём-то упрекнуть, то только «в излишней болтливости». С его слов выходило, что он мог иногда делиться подробностями о жизни и деятельности папы римского с людьми, надёжность которых была ему неизвестна. «В любом случае, – оправдывался патер, – этим людям я рассказывал о папе лишь то, что можно было почерпнуть из открытых источников печати».

Кто натравил «Серого волка»?

Есть классическая тема, которая неизбежно всплывает при обсуждении деятельности спецслужб восточноевропейских соцстран в отношении Ватикана, – это пресловутая причастность Болгарии и ГДР (за которыми, по мнению ярых антисоветчиков, конечно же, стоит КГБ) к покушению на жизнь Иоанна Павла II в 1981 году. Справедливости ради необходимо отметить, что до сих пор причастность СССР к покушению так и не была доказана.

И ныне покойный глава КГБ Владимир Крючков, и Михаил Горбачёв, и болгарский президент Георгий Пырванов хором отрицают участие СССР в попытке турецкого террориста Мехмета Али Агджи убить папу. Да и сам Агджи во время визита Иоанна Павла II в Софию публично поблагодарил его за то, что он предложил реабилитировать Болгарию на международной арене, сняв таким образом с неё подозрение в участии организации покушения на понтифика. Вместе с тем, по свидетельству главного редактора «Оссерваторе романо» Джана Марии Вяна, Войтыла всё-таки до конца жизни был убеждён, что заказчик покушения скрывается где-то в бывших соцстранах. Что Мехмет Али Агджа, турецкий националист из организации «Серые волки», был только исполнителем и его услугами воспользовались, чтобы замести следы...

Этим же делом несколько лет назад занималась следственная комиссия итальянского парламента под руководством сенатора Паоло Гуццанти. Располагая новыми данными из так называемого «досье Митрохина»

(выписки из архивных материалов КГБ, сделанные отставным майором-перебежчиком Василием Митрохиным и переданные им спецслужбам Англии), комиссия пришла к выводу, что за покушением на папу всё-таки стояли спецслужбы соцстран. И это вопреки тому, что корректность и объективность расследования подверглась сомнению в правительственных кругах многих западноевропейских стран.

Убеждённость Паоло Гуццанти и членов его комиссии зиждется на пресловутом документе, одобренном Секретариатом ЦК КПСС 13 ноября 1979 года, то есть вскоре после избрания на папский престол кардинала Войтылы. В документе, якобы, изложен «приказ Комитету госбезопасности СССР о необходимости противодействия новому курсу, начатому польским папой, дополнительными средствами».

По мнению Келера, этот документ со всей очевидностью доказывает, кто являлся заказчиком покушения на понтифика, ибо на нём есть подписи девяти руководителей КПСС, включая и Михаила Горбачёва, ещё не ставшего к тому времени ни генеральным секретарём, ни «апостолом перестройки». Не странно ли?! Вслед за этим возникает вопрос: насколько аутентичен документ? Во-первых, западные спецслужбы способны на фабрикацию любых документов. Во-вторых, слова **«дополнительными средствами»** не могут быть истолкованы однозначно. Если речь идёт об идеологических диверсиях и использовании контрпропаганды – это одно, а совершение политического убийства – совсем другое!

Кроме того, Джону Келеру надо бы знать, что к 1980-м годам и КГБ, и спецслужбы соцстран категорически отказались от убийств как средства политической расправы, и их подразделения по проведению «спецопераций» окончательно ликвидированы. Времена-то наступили вполне вегетарианские!

«Бей по воробьям – попадёшь и в сокола!»

Вспоминается анекдот: во время Великой Отечественной войны Вячеслав Молотов, бывший в то время министром иностранных дел, обратился к Сталину с предложением включить в Антигитлеровскую коалицию Ватикан, поскольку тот имеет бесспорный авторитет у миллионов католиков. На что вождь язвительно спросил: «А сколько у Ватикана дивизий?»

История наверняка выдумана, но звучит вполне правдоподобно. Справедливости ради надо признать: кое-какая армия у Святого престола

всё-таки есть, хотя и выполняет церемониальные функции. Это – полторы сотни швейцарских гвардейцев, вооружённых алебардами и облачённых в живописную униформу XVI века. Тем не менее в период «холодной войны» Маркус Вольф^[2] нашёл применение бойцам и этого «воинства».

В мае 1998 года в селении Винитепо, что на итало-швейцарской границе, в мягком VIP-вагоне сверхскоростного поезда Рим – Женева были обнаружены трупы начальника ватиканской охраны полковника Алоиса Эстерманна, его жены Марии-Луизы и капрала роты швейцарских гвардейцев Седрика Торнэ.

В ходе предварительного следствия было установлено, что супруги Эстерманн убиты из табельного оружия капрала, который затем покончил с собой. Полицейские решили, что перед ними жертвы традиционного любовного треугольника: престарелый муж, его блудливая жена, которая по возрасту годится ему в дочери, и молодой красавец-любовник, у которого, похоже, крыша поехала. Эту версию поддержали в Святом престоле, и ватиканский пресс-секретарь Хоакин Наварро Вальс поделился ею с примчавшимися на место происшествия репортёрами итальянских, швейцарских, немецких газет и соответствующих телестудий. Однако сутки спустя в сумочке Марии-Луизы был обнаружен замшевый мешочек с шестью кассетами микрофильмов о заседаниях папского Совета и... о производстве подводного вооружения на секретном заводе ВМС Италии в Сан-Бартоломео! Разумеется, эти находки заставили взглянуть на трагедию под иным углом зрения.

К расследованию приступили сотрудники «Pro Deo», итальянские и швейцарские контрразведчики. Собственное расследование начала также и редакция западногерманской газеты «Берлинер Курир». Полгода спустя на её полосах в течение недели публиковалась сенсационная сага о перипетиях супругов Эстерманн...

Ссылаясь на анонимный источник в Ведомстве по охране конституции (контрразведывательный орган Германии), газета сообщила, что шпионский «семейный подряд» Эстерманнов работал на «Штази» с 1980 года. Первым был завербован Алоис. Он стал объектом заинтересованности гэдээровских разведчиков ввиду его близости к папе Иоанну Павлу II и наличия ватиканского паспорта, который позволял ему беспрепятственно путешествовать по миру.

Под псевдонимом «Вердер» Алоис Эстерманн охотно «таскал из огня каштаны» для своих кукловодов из «Штази», так как «сверхурочная работа» ежемесячно сулила дополнительные 1500 западногерманских марок (сегодня примерно 750 евро) в семейный бюджет. Столько же он

получал и на основном месте работы.

В 1984 году он овдовел и сразу женился на взбалмошной фотомодели, итальянке из Триеста, которая была на 23 года моложе его. Склонить жену к сотрудничеству труда не составило, ибо больше всего в жизни она ценила деньги. Сомнения в её надёжности как секретного агента возникли у операторов «Вердера». Он успокоил их, приведя в качестве аргумента итальянскую поговорку: «За неимением лучшего приходится спать со своей женой». На том и порешили. Марии-Луизе присвоили псевдоним «Соната», и супруги Эстерманн стали работать на восточногерманскую разведку в «четыре руки». «Вердер» добывал конфиденциальную информацию о папском дворе и о его контактах с капитанами западноевропейской индустрии, в том числе и в военной отрасли, а «Соната» выполняла роль связника, доставляя «почту» в указанное Центром место. Встречи с разведчиками ГУР проводились только на нейтральной территории: в Швейцарии, Австрии, Франции, реже – в Западной Германии. Из Рима «Соната», как правило, выезжала в пункт назначения сверхскоростным экспрессом. За 18 лет сотрудничества супруги добыли и передали около 700 донесений. Трудно оценить, насколько велика была опасность провала для «Вердера», но то, насколько это было рискованное предприятие для «Сонаты», можно судить по одному эпизоду.

Однажды на вокзале итальянского приграничного городка Больцано сотрудники итальянской контрразведки вместе с австрийскими коллегами в целях обнаружения и задержания наркокурьеров проводили поголовную проверку пассажиров экспресса Рим – Инсбрук. Особо тщательно сыщики обследовали багаж и личные вещи путешественников.

«Соната» не растерялась, громогласно заявив, что больна гриппом, она достала коробку с бумажными салфетками, в которой были спрятаны полученные от мужа микрофильмы, и стала вытаскивать из неё салфетки. Когда очередь дошла до неё, она сунула коробку прямо в руки офицеру-итальянцу. Чихая и кашляя прямо ему в лицо, стала рыться в сумочке в поисках билета. Разумеется, билет был найден, когда поезд уже готов был тронуться.

Итальянец облегчённо вздохнул, предвкушая избавление от гриппозной соотечественницы, поспешно сунул ей в руки коробку, так и не досмотрев её, и даже помог плутовке подняться в вагон! Ценнейшие сведения вновь достигли адресата...

...Завершая повествование о супругах-шпионах, «Берлинер Курир» резюмировал: *«Вот так юный Седрик Торнэ, незадачливый любовник-самоубийца, помог разоблачить действовавший почти два десятилетия*

шпионский тандем...»

Часть четвертая
Заговоры

Глава первая

Мистическая неуязвимость тирана

Через три месяца, минувших со дня начала Второй мировой войны, в Германии начало расти возмущение жестокостью действий Гитлера. Спонтанно в различных слоях населения стали формироваться мелкие группы сопротивления с целью уничтожения диктатора. Со временем и НКВД займётся подготовкой организации покушения на тирана...

Тираноборцы-одиночки

8 ноября 1939 года в мюнхенской пивной «Бюргербройкеллер» некто Георг Эльзер, житель Берлина, краснодеревщик по профессии, попытался убить фюрера с помощью самодельной бомбы. 20 человек были ранены, пятеро убиты, но покушение не достигло цели – Гитлер покинул пивную за полчаса до взрыва.

Гестапо быстро вышло на след террориста, и он, по приговору военно-полевого суда, был казнён.

Та же участь постигла полковника рейхсвера Ганса Остера, 8 ноября 1940 года заложившего мину замедленного действия всё в той же пивной. Однако на этот раз Гитлер ввиду занятости даже не прибыл в «Бюргербройкеллер». Жертвами стали около 30 человек, в том числе семеро были разнесены в клочья...

...Вторичное неудавшееся покушение необычайно усилило в Гитлере уверенность в собственном предназначении, и все радиостанции Германии передали его хриплый от возбуждения голос: *«Теперь я совершенно спокоен! Я умру только тогда, когда моя миссия на этом свете будет выполнена!»*

Почему покушения устраивались в одном и том же месте и в один и тот же день?

Дело в том, что 8 ноября 1923 года именно в «Бюргербройкеллер» Гитлер собрал своих сторонников. Дьявольская идея о превосходстве немецкой расы над всеми иными родилась не в пивной, а в умах собравшихся. В «Бюргербройкеллер» она оформилась в колонну изрядно накачавшихся пивом единомышленников Гитлера, которые под его предводительством той ноябрьской ночью двинулись к Оден-платц для

захвата правительственных учреждений земли Бавария, но были обстреляны и рассеяны полицией, а зачинщик «пивного путча» и его ближайшие поделщики были отправлены в тюрьму на четыре года. В 1927 году Гитлер вышел на свободу, и с тех пор «пивную вечерю» Адольф и его единомышленники стали ежегодно отмечать 8 ноября в «Бюргербройкеллер».

Дьявольское провидение ведёт Гитлера за руку

В 1943 году в среде старших офицеров и генералов вермахта возникло движение Сопротивления, целью которого было физическое устранение Гитлера. В течение года на него было совершено 7 (!) покушений, но все они оказались неудачными. Лишь с приходом в это движение харизматической личности – графа Шенка фон Штауфенберга, героя войны, получившего из рук фюрера высшую награду рейха – «Железный крест», осыпанный бриллиантами в обрамлении дубовых листьев, – у заговорщиков появились шансы на успех. Однако 20 июля 1944 года тщательно спланированное покушение вновь, как и прежде, провалилось. А случилось это потому, что непосредственно перед взрывом бомбы, заложенной полковником Штауфенбергом, Гитлер без видимых причин перешёл на другую сторону дубового стола, за которым проводилось совещание в его ставке «Волчье логово» в Восточной Пруссии. Это перемещение вывело фюрера из зоны полного поражения.

Тот факт, что и на этот раз Гитлер уцелел, был интерпретирован им в свойственной ему манере – он ещё больше укрепился в вере в свою избранность и особое покровительство провидения. Обращаясь к своему личному врачу, доктору Мореллю, фюрер с пафосом произнёс: «Я неязвим, я бессмертен!»

Сразу после неудавшегося – десятого по счёту – покушения Гитлер находился в эйфорическом состоянии, поскольку относительно безболезненно избежал преисподней, и снова уверился в своей миссии.

Однако, с медицинской точки зрения, последствия этого покушения отнюдь не выглядели безобидными: отнялась по причине контузии левая рука, на лице множество незначительных резаных ран, волосы на затылке сожжены, из ушей сочилась кровь, правое ухо полностью утратило слух, из тела Гитлера извлекли около двухсот деревянных осколков...

...Заговорщиков, а их насчитывалось около сотни, немедленно нейтрализовали, и вскоре те, кто не успел застрелиться, были казнены.

К устранению Гитлера готовились и в Советском Союзе...

Идея организовать акцию по физическому уничтожению Гитлера возникла осенью 1941 года, когда фашисты вплотную подошли к Москве. Советское руководство не исключало возможность захвата противником столицы, в связи с чем Управлению НКВД по Москве и 2-му (диверсионному) отделу НКВД СССР было поручено создать московское подполье и заминировать главные административные и хозяйственные объекты города. Выполняя приказ, начальник 2-го отдела Павел Судоплатов поставил перед будущими подпольщиками задачу: в случае взятия немцами Москвы и прибытия в город Гитлера попытаться организовать на него покушение, например, во время предполагаемого парада фашистских войск на Красной площади. Опыт проведения подобных операций у советской разведки был. Так, 21 сентября 1941 года в Киеве была взорвана заранее заминированная смотровая площадка *Вид* Верхней лавры, в результате чего были уничтожены десятки штабных офицеров и генералов. А 3 ноября спецгруппа НКВД под командованием капитана Лутина взорвала радиодугас, заложенный в киевском Успенском соборе. В результате этой акции погибли около 20 старших офицеров и генералов, а гауляйтер Украины Эрих Кох и президент Словакии епископ Иозеф Тисо получили серьёзные ранения...

После того как фашисты были отброшены от Москвы и больше о парадах на Красной площади не помышляли, во 2-м отделе, в 1942 году преобразованном в 4-е разведывательно-диверсионное управление НКВД СССР, замысел уничтожить Гитлера продолжали развивать.

4-е управление, внимательно отслеживая перемещения фюрера, установило, что Гитлер периодически и подолгу находится в своей полевой ставке «Вервольф», оборудованной под Винницей. Туда немедленно был переброшен партизанский отряд «Победитель» под командованием Дмитрия Медведева, с июня 1942 года действовавший в районе Ровно. Осенью 1943 года легендарному разведчику Николаю Кузнецову удалось добыть документы, среди которых находился подробный план полевой ставки фюрера.

Однако от операции пришлось отказаться, так как с октября 1943 года объект перестал появляться в «Вервольфе».

Начальник 4-го Управления Судоплатов и его заместитель Эйтингон решили, что смертельный удар Гитлеру следует нанести именно в Германии. Но для это надо было найти человека, который смог бы, не

вызывая подозрений у гестапо, организовать покушение. И такой человек был найден.

...Игорь Миклашевский был сыном известной артистки камерного театра Августы Миклашевской. У мужа Августы, танцора Льва Лацилина, была сестра Инна, вышедшая замуж за известного до войны артиста Всеволода Блюменталь-Тамарина. Осенью 1941 года, когда немцы подошли к Москве, Блюменталь перешёл на их сторону. Вскоре немцы стали использовать его в пропагандистских операциях – выступая на специальных радиоустановках, размещённых на переднем крае, он призывал красноармейцев сдаваться в плен. Позднее он оказался в Берлине, где стал одним из руководителей антисоветского «Русского комитета», занимавшегося вербовкой попавших в плен советских солдат и офицеров для немецкого воинского формирования «Восточный легион».

Начальник 4-го Управления Судоплатов решил использовать предательство Блюменталь-Тамарина для внедрения в Германию Игоря Миклашевского, завербованного НКВД зимой 1941 года в качестве секретного агента-ликвидатора.

В январе 1942 года во время ночного боя Миклашевский, выполняя задание, сдался в плен немцам, заявив, что давно вынашивал намерение перейти на их сторону. Ненароком упомянул имя своего дяди – Блюменталь-Тамарин. Однако на слово ему не поверили. Начались проверки, во время которых гестаповцы подсаживали к нему в камеру провокаторов, а однажды даже провели инсценировку расстрела...

Миклашевский выдержал испытание – ему стали доверять, а весной 1942 года освободили из концлагеря и зачислили в «Восточный легион». Блюменталь-Тамарин, узнав, что его племянник перешёл на сторону немцев, немедленно забрал его в Берлин, где Игорь стал работать в «Русском комитете».

* * *

Оказавшись в Берлине, Игорь связался с Центром, сообщив, что готов приступить к подготовке операции. Вскоре к нему из Югославии прибыла группа в составе трёх опытных разведчиков, бывших офицеров белой армии, имевших опыт подпольной и диверсионной работы. Именно они под руководством Миклашевского должны были, по замыслу Судоплатова, совершить покушение на фюрера. Для того чтобы получить возможность проникнуть в ближайшее окружение Гитлера, Миклашевский установил

контакт со знаменитой немецкой актрисой Ольгой Чеховой, женщиной неземной красоты, яркого таланта и необычной судьбы.

В 1922 году, выехав из России в Германию с целью получения театрального образования, она добилась ошеломляющего успеха. Снялась в десятках кинофильмов в Германии, Франции, Австрии, Чехословакии и в Голливуде. В 1936 году ей было присвоено высшее театральное звание – *государственная актриса Германии*. Покорив западный театральный Олимп, Ольга оставалась патриоткой своей исторической родины: активно сотрудничала с советской разведкой. Поэтому в соответствии с планом, разработанным Павлом Судоплатовым, она и польский князь Радзивилл (секретный агент НКВД) должны были обеспечить группе Миклашевского доступ к Гитлеру. Однако в 1943 году Сталин отказался от своего первоначального намерения физического устранения Гитлера, потому что боялся: как только фюрер будет уничтожен, нацистские круги и германский генералитет попытаются заключить сепаратный мир с Англией и США без участия Советского Союза.

Опасения Сталина были небезосновательны. Информация, которую советские разведорганы докладывали вождю, свидетельствовала, что летом 1942 года представитель Ватикана в Анкаре по инициативе папы Пия XII имел продолжительную беседу с немецким министром иностранных дел Папеном, побуждая его использовать своё влияние для подписания сепаратного мира между Великобританией, Соединёнными Штатами и Германией. Помимо этого сообщения от нашего резидента в Анкаре, советская резидентура в Риме сообщала о встрече папы с Майороном Тейлором, посланником Рузвельта в Ватикане, для обсуждения конкретных тезисов беседы кардинала Ронкалли (позднее он стал папой Иоаном XXIII) с Папеном. Подобное сепаратное соглашение ограничило бы наше влияние в Европе, исключив СССР из будущего европейского альянса.

Необходимо отметить, что Сталин никогда не доверял разведанным, добытым агентами-иностранцами. У вождя тому были основания: таинственная высадка Гесса в Англии с явным намерением заключить сепаратный мир (кстати, англичане до сих пор не рассекретили документы, связанные с этим делом, а Гесс накануне освобождения почему-то погиб в тюрьме, охраняемой английской стражей!) подогревала его подозрительность...

* * *

В 1944 году Судоплатов и нарком НКГБ Меркулов вновь подняли перед Сталиным вопрос об убийстве Гитлера, но и на этот раз получили категорический отказ. В результате покушение на Гитлера так и не состоялось, хотя, по утверждению Судоплатова, разработанная Миклашевским операция имела все шансы на успех...

Глава вторая

Взрывающиеся сигары

Остров раздора

«Угроза в 90 милях от побережья Соединённых Штатов!» – именно так на протяжении десятилетий политическое руководство США воспринимало Кубу, не оставляя попыток любым способом свергнуть коммунистический режим команданте Фиделя Кастро Рус.

Куба – единственное место в мире, где США и СССР едва не столкнулись в открытом ядерном поединке. Единственная страна в Западном полушарии, куда пришёл и утвердился коммунизм как государственная идеология. Единственное государство, руководителя которого американские спецслужбы собирались убрать руками мафии. Впрочем, по большому счёту, целью разведки США являлась не столько сама Куба как объект разведки, сколько Кастро. И сам Кастро воспринимался не столько как объект разведки, сколько как назойливый раздражитель, который необходимо устранить во чтобы то ни стало...

«Тёмная лошадка»

1 января 1959 года, когда «бородачи» во главе с Фиделем Кастро захватили власть на Кубе, ни американское правительство, ни ЦРУ не придали этому особого значения. Ну подумаешь, очередной переворот в очередной «банановой» республике! А что до революционных лозунгов Кастро, так это просто демагогические агитки, и кто их не оглашает в целях саморекламы? Ведь и свергнутый генерал Фульхенсио Батиста, будучи сержантом, так же с пеной у рта клеймил американский империализм. А Фидель – всё же не чета ему, выходец из семьи богатейших латифундистов, – так что нужно спокойно воспринимать его патриотическую риторику!

На первых порах ЦРУ даже оказывало сторонникам Кастро финансовую поддержку, видя в них демократов-романтиков. В конце марта 1959 года эксперты ЦРУ дали заключение, что Кастро – «не коммунист советского толка», но «истый представитель буржуазии». Однако после

того, как он национализировал на острове американскую собственность, провёл коллективизацию фермерского сельского хозяйства, открыто провозгласил курс на строительство коммунизма и наладил военно-экономические связи с СССР, правительство США, поняв наконец, что Кастро оказался «тёмной лошадкой», решило избавиться от него.

Однако работа против Кастро началась не с покушений на его жизнь. С марта по конец августа 1960 года, то есть в последние месяцы президентства Эйзенхауэра, ЦРУ лишь рассматривало планы подрыва популярности кубинского лидера.

«Мангуст»

10 мая 1960 года президент Дуайт Эйзенхауэр одобрил операцию ЦРУ по свержению на Кубе коммунистического режима. Она предусматривала военную подготовку во Флориде антикастровски настроенных кубинских беженцев. В дальнейшем их планировалось забросить на родину, где с их помощью спровоцировать массовые народные выступления против Кастро. После этого на остров должны были прибыть руководители эмигрантского движения и провозгласить себя временным правительством «Свободной Кубы». Накануне Центральному разведуправлению удалось организовать государственные перевороты в Иране и Гватемале, и американцы рассчитывали, что Куба станет их новым триумфом.

По инициативе ЦРУ к работе над планом новой операции были привлечены ветераны различных американских спецслужб, принимавшие участие в аналогичных мероприятиях. Во Флориде был учреждён «Революционный демократический фронт» и открыты вербовочные пункты. Рекрутов переправляли на самолётах из Флориды на военно-учебную базу Кэмп-Тракс, размещённую в горах Гватемалы. Кроме того, ЦРУ установило связь с боевиками-антикастровцами, так называемыми «гусанос», которые базировались в горах Кубы. По воздуху им стали доставлять снаряжение и боеприпасы.

В июле 1960 года Фидель отправил своего брата Рауля в СССР, где тот добился усиления военной помощи и заручился поддержкой советского руководства на случай американской интервенции на Кубу. Когда об этом доложили директору ЦРУ Аллену Даллесу, он распорядился секретную диверсионную акцию превратить в полномасштабную полувоенную операцию. Однако по мере того как приближалось время начала операции, приближались и президентские выборы в США 1960 года. В связи с этим

Эйзенхауэр на время приостановил проведение операции. Но уже в ноябре 1960 года эстафету принял вновь избранный президент Джон Ф. Кеннеди, и 15 апреля 1961 года в бухте Кочинос началось вооружённое вторжение кубинских эмигрантов на Кубу.

Авантюра закончилась катастрофическим провалом и громогласным международным скандалом, однако, как оказалось впоследствии, это лишь раззадорило президента и его брата Роберта, министра юстиции, и усилило их намерение избавиться от Кастро. Рэй Клайн, в тот период заместитель директора ЦРУ, бывший на короткой ноге с братьями Кеннеди, так охарактеризовал их реакцию на провал вторжения:

«Они сочли неудачную высадку в бухте Кочинос личным оскорблением, и стремление как-то поправить ситуацию определяло тогда все их мысли и поступки, они были буквально одержимы этим. Роберт Кеннеди заявлял, что для устранения Кастро они не пожалеют ни времени, ни денег, ни усилий».

В ноябре 1961 года Джон Кеннеди одобрил план диверсионно-подрывных операций, под кодовым наименованием «Мангуст», конечной целью которого было свержение коммунистического режима на острове. Со временем «Мангуст» разросся до небывалых масштабов, став самой крупной тайной операцией за всё время существования ЦРУ. Никогда прежде ни одно секретное мероприятие мирного времени не проводилось на столь высоком уровне. Даже ЦРУ не доверили его полностью, предоставив лишь доленое участие в нём. «Мозговой центр» операции находился в Белом доме, где действовала созданная для этого так называемая «Усиленная Группа», в которую вошли министр юстиции Роберт Кеннеди, министр обороны Макнамара и его заместитель Росуэлл Гилпатрик, госсекретарь Дин Раск и его заместитель Алексис Джонсон, директор ЦРУ Джон Маккоун, советник президента по национальной безопасности Мак-Джордж Банди и председатель Объединённого комитета начальников штабов корпусной генерал Лайман Л. Лемнитцер. Ответственность за практическую реализацию плана «Мангуст» возложили на бригадного генерала Эдварда Ландсдейла, признанного специалиста по бунтам, мятежам и методам ведения партизанской войны.

Однако ещё до появления плана братья Кеннеди через некую Джудит Кэмпбел Экснер, светскую львицу, пытались войти в контакт с Джоном Розелли, «крёстным отцом» чикагского отделения преступного синдиката «Коза ностра», чтобы выяснить, насколько реально использовать возможности мафии в подготовке покушения на Кастро. В течение восемнадцати месяцев Экснер поочерёдно делила ложе с Джоном и

Робертом и одновременно играла роль связной между ними и авторитетнейшими представителями американского криминалитета. Последние, кстати, были особо привечаемыми гостями в Белом доме. Впоследствии эти обстоятельства братья хранили как самую сокровенную семейную тайну.

Тандем ЦРУ – «Коза ностра»

К концу 1961 года планы свержения коммунистического режима резко трансформировались в планы устранения трёх ведущих кубинцев: Фиделя Кастро, его брата Рауля и их революционного соратника Че Гевары, которого называли коммунистическим миссионером в Латинской Америке. В ЦРУ решили начать с команданте.

Для обсуждения вопроса об убийстве Кастро один из руководителей ЦРУ – Уильям К. Харви, имевший репутацию «сценариста изысканных плутней», встретился в Майами с Джоном Розелли. Последний вывел Харви на влиятельных мафиози – Сэма Джанкану и Сантоса Траффиканте. Они и занялись формированием «ударного отряда ликвидаторов», вербуй его членов в среде кубинских эмигрантов.

Почему мафия пошла на сделку с ненавистными ей правоохранительными органами США? А просто: «Коза ностра» имела свои, весьма веские, с её точки зрения, причины, по которым она хотела избавиться от кубинского лидера. Кастро прикрыл в Гаване все казино и публичные дома и выгнал с Кубы всех мафиози. Устранение Фиделя и утверждение на острове правительства «Свободной Кубы» гарантировало мафии возрождение прибылей из злчных источников.

Через некоторое время Харви вновь встретился с Розелли в Майами и передал ему четыре отравленные таблетки, изготовленные технической службой ЦРУ. Позже Розелли утверждал, что «ударная группа» из трёх человек была успешно переправлена с этими таблетками на Кубу. Однако ничего не произошло. Группа диверсантов (равно, как и вторая, отправленная ей вслед) была захвачена сотрудниками Комитета защиты революции, работавшими очень эффективно.

Однако ликвидация диверсантов не смутила игроков тандема ЦРУ-«Коза ностра», они не собирались отказываться от намерения осуществить убийство Кастро. Розелли взялся организовать убийство с помощью авторучки, всё так же изготовленной в ЦРУ. Заправленные в неё чернила содержали смертельный яд. Мафиози вручил ручку кубинцу,

работавшему в ресторане, где столовался Кастро. Под предлогом получения автографа убийца должен был обратиться к команданте и, вытащив ручку, «случайно» оцарапать руку Фиделя открытым пером. Смерть должна была наступить через час, поэтому, по мнению организаторов, потенциальный убийца ничем не рисковал, так как имел надёжное алиби. Однако и эта попытка не удалась: Кастро стал посещать другой ресторан.

«Солдаты» из «Коза ностра» были киллерами по призванию, но вскоре на смену им пришли...

Киллеры по должности.

В 1975 году (через 12 лет после убийства президента Джона Кеннеди и через 7 после насильственной смерти его брата и министра юстиции Роберта) свет увидела книга «30 лет ЦРУ», в которой бывший директор Уильям Колби поведал о подготовке покушений на Фиделя Кастро. Главный крючко-творец американского разведсообщества тоном, не терпящим сомнений в истинности излагаемого, в частности, писал:

«Американские должностные лица, организовавшие союз между ЦРУ и «Коза ностра», виновны и в подрыве кампании федерального правительства против организованной преступности. Нельзя представить себе, будто те, кто использует представителей преступного мира в качестве наёмных убийц для разведывательных или террористических операций за границей, не понимают, что подобная практика даёт главарям мафии в самих Соединённых Штатах своего рода защиту от преследований за внутренние операции...»

Отбросив пафосное фарисейство господина Колби, сосредоточимся на способах, которыми ЦРУ собиралось уничтожить Фиделя Кастро. Среди них были и реальные, и весьма экзотичные. Но общим было одно: все способы родились в воспалённом воображении садистов!

В технической службе ЦРУ неоднократно возвращались к рассмотрению вопроса об использовании химических, наркотических и взрывчатых веществ как орудий устранения кубинского лидера.

...Нужно было проникнуть в радиостудию за несколько минут до начала выступления Кастро и опрыскать её ядохимикатами, аналогичными наркотику ЛСД. Как утверждали специалисты, после этого команданте на время утратил бы дар красноречия, начав, подобно идиоту, нечленораздельно выкрикивать бессмысленные фразы.

...Затем возникла идея лишить Кастро способности ориентироваться в пространстве. Для этого надо было пропитать целый ящик изготовленных для него сигар специальными химикалиями.

...Было предложение начинить любимые сигары Кастро... взрывчаткой! Достаточно было одной минибомбы, чтобы направленным взрывом Фиделю оторвало нос и выбило глаза.

...Но самой, пожалуй, большой популярностью в администрации президента Кеннеди пользовалась бредовая идея лишить Кастро его знаменитой бороды. Какой-то цэрэушный технарь-параноик, почитатель истории древних евреев, решил, что вся сила Кастро, как у библейского Самсона, сосредоточена в его бороде.

Операция должна была состояться в ходе зарубежной поездки Кастро, где он был, разумеется, более уязвим, чем на Кубе. Общеизвестным средством для принудительного удаления волос являются соли таллия при нанесении их на кожу человека. Проще простого, решили в ЦРУ. Останавливаясь в гостиницах, команданте будет на ночь выставлять свою обувь в коридор для чистки. Останется лишь бросить кристаллы таллия в кастровские башмаки. К вящему сожалению разработчиков операции, Кастро отменил поездку.

...Спустя какое-то время ЦРУ опять вернулось к идее отравленных и заминированных сигар. Два ящика таких сигар были изготовлены и переданы гражданину Кубы, который якобы имел доступ к кубинскому лидеру. Что случилось с этим самоубийцей и с ящиками – неизвестно. Кастро остался невредим.

...Участники и руководители операции «Мангуст» высказывали всё новые идеи. Энергичный Ландсдейл, жаждавший «настоящего дела», предложил распространить на острове слух, что вот-вот состоится второе пришествие Христа на Землю, и тот избрал местом Кубу. Однако он не появится на ней до тех пор, пока кубинцы не свергнут безбожный коммунистический режим. Для придания этой истории правдоподобности подводная лодка ВМС США должна была в указанный день пришествия всплыть вблизи Гаваны и устроить пиротехнический фейерверк, напоминающий «небесное знамение».

Однако эта идея была отвергнута Белым домом, равно как и ряд других, столь же диких и фантастических. К примеру, операция «Баунти», которая заключалась в том, чтобы разбросать над островом листовки с предложением премии в 5 тысяч долларов за убийство тайного осведомителя, 100 тысяч долларов за убийство чиновника и лишь два цента – за Кастро. Это называлось «операцией на унижение».

Подобных идей было ещё тридцать три (!). А заговоров с участием ЦРУ с целью убийства Фиделя Кастро в период с 1960 по 1965 год насчитывается, по крайней мере, восемь, хотя некоторые из них не пошли

далее планирования и подготовки.

Примечательно, что ни один план покушения на Кастро не предполагал убийства с помощью пистолета или винтовки. Почему? А просто: со времени Кубинской революции свободный оборот огнестрельного оружия на острове был категорически запрещён. Каждый, кого офицеры кубинской спецслужбы Главного управления разведки (ГУР) могли только заподозрить в хранении огнестрельного оружия, был обречён: без суда и следствия он оказывался в горах Сьерра-Маэстра на бессрочных каторжных работах в каменоломнях.

* * *

После Карибского кризиса в 1962 году (советско-американский конфликт в связи с размещением наших ракет на Кубе) в ЦРУ вернулись к идее физического устранения Фиделя Кастро. И хотя оно (физическое устранение) на самом деле являлось банальным убийством, но в директивных документах управления именовалось не иначе как «Секретный террористический акт против Кастро».

Ответственный за реализацию плана «Мангуст» генерал Ландсдейл знал, что Кастро увлекается подводным плаванием, и учёл это в поисках нового способа расправиться с ним. По его инициативе техническая служба ЦРУ изготовила костюм для подводного плавания и стала обрабатывать его ядовитым грибок. А чтобы разделаться с команданте окончательно, в кислородные баллоны запустили туберкулёзную палочку. По счастливой случайности операцию сорвал адвокат Джеймс Донован, тот самый человек, который и должен был подарить Кастро цэрэушный «спецкостюм». Хватившись в аэропорту оставленного дома «подарка», Донован тут же приобрёл новый, разумеется, незаражённый...

Ландсдейл решил идти до конца, используя хобби Кастро. Он предложил начинить взрывчаткой морскую раковину такой редкой красоты, что она не могла не привлечь внимания Кастро. На подводной лодке её должны были доставить в то место, где обычно плавал команданте. От идеи отказались, так как не было уверенности, что раковину подберёт именно Кастро...

Cherchez la femme...

Одно из покушений должна была совершить некая Марита Лоренц, девица неземной красоты. В 1951 году, когда она с матерью проживала в Германии, её, семилетнюю девчущку, изнасиловал американский солдат. После этого у неё начались приступы редкого заболевания – *андрофобии* (мужененавистничество). Впрочем, болезнь не помешала ей пережить бурный роман с Фиделем Кастро, а затем стать любовницей венесуэльского диктатора Маркоса Переса Хименеса. О своих любовных романах с латиноамериканскими знаменитостями Марита без ложной скромности поведала в автобиографической книге «Постель разобрана, кто следующий?»

В агентурных файлах ЦРУ Лоренц значилась под псевдонимом «Вамп» и имела богатейший послужной список: входила в группу боевиков, которые в 1961 году готовились к высадке в бухте Кочинос; в 1963 году сопровождала в Даллас Ли Харви Освальда, обвинённого в убийстве президента Кеннеди; там же познакомилась с будущим убийцей Освальда, гангстером Джеком Руби.

В своей книге Лоренц недвусмысленно даёт понять, что все авантюры проходили под контролем её операторов из Лэнгли...

* * *

28 февраля 1959 года пятнадцатилетняя Марита Лоренц прибыла в Гавану на круизном теплоходе «Берлин». Тогда же случилась её встреча и любовь с первого взгляда с бородатым мачо Фиделем. Вернувшись в Нью-Йорк, Марита каждый день часами говорила по телефону с команданте, пока он не прислал за ней свой личный самолёт. Затем она семь месяцев проживала в отеле «Свободная Гавана», превратив его в дом свиданий с Кастро. Логическим продолжением их тесных отношений было бракосочетание, и руководство ЦРУ в одном из докладов Джону Кеннеди поспешило назвать Лоренц «первой леди Кубы».

В своей книге Марита утверждает, что забеременела после первого же свидания с Кастро, родила недоношенного мальчика, которого у неё отняли, после чего выпроводили с Кубы. С того момента её безумная любовь к Фиделю сменилась столь же безумной ненавистью.

По возвращении в США рядом с ней вдруг оказался агент-вербовщик ЦРУ Фрэнк Стреджис, некогда воевавший вместе с Кастро в горах Сьерра-Маэстра. В конце концов Фрэнк, его приятели и мать Мариты сумели внушить девушке, что Кастро и коммунизм олицетворяют абсолютное зло.

Мать направила несостоявшемуся зятю письмо, в котором обвиняла его в изнасиловании своей несовершеннолетней дочери. Одновременно копии письма ушли президенту США и папе римскому.

В ноябре 1959 года Марита была зачислена в штат ЦРУ «агентом по контракту», а 4 декабря она совершила блиц-поездку на Кубу, чтобы узнать, примет ли её Фидель. Спустя три недели ЦРУ маршрутировало Лоренц в Гавану с задачей отравить Кастро. Для этого ей вручили две ампулы с токсином бутулизма, который она должна была подмешать Фиделю в вино.

«...Но в тот момент, когда наши взгляды встретились, – пишет Лоренц в своей книге, – я поняла, что не смогу убить его. Я вышла в туалетную комнату и утопила ампулы в унитазе. Когда я вернулась, Фидель неотрывно смотрел мне в глаза. Он спросил:

– Ты приехала, чтобы убить меня?

Я отрицательно покачала головой. Тогда он протянул мне пистолет и произнёс фразу, которая показалась мне пророческой:

– Ты не можешь убить меня. Никто не может убить меня!

После этого я молча вернула пистолет Фиделю...»

Звёздная обольстительница

В 1997 году в американской периодике под аршинными заголовками стали выходить разоблачительные статьи об участии Мерилин Монро в заговоре против Фиделя Кастро. Отдельные авторы публикаций утверждали, что в мае 1962 года звезда Голливуда, идя навстречу пожеланиям своего тайного любовника и по совместительству президента США Джона Ф. Кеннеди, согласилась вступить в интимную связь с Кастро, чтобы совершить очередное покушение.

С уверенностью можно сказать, что о покушении речи не шло, так как инициатор операции был не настолько наивен, чтобы пытаться убить Кастро руками своей любовницы. По имеющимся данным, братья Кеннеди, поняв тщетность своих попыток устранить Фиделя физически, решили с помощью Монро склонить его к отказу от сотрудничества с СССР. Монро должна была начать идеологическую обработку команданте, соблазнив его «американскими ценностями». Поэтому в её багаже отсутствовали взрывающиеся сигары, кристаллы таллия и ручка с отравленными чернилами.

Но какой из голливудской дивы проповедник? Через неделю её пребывания в Гаване «кукловодам» из ЦРУ стало ясно, что их подопечная

способна обольщать, но не обращать. С Кубы её вывезли на личном самолёте команданте. Через три месяца Фидель, узнав о её скоропостижной кончине, якобы сказал:

«Мерилин умерла героиней».

Глава третья

Заказная посадка на Красной площади

28 мая 1987 года одномоторный самолёт Cessna-172 вторгся в воздушное пространство СССР и, беспрепятственно пролетев от финской границы до Москвы, сделал посадку на Красной площади. Управлял самолётом Матиас Руст, мальчишка из Западной Германии, якобы на спор обязавшийся посадить свой тихоход у храма Василия Блаженного.

Казалось, что эта история из тех, что происходят, вроде бы, вдруг, случайно, но очень уж... кстати! Ибо в отношениях Генерального секретаря ЦК КПСС Михаила Горбачёва с руководством Министерства обороны давно не хватало порыва ветра. Надлома. Ну, скрытное противостояние. Ну, кулуарное взаимоотрицание. Ну, выжидание громогласной ошибки оппонента. И вот случилось! А уж что потом началось... Впрочем, началось всё несколько раньше.

«Вернитесь – я всё... подпишу!..»

13 октября 1986 года, Рейкьявик. С утра в столице Исландии было холодно, ветрено и дождь хлестал, как из пожарного гидранта. Однако в отдельном зале дворца исландского альтинга (парламента), где проходила очередная встреча Генерального секретаря ЦК КПСС Михаила Горбачёва и президента США Рональда Рейгана, страсти достигли верхней отметки политической шкалы. И было от чего! Переговоры, длившиеся четвёртый день кряду, исчерпали свой временной ресурс, но не продвинулись ни на йоту: обе стороны отказывались подписать документы о взаимном сокращении наступательных вооружений.

Американский президент был настроен так жёстко к своему визави, что, казалось, сначала надо было бы договориться о «сокращении его личного наступательного потенциала».

Справедливости ради надо отметить, что иного поведения от Рейгана и нельзя было ожидать. Победив на президентских выборах 1981 года исключительно благодаря своей *наступательной доктрине*, в которой СССР американским избирателям был подан как «империя зла», Рейган и в канун выборов 1986-го делал «ставку на эту объезженную лошадь», пытаясь говорить с советским лидером с позиции силы. И вдруг осечка:

Горбачёв, внимая советам экспертов-генералов Министерства обороны, участвовавших в переговорах, отказывался уступить. А это для Рейгана грозило политической смертью – его электорат мог уйти к демократам...

...Протокольное время встречи истекло, и раздосадованный Рейган, сунув руки в поданный плащ, быстрым шагом направился к лимузину. Горбачёв, нарушая дипломатический этикет, бросился вдогонку. Его личный переводчик Алексей Палащенко едва поспевал за ним.

– Вы специально не хотите подписывать документы... Вы хотите, чтобы я проиграл выборы! – крикнул Рейган, высунувшись из кабины. – Вы ставите мне палки в колёса, но Бог покарает вас!

Генсек, одной ладонью прикрывая голову, другой смахивая стекавшие по лицу струи дождя, затараторил:

– Нет, господин Рейган, нет! Давайте вернёмся во дворец, сядем за стол... За стол переговоров... Давайте вернёмся! Я всё подпишу!

Из-за шума дождя Палащенко услышал и перевёл только две последние фразы.

Из глаз Рейгана хлынули слёзы. Трудно сказать, были ли те слёзы игрой бывшего голливудского «красавчика Рони» или у соискателя высшего титула США просто сдали нервы, но... Резко выбросив своё тело из кабины и подхватив под руку промокнувшего насквозь Горбачёва, Рейган буквально поволок его обратно во дворец...

Обезоруживающие переговоры

По возвращении во дворец у Горбачёва, казалось, открылось второе дыхание. Если начавшиеся утром переговоры безрезультатно длились около шести часов, то теперь генсеку хватило часа, чтобы сделать непредсказуемые уступки Рейгану. Эксперты-генералы были в оторопи: «Что он делает?! Он же сбрасывает козыри!»

Действительно, Горбачёв удивил американцев и поверг наших генералов в шок тем, что в число сокращаемых двумя странами внёс ракеты «Пионер» – лучшие советские межконтинентальные баллистические ракеты, не имевшие аналогов в США. Их число сокращалось вдвое – с 308 до 154.

Более того, стремясь сделать приятное своему американскому оппоненту (который для него с того момента стал партнёром!), Горбачёв тут же отдал распоряжение в рамках, отведённых каждой стороне, 1600 носителей ядерного оружия и 6000 ядерных зарядов приравнять советскую

ракету с моноблочной боевой частью к американскому бомбардировщику, несшему 24 ядерные ракеты. Это позволило Соединённым Штатам в **полтора раза** (!) превосходить нашу страну по числу ядерных зарядов и оставаться при этом в рамках подписанного договора.

Через полгода выяснится, что трагикомичный спектакль в Рейкьявике был лишь прологом...

* * *

Межконтинентальных баллистических ракет «Пионер» Горбачёву оказалось недостаточно и он с азартом принялся за сокращение ракет средней и малой дальности – «Темп» и «Ока». Поскольку аналогичных ракет на Западе попросту не было, для них помощники Горбачёва выдумали нелепый термин «меньше среднего радиуса» (в США средним радиусом считалась дальность 1000–2500 км, соответственно «меньше среднего радиуса» – от 500 до 1000 км, а у наших ракет дальность составляла соответственно 400 и 900 км).

В апреле 1987 года в ходе предварительных переговоров, которые вёл замминистра иностранных дел Георгий Корниенко с прибывшим в Москву госсекретарём США Шульцем, Горбачёв снова порадовал американцев, согласившись включить в будущий договор о сокращении ракет средней дальности и формально не считавшиеся таковыми ракеты «Темп» и, что особенно удручало наших военных, не подпадавшие даже под определение «меньше среднего радиуса» ракеты «Ока» – самое совершенное ракетное оружие в мире на тот момент!

Характерно, что никаких ответных шагов от американцев Горбачёв даже не пытался добиться, но вместе с тем настоял, чтобы ликвидации подлежали 650 ракет «Пионер», 726 ракет «Темп», 239 ракет «Ока»...

Примечателен такой эпизод.

Советская и американская делегации работали в отдельном кабинете и готовили к подписанию совместный документ. Вошёл Горбачёв. Госсекретарь Шульц, сорвавшись с кресла, бросился к нему.

– Господин генеральный секретарь! Разве можно достичь положительных результатов с такими людьми?! – американец пальцем указал на Корниенко.

– А в чём дело?

Корниенко объяснил, что госсекретарь пытается навязать свою редакцию проекта договора.

– Делайте, как требует американская сторона! – наставительно произнёс Горбачёв и стал при всех распекать Корниенко.

Вскоре распоряжением генсека замминистра был отправлен в отставку...

...Лакейская угодливость Горбачёва в общении с американцами, его вольное обращение с обороноспособностью страны и готовность «сдать» главному военному противнику сокровищницу нашего ядерного потенциала, наконец, бездумное швыряние на ветер колоссальных средств, потраченных на разработку и производство сокращаемых ракет, вызвали законное неудовольствие у многих в советском руководстве: «Симпатичный балагур, но в цари не годится, факт!»

Маршалльский корпус был предельно категоричен в оценке происходящего: «Измена!»

Кроме того, в Политбюро и Министерстве обороны вызвало волну протеста перманентное отсутствие генсека в Москве и фактическое уклонение от выполнения обязанностей по руководству государством и Партией...

Генсек-непоседа

Как засидевшаяся в девках дурнушка бросается в загул – так Михаил Горбачёв, ощутив под ногами твердь единоличной власти, пустился в заграничные вояжи.

Антони Иден, министр иностранных дел, а затем премьер-министр Великобритании, как-то прорицательно заметил: чем хуже идут дела у лидера внутри государства, тем настойчивее он рвется на международный простор.

За шесть лет бесконтрольного правления Горбачёв с Раисой Максимовной нанесли 42 (!) визита, побывав в двадцати шести странах всех, кроме Австралии и Антарктиды, континентов. В некоторых – дважды, трижды. Во Франции был четырежды. Сорок два дружеских, рабочих, официальных и государственных визита. Конвейер. Прибавьте к этому ответные визиты в СССР иностранных государственных деятелей – станет ясно, что наш генсек не щадил себя, работая на износ во имя процветания Советского Союза. Когда уж думать о благосостоянии собственного народа – дай бог, успеть сменить носки перед свиданием с папой Римским...

Никогда ещё главам иностранных государств не доводилось принимать столь многочисленных делегаций, как те, что прибывали с генсеком. В

поездках Генерального секретаря ЦК КПСС сопровождали члены правительства, многочисленная челядь, охрана, журналисты, советники, помощники и консультанты. И всё это за счёт нищающего народа!

Только в 1989-м супруги Горбачёвы посетили *одинадцать* иностранных государств! И это при том, что в Карабахе полыхала война и два некогда братских народа Советского Союза посылали на смерть своих сыновей. Однако ни Армению, ни Азербайджан Горбачёв посетить не удосужился – ну, подумаешь, Карабах... Рано или поздно конфликт рассосётся сам собой!

...На ум приходит анекдот, созданный в 1987 году советскими диссидентами в парижской секции журнала «Континент»:

«Ленин показал, что страной можно управлять коллегиально. Сталин, – что ею можно управлять единолично. Хрущёв, – что управлять может и дурак. Брежнев показал, что страной вообще можно не управлять. Горбачёв показал, что Советским Союзом можно управлять заочно».

Анекдоты, как известно, – это *гонцы Истины...*

Свидетельствует начальник охраны Горбачёва генерал-майор КГБ Владимир Медведев:

*«С такой частотой и роскошью не ездил за границу никто из руководителей великих государств, государств более благополучных, обустроенных, не истощённых внутренними проблемами и национальными войнами. Даже в США, стране процветающей, президенты не оставляют так часто и так надолго своих соотечественников. Возникает вопрос: можно ли руководить страной **заочно**, страной, в которой всё рушится, льётся кровь её граждан, народ нищает, теряя окончательно веру в провозглашённые руководством Партии идеалы?!*

Я понимаю, что необходимо искать и политические, и экономические выгоды, что зарубежные контакты важны, но если на другую чашу весов поставить пожары и убийства в собственной стране, моральное деградирование соратников, помогающих управлять страной... В общем, хорошо бы подсчитать пользу и убытки от его поездок!..»

«Седой Лис»

Противодействие руководства Министерства обороны *обезоруживающим* инициативам Горбачёва приобрело ещё более резкие формы, когда стала очевидна проамериканская позиция Эдуарда Шеварднадзе. Вся его деятельность на посту министра иностранных дел

была чередой уступок Западу. Он активно играл в пользу наших противников и за свою дьявольскую изворотливость имел на Западе прозвище «Седой Лис».

Что ни удар – всё в наши ворота!

Самой позорной из уступок Советского Союза Западу был план Горбачёв-Шеварднадзе по *ускоренному* выводу (не путать с бегством!) Группы советских войск из ГДР. 550 тысяч военнослужащих, десятки тысяч орудий, миномётов, тысячи самолётов, танков, автомобилей обязаны были в течение 6 (!) месяцев покинуть Германию. И это при том, что канадцы только лишь одну пехотную бригаду из 3 тысяч человек выводили целых 18 месяцев!

Западным политикам известно, во сколько сотен миллиардов долларов обошелся российской казне этот позорный для нас – «Drang nach Osten». От нашей общественности Горбачёв эти цифры скрыл, сославшись на пресловутую «государственную тайну»...

Эрих Хонеккер, бывший глава ГДР, незадолго до смерти прямо указывал на предательство тандема Горбачёв-Шеварднадзе. На основе конкретных документов он обвинял их в том, что «обновление ГДР», закончившееся присоединением к ФРГ, было запрограммировано и разработано в Вашингтоне в результате закулисных переговоров Горбачёва и Шеварднадзе с руководством США ещё на заре перестройки.

«Шеварднадзе, как и позднее господин Козырев, – писал Хонеккер, – приложили немало стараний, чтобы Россия утратила самостоятельность на международной арене и по всем ключевым вопросам выступала бы как послушный сателлит Соединённых Штатов...»

Согласно данным, почерпнутым из западной прессы, за свою «подвижническую» деятельность «Седой Лис» получил в подарок от Союза промышленников Германии роскошный трёхэтажный особняк в элитарном районе Парижа, который был оформлен на имя его дочери.

Все западные политики сходятся во мнении, что этот дом-дворец – всего лишь верхушка айсберга, тогда как основные комиссионные, полученные «Лисом» (а это десятки миллионов долларов!), находятся за бронированными дверями самых надёжных банков Северной Америки и Западной Европы.

А в какую копеечку обошлись России предоставленные «Седым Лисом» права американцам на сверхльготных условиях вести разработку шельфа Берингового пролива, богатого залежами высококачественной нефти и ценнейшими породами рыбы?! Этого никто не знает, ибо делалось

все келейно и опять же под предлогом «сохранения государственной тайны».

...Невозможно представить, чтобы Шеварднадзе на свой страх и риск вёл собственную игру. Матёрый партаппаратчик, он не мог не согласовывать свои действия с генсеком. Ну а тот? Тот, как обычно, давал *устные* указания. *Устные* – дабы в скрижалях советской истории не осталось следов его разрушительной деятельности!

На заседаниях Политбюро иногда происходили открытые стычки между министром обороны маршалом Соколовым и Шеварднадзе. Более того, работа совместной комиссии представителей Министерства обороны и Министерства иностранных дел, созданной для разработки позиции СССР на переговорах с США по вопросам разоружения, стала всё чаще и чаще заходить в тупик.

...В Центральном разведывательном управлении, которое благодаря своей агентуре влияния из числа кремлёвской партноменклатуры было в курсе всех перипетий, происходивших в Кремле, быстро поняли, что если они не найдут выход из положения, то их «подмастерью» Шеварднадзе скоро придётся отвечать перед Политбюро по всем пунктам обвинения со стороны маршальского корпуса...

Подконтрольная перестройка

Свидетельствует начальник Управления «А» (анализ и прогнозирование) КГБ СССР генерал-майор Вячеслав Широнин:

«В 1985 году, сразу после прихода к власти Михаила Горбачёва, в США с целью постоянного отслеживания развития событий в Советском Союзе был создан «Центр изучения хода перестройки». В его состав вошли представители ЦРУ, РУМО (военная разведка) и Управления разведки и исследований госдепартамента (министерство иностранных дел США). В соответствии со специальным указанием президента Рейгана «Центр» получал всю разведывательную информацию, поступающую как из агентурных, так и из официальных источников по линии всех ведомств.

Разумеется, штаб «Центра» возглавило ЦРУ, чьи аналитики в соответствии с общей стратегией Управления разработали ряд тактических задач, которые должны были решаться в предстоящем десятилетии. В частности, они считали, что независимо от складывающихся американо-советских отношений СССР сохраняет потенциальную возможность начать ядерную войну против Запада и

может нанести упреждающие удары ракетами стратегического назначения. В связи с этим, по их заключению, главной задачей являлось лишение Советского Союза этой возможности, а распад советских стратегических ядерных сил должен происходить под неусыпным контролем Запада.

Другая группа тактических задач была ориентирована на развал Советской армии, что было не менее важно, чем лишение СССР стратегических ядерных сил.

Наконец, третья группа задач предусматривала нейтрализацию органов государственной безопасности как наиболее организованной силы, способной оказать полноценное сопротивление иностранным и отечественным «реформаторам», поставившим своей целью политическую «модернизацию» Советского Союза.

Таким образом, «Центр» предполагал наносить удары сразу по трём «головам» советской государственности:

– по КПСС, которая, как принято было тогда называть её, являлась «ядром советского общества»;

– по армии – «защитнице Родины»;

– по КГБ – «бдительному оку».

Судя по всему, общий ход событий в 1985–1986 гг. вполне устраивал ЦРУ, поэтому Соединённые Штаты и их западноевропейские союзники всем начинаниям Горбачёва оказывали всемерную поддержку. И вдруг на пути «архитектора перестройки» возникла преграда в лице маршала Соколова и его единомышленников. Они, истинные патриоты своей Родины, не могли смириться с новым мЫшлением Горбачёва и с его внешнеполитическим курсом, который наносил всё более ощутимый ущерб интересам страны. Вот их-то и надо было нейтрализовать.

Вслед за этим за дело взялись эксперты «Центра».

Понимая, что перспективному, с их точки зрения, генсеку Горбачёву мешают маршалы и генералы Министерства обороны, «центровики» решили скомпрометировать их в глазах генсека.

Хорошо изучив психологию Горбачёва, американцы знали, что реакция этого капризного и недалёкого человека, которому «важнее казаться, а не быть», хотя и будет труднопрогнозируемой в деталях, но, безусловно, беспощадной в целом.

Генеральная идея экспертов «Центра» состояла в том, чтобы спровоцировать генсека на выгодные им последствия. Для этого было необходимо разыграть такую мизансцену-детонатор, которая взорвала бы ситуацию изнутри и в итоге смела всех неугодных Горбачёву (читай:

ЦРУ) людей. В общем, дело за малым – осталось подобрать инструментарий: способ компрометации и «героя» для её реализации. Выбор пал на пилота-любителя Матиаса Руста...»

Кто вы, мистер Руст?

Матиас Руст родился в 1968 году недалеко от Гамбурга в семье бизнесмена, продававшего те самые самолёты «Cessna», поэтому с детства умел летать на них. В 1986 году летал на Ферерские и Шетландские острова в Атлантическом океане. Блестяще овладел навыками самолётовождения по приборам вне видимости земли.

Вместо того чтобы постигать науку бизнеса, Руст занимался детскими забавами, – дальними перелётами на легкомоторном самолёте, которые не приносили ни славы, ни денег.

Биографы Руста не нашли следов, когда бы счета его лётных экзерсисов оплачивал его отец. Значит, существовал ещё один источник финансирования! Великовозрастных любовниц и олигархов-меценатов, как выяснилось, у Матиаса не было, поэтому логика подсказывает, что его спонсарами могли быть только сотрудники спецслужб, которые всегда стремятся держать под рукой таких взбалмошных персонажей. А в том, что Руст был личностью неадекватной, может свидетельствовать не один факт. В 1989 году он был осуждён, и 3 года провёл в тюрьме за неумышленное убийство своей любовницы, которая вдруг отказалась вступить с ним в интимную близость. В 1991 году он принял индуизм и по индуистскому обряду женился на дочери торговца чаем из Бомбея. В 2001-м в гамбургском универмаге украл кашемировый джемпер, за что опять схлопотал тюремный срок...

Неуравновешенный молодой человек без определённых занятий на средства из анонимного источника готовится к заведомому преступлению: полёту в Москву, нарушая тем самым законы сразу нескольких государств. В каком случае это возможно? Помилуйте! Лишь только в том, когда за его спиной стоит и его действиями руководит куратор-профессионал из спецслужбы, уверивший своего подопечного в необходимости такого **Поступка!** Что это за спецслужба, не трудно догадаться. А Руст – всего лишь безвольное оружие в умелых руках. Однако дерзкая посадка в сердце Москвы, на Красной площади, ставит его в одну шеренгу с известными историческими киллерами: Бутом, Богровым, Освальдом, Сирханом и Агджой. Кого же убил этот «голубь мира»?

Вместо эпилога

В субботу, 30 мая 1987 года, состоялось чрезвычайное заседание Политбюро, на котором министр обороны был подвергнут беспрецедентной экзекуции (по-простому – порке) со стороны Горбачёва. Генсек заявил, что Герой Советского Союза, прошедший горнило Второй мировой войны Сергей Соколов *«не понимает поворота Партии в сторону перестройки и нового мышления и это положение надо исправить!»* Это означало одно – отставку строптивого маршала.

Вместе с Соколовым был отправлен в отставку его заместитель, маршал и дважды Герой Советского Союза, главнокомандующий войсками ПВО страны Александр Иванович Колдунов. Герой Советского Союза генерал армии Вадим Александрович Матросов, командующий Погранвойсками, получил взыскание в виде неполного служебного соответствия. А дальше генералы и полковники Минобороны начали слетать со своих постов, как листки календаря, особенно после каждого заседания Политбюро. Общее число генералов и старших офицеров, уволенных из рядов Советской армии вслед за акцией Руста, по разным данным, колеблется от 300 до 500 человек.

Кстати, Руст нарушил границу и совершил заказную посадку на Красной площади в день всесоюзного праздника – Дня пограничника. Выбор даты также видится неслучайным. И не только потому, что является увесистой оплеухой всем пограничникам. Дело в том, что одним из первых распоряжений Горбачёва пограничникам и дежурным нарядам ПВО под страхом судебного преследования запрещалось сбивать явно иностранные или летательные аппараты без опознавательных знаков, вторгавшиеся в воздушное пространство СССР. Такому распоряжению, конечно, аплодировали все западные спецслужбы...

* * *

Вместо Соколова министром обороны был назначен генерал Язов, друг Горбачёва ещё в бытность его первым секретарём Ставропольского крайкома партии (Горбачёвы и Язовы дружили семьями).

В 1987 году генерал-полковник Язов был начальником Управления кадров Министерства обороны и в системе высших партийных координат занимал вполне определённое и значительное место, имея выход

непосредственно на ЦК КПСС. Но в Министерстве обороны слыл «паркетным» генералом, из тех, кто, как водится, хорошо воюет под ковром. Переговорами с американцами по проблемам разоружения никогда, разумеется, Язов не занимался и вообще был далёк от этих проблем.

У Горбачёва опять возобладали личные симпатии и желание окружить себя «удобными» соратниками. Словом, процесс разоружения СССР продолжал развиваться по сценарию Соединённых Штатов, а за генсеком навсегда закрепилось прозвище терминатора ядерного потенциала Советского Союза...

Часть пятая
«Шпиониссимо»

Глава первая

Подарок вождя

Парадоксально, но чем дальше и стремительнее отодвигаемся мы от событий бурных 1930-х годов, тем горячее интерес как в Старом Свете, так и у нас, к деятельности «кембриджской пятёрки».

Но только ли о пяти членах группы агентов может идти речь? Нет, конечно. Факты свидетельствуют, что их – агентов из числа адептов Кембриджа и Оксфорда – было неизмеримо больше. Оптимисты из МИ5 (британская контрразведка) полагают, что их насчитывалось не более 30. Пессимисты из этой же синекуры считают, что их было не менее 100. Ясно одно: ни английский истеблишмент, ни его контрразведка не заинтересованы увеличивать число разоблачённых «патриотов» Великобритании, работавших в пользу СССР. Поэтому, согласно негласному джентльменскому соглашению КГБ СССР и английской Сикрет Интеллидженс Сервис (СИС), мы оперируем термином «кембриджская пятёрка».

Краткий разведывательный помянник

Дональд Маклин, аналитик и учёный, после бегства в Москву трудившийся в Институте мировой экономики и международных отношений под чужой фамилией, автор десятков книг и сотен статей, так и не принял советского варианта социализма. Скромный и даже застенчивый в повседневной жизни он, напиваясь, становился буйным и неуправляемым: открыто критиковал деятельность нашего правительства и руководства КГБ. Все свои сомнения и мучения унёс в могилу, а прах завещал похоронить в Англии.

Гай Бёрджесс, внешне неотразимо красивый и обаятельный человек, обладал острым умом, был душой любого общества. Выпивоха и мот, к тому же бисексуал, чего никогда не скрывал, в Москве так и не смог найти себя. Беспробудно пил, жаждал вернуться в Англию. Умер в 53 года, полностью исчерпав свой физический и духовный потенциал. Так же, как Маклин, завещал свой прах лондонскому кладбищу. КГБ исполнил и его волю.

Следующим был опытнейший контрразведчик, кавалер многих

орденов, советник и дальний родственник королевы Елизаветы II, искусствовед с международной репутацией, после Второй мировой войны хранитель королевских картин в Букингемском и Виндзорском дворцах, сэр Энтони Блант. В 1964 году предан одним из завербованных им американцев. Вынужден был признаться в работе на советскую разведку. Учитывая его заслуги перед империей, предержавшая власть решила не выносить сор из избы. Однако в 1979 году из-за утечки в прессу сведений о двойной жизни Бланта его лишили дворянского звания, всех постов и привилегий. Отвергнутый родственниками и друзьями скончался в 1983 году.

Последним из разоблаченных игроков «великолепной пятёрки» был Джон Кернкросс. Как нельзя кстати к нему подходит английская поговорка: «The Last, but not the List» – «Последний по счёту, но не по значимости». И вот почему. Во время своей государственной карьеры Кернкросс, ярый шотландец, отрицавший превосходство Лондона над Глазго, успел поработать в Форин-оффис; в архисекретной шифровальной службе Блетчли-Парк; в Секрет Интеллидженс Сервис и в Министерстве финансов, где, кстати, секретов было не меньше (если не больше!), чем в Форин-оффис. Отовсюду Кернкросс, со слов его московского оператора Юрия Модина, «приволакивал тонны» секретнейших документов.

Кстати, ещё в конце 1940 года он одним из первых предупредил Лубянку о подготовке гитлеровской агрессии против СССР. Но, как это обычно случалось с донесениями с берегов туманного Альбиона, Сталин на шифровке наложил резолюцию: «Провокация англичан. Проверить!» У вождя тому были основания: таинственная высадка Гесса в Англии с явным намерением заключить сепаратный мир (кстати, бриты до сих пор не рассекретили документы, связанные с этим делом, а Гесс почему-то накануне освобождения погиб в тюрьме, охраняемой английской стражей!) подогревала его подозрительность...

«По заслугам – награда!»

В конце 1942 года германским инженерам удалось усовершенствовать дизельный двигатель, установленный на тяжёлом танке «пантера». Теперь новый двигатель мог передвигать не 46 тонн брони, в которую был закован «пантера», а и все 62 тонны нового танка вермахта «тигр». Причём вес «тигра» не сказывался на его манёвренности и скорости передвижения. За счёт чего была достигнута разница в 16 тонн? За счёт утолщения лобовой и

боковой брони. Ни одно советское орудие, а уж тем более те, которыми были вооружены наши танки, не могли своими снарядами пробить 130 мм крупновской брони. Танки «тигр» и самоходные артиллерийские установки (САУ) «фердинанд» с усиленной бронёй Гитлер намерен был использовать в летней кампании на рубеже: Орёл-Белгород-Курск. Разумеется, новые достижения немецких конструкторов, как и место их применения, составляли государственную тайну.

В мае 1943 года Джону Кернкроссу удалось добыть сведения о «тигре» и «фердинанде», и он через Юрия Модина передал информацию в Москву. Реакция Сталина была мгновенной. По его заданию и под контролем Лаврентия Берии нашими специалистами в кратчайшие сроки был создан снаряд, пробивающий броню в 150 мм! Таким образом фашистский сюрприз – «тигры» и «фердинанды» – наши войска в июле 1943 года встретили, в прямом смысле, во всеоружии.

Кроме того, накануне битвы на Курской дуге Кернкросс передал сведения о дислокации 17 немецких аэродромов, о которых не было известно нашей фронтовой разведке. Более 500 немецких самолётов были уничтожены, так и не взлетев. Трудно подсчитать, но, пожалуй, десятки тысяч красноармейцев обязаны жизнью отважному шотландцу.

В декабре 1943 года Кернкросс был удостоен ордена Красного Знамени, а в 1945 году, когда Сталину доложили о вкладе шотландца в общее дело победы над фашизмом, вождь, пыхнув трубкой, изрёк: «По заслугам – награда!» и распорядился назначить Кернкроссу пожизненную ренту в размере 1000 фунтов стерлингов ежегодно (сегодня = 100 тысяч долларов).

Кавалер двух взаимоисключающих наград

Самый известный участник «кембриджской пятёрки» – Ким Филби, едва не занял пост руководителя английской разведки. Смелый и мужественный человек, он 30 лет обеспечивал Лубянку информацией самой высокой – 9999 – пробы, из которых почти 10 лет балансировал на острие лезвия после допросов и обвинений в шпионаже. В 1963 году вынужден был искать убежище в СССР из-за предательства ушедшего на Запад чекиста.

В 1945 году за заслуги в области разведки во время Второй мировой войны Гарольд Адриан Рассел (Ким) Филби был удостоен Ордена Британской империи. Награду в Букингемском дворце вручила лично

королева Великобритании Елизавета II. А в 1947 году Сталин подписал Указ о награждении Кима Филби орденом Красного Знамени.

Нет в мире другого человека, который бы одновременно получил высокую награду и похвалу лидеров стран с диаметрально противоположной социальной и политической системой...

Ликвидатор агентов-нелегалов

В декабре 1946 года Ким Филби был вызван к заместителю главы Сикрет Интеллидженс Сервис – адмиралу, сэру Хью Синклеру, который объявил подчинённому, что тот назначен шефом резидентуры СИС в Турции с центром в Стамбуле.

В то время Стамбул был главной южной базой, откуда велась разведывательная работа против Советского Союза и социалистических стран Восточной Европы. Турецкие спецслужбы терпели присутствие английских разведчиков на территории своей страны при условии, что их деятельность будет направлена исключительно против СССР и Балканских стран.

Лондонские коллеги рекомендовали Филби не уделять Балканским странам слишком много внимания и пояснили, что первой его целью должен быть Советский Союз. Конкретно это выражалось в засылке на короткий срок агентов в советские черноморские порты с использованием в этих целях торговых судов, направлявшихся в Одессу, Николаев и Новороссийск. Однако Филби решил, что главное усилие для переброски английской агентуры необходимо сосредоточить на восточной границе Турции с Грузией и Арменией.

Предложения Филби получили в Лондоне благоприятный отклик.

Ознакомившись с обстановкой, новоиспечённый резидент пришёл к заключению, что для проведения операций по «проникновению вглубь», под которым руководство СИС имело в виду засылку агентуры в Ереван, Тбилиси и восточные порты Чёрного моря, бесполезно искать кандидатов в нелегалы на месте. Население на турецкой стороне границы было слишком отсталым, чтобы выполнять специфические задания, поэтому Филби в своём первом докладе в Лондон просил дать указания резидентурам СИС в Париже, в Бейруте и в Лондоне начать поиски подходящих кандидатов среди грузинских и армянских эмигрантов.

Руководство СИС незамедлительно взялось за реализацию предложения Филби. Из Лондона в Париж был маршрутирован эмиссар для

обсуждения проблемы подбора боевиков с меньшевиком Ноем Жордания, который когда-то являлся главой недолговечной «Независимой республики Грузия», возникшей в 1918 году. За умеренную плату Жордания охотно согласился подобрать подходящих людей, хотя и не питал иллюзий в отношении их судьбы, попади они в руки советской контрразведки. Но деньги, которые сулили англичане, на дороге не валялись, и лучше, если они достанутся грузинской, нежели армянской меньшевистской диаспоре в Париже.

Засылкой группы агентов на короткие сроки – на несколько дней, от силы несколько недель – в СИС собирались изучить возможность длительного нелегального существования своих боевиков в Грузии. Найдутся ли безопасные дома? Возможно ли легализоваться путём покупки документов или каким-то другим способом? Как установить надёжные каналы связи?

Если бы пробные вылазки прошли гладко, то со временем СИС могла бы планировать создание постоянной агентурной сети в Грузии и Армении.

Об этих долгосрочных целях английской разведки, как и о пробной засылке лазутчиков, Филби, разумеется, своевременно поставил в известность Москву. Виктор Абакумов, в то время министр государственной безопасности, не мог отказать себе в удовольствии и, докладывая Сталину о добытых Филби сведениях, как бы между прочим обмолвился, что Лаврентий Берия женат на родной сестре Ноя Жордания и таким образом является родственником главы грузинской белоэмигрантской диаспоры...

...Вождь с интересом отнёсся к информации, взял под личный контроль проведение мероприятий, препятствующих проникновению агентуры противника на территорию СССР через южные границы. По его замыслу, громкий провал первой же операции по переброске боевиков мог заставить не только англичан, но и американцев, отказаться от дальнейших планов засылать к нам нелегалов на длительное оседание.

Вскоре Филби получил из СИС шифровку, в которой сообщалось, что Жордания выполнил обещание, и два кандидата проходят интенсивную подготовку в Лондоне. Филби незамедлительно выехал на грузино-турецкую границу, чтобы на месте ознакомиться с условиями заброски.

В ходе продолжительной встречи с главой местной службы безопасности Тефик-беем, Филби понял, что турки стремятся заполучить агентов в свои руки на последние сорок восемь часов перед вылазкой, чтобы дать им свои задания. В результате бедолагам-грузинам предстояло пересечь границу с одним заданием от Жордания, другим – от СИС и с

третьим – от турок. Каждый старался склонить чашу весов в свою сторону...

Настал день, когда Тефик-бей вывез Филби и двух молодых грузин в район турецкой деревни Позов, расположенной напротив грузинского города Ахалцихе. Было определено время переброски с учётом положения Луны, проверено оружие и снаряжение, которым лазутчиков снабдили в Лондоне.

Через некоторое время все четверо отправились в Ардаган и дальше на север. После часовой езды разделились. Грузины двинулись в сторону границы. При свете луны было отчётливо видно, как упали оба грузина, сражённые автоматными очередями русских пограничников.

Филби понял, что советское руководство приняло решение допустить лазутчиков на свою территорию, а затем уничтожить их. Демонстративная ликвидация должна была навсегда похоронить идею переброски агентуры через южные рубежи СССР.

«Уничтожить до приземления!»

В 1949 году, после двухлетнего пребывания в Стамбуле, Филби был послан в Вашингтон в качестве представителя СИС при ЦРУ и ФБР. Это был один из самых важных и ответственных постов в британской разведке. В Вашингтоне Филби имел неограниченный доступ к секретным материалам американских спецслужб.

Вскоре Филби стало известно об англо-американском плане устранения Энвера Ходжи, генерального секретаря ЦК Албанской партии труда, и свержения социалистического строя в этой стране. План немедленно стал достоянием московского Центра. Ознакомившись с докладной запиской, Сталин, едва сдерживая негодование в адрес бывших союзников СССР по антигитлеровской коалиции, тут же начертал пресловутым синим карандашом *«Уничтожить до приземления!»*

Когда Ходже сообщили об этом, он буквально воспринял резолюции вождя. И более 700 парашютистов были уничтожены ещё до того, как их стопы коснулись земли. А два десятка раненых диверсантов были захвачены в плен и предстали перед показательным судом, который должен был продемонстрировать населению страны и западным спецслужбам, какая участь ожидает предателей. Пленённые диверсанты подробно рассказали о полученном задании, об американских базах подготовки диверсантов, назвав даже имена инструкторов.

После такого оглушительного провала ЦРУ и СИС более не предпринимали попыток свергнуть с помощью воздушных десантов коммунистические режимы в странах Восточной Европы.

По лезвию бритвы

Впервые реальная угроза разоблачения нависла над Филби в августе 1945 года, когда на Запад собрался бежать сотрудник стамбульской резидентуры НКВД Константин Волков, работавший под прикрытием заместителя советского консула. Он связался с британским консульством и высказал готовность передать информацию о советских агентах, внедрённых в государственные структуры Великобритании. Сообщил, что двое действуют в Форин-офисе, а один в центральном аппарате СИС в Лондоне.

Сведения, полученные от Волкова, были пересланы в Лондон дипломатической почтой. Спустя неделю они оказались в СИС и легли на стол... Филби. Он сразу понял, что является одним из тех, кого Волков намерен был назвать.

«Я смотрел на бумаги несколько дольше того, чем требовалось чтобы обратиться с мыслями», – позже напишет Филби в своих мемуарах «My Silent War» («Моя тихая война», 1968).

Филби сообщил о предателе в московский Центр. А дальше удача улыбнулась ему: именно его направили в Стамбул для встречи с Волковым. Но к тому времени, когда Филби добрался до Турции, Волков бесследно исчез, и больше о нём никогда не слышали...

...Находясь в Вашингтоне, Филби завёл мимолётный роман с американской дешифровальщицей Мередит Гарднер. Показав Филби несколько расшифрованных советских документов, она прокомментировала их содержание, отметив, что, скорее всего, советский «крот»^[3] окопался в британском Форин-офисе. Филби понял, что угроза разоблачения нависла над Дональдом Маклином, и незамедлительно предупредил московский Центр. Там решили, что миссия «Гомера» (рабочий псевдоним Маклина) в качестве советского секретного агента выполнена, и будет лучше, если он вообще исчезнет из поля зрения и ФБР, и МИ5. Вскоре Маклин и Бёрджесс оказались в Советском Союзе, и были спрятаны от возможных посягательств на их жизнь со стороны англо-американских спецслужб в Куйбышеве – городе, закрытом для посещения иностранцев.

По мнению западных исследователей деятельности англо-

американских спецслужб, к которым, безусловно, относится авторитетный английский писатель и публицист Филлип Найтли, перипетии, возникшие вокруг «дела Маклина», не могли не сказаться на карьере Филби. В своей книге «The Second Oldest Profession», London, 1987 (в русском переводе – «Шпионы XX века») Найтли категорично заявляет:

«В конце концов Филби был разоблачён не из-за своей лояльности по отношению к Бёрджессу, как принято считать, а потому что КГБ – далеко не безгрешная организация и совершает глупейшие ошибки. Если бы Комитет государственной безопасности не бросился на спасение своего человека в Форин-офисе Дональда Маклина, Филби мог бы стать руководителем СИС и таким образом войти в историю как самый великий шпион всех времён. Ибо глава СИС Стюарт Мензис и его заместитель Хью Синклер дали понять премьер-министру, что хотят видеть Филби на посту начальника британской разведслужбы после отставки Мензиса.

Но в любом случае в «деле Маклина» Филби сыграл свою партию вдохновенно, с полной отдачей, выражаясь языком музыкантов, – «шпиониссимо»!..»

Действительно, вслед за исчезновением Маклина и Бёрджесса под подозрение британских и американских контр-разведчиков попал и Филби. Не мешкая, он уничтожил всю полученную от московского связника экипировку и, как он пишет в своих мемуарах:

«Почувствовав себя чистым, как стёклышко, я успокоился, зная, что ни англичане, ни американцы не посмеют открыто обвинить меня в чём-либо без санкции высшего руководства, а для санкции требовались неопровержимые улики, которых уже не было!»

Однако подозрения начальника контрразведывательного отдела ЦРУ Джеймса Д. Энглтона оказались настолько сильны, что он уговорил тогдашнего директора Управления Уолтера Беделл-Смита обратиться в СИС с просьбой отозвать Филби из США.

В Лондоне сотрудники МИ5 арестовали заграничный паспорт Филби. Несколько раз они подвергали его изощёренным допросам, «выясняя подробности его дружбы с Маклином и Бёрджесом». Несмотря на то, что Филби сумел отместить все подозрения в свой адрес, его всё же уволили из СИС, назначив ему выходное пособие в 2000 фунтов стерлингов (сегодня это = 200 тысяч) и ежемесячный пенсион в 2000 фунтов, который должен был выплачиваться ему в течение трёх лет!

Между тем над Филби вновь стали сгущаться тучи. 2 апреля 1954 года ушёл к противнику шифровальщик советского посольства в Канберре Владимир Петров. Рассказывая о побеге Маклина и Бёрджесса, предатель назвал Филби «третьим человеком» в шпионской группе. Этому прозвищу суждена была долгая жизнь.

В ноябре 1955 года группа депутатов нижней палаты парламента, пытаясь выяснить, действительно ли Филби является «третьим человеком», направила запрос вновь избранному премьер-министру Гарольду Макмиллану. И тот 7 ноября 1955 года на парламентских слушаниях публично снял с Филби все подозрения:

«Не обнаружено никаких доказательств того, что Филби предупредил Маклина или Бёрджесса. Находясь на правительственной службе, он выполнял свои обязанности умело и добросовестно. У меня нет оснований считать, что мистер Филби когда-либо предавал интересы страны или что он является так называемым «третьим человеком», если такой вообще существовал».

Филби вернули паспорт. Он дал пресс-конференцию и провёл её настолько блестяще, что коллеги из СИС принесли ему свои поздравления.

Глава ЦРУ Смит и начальник контрразведки Управления Энглтон были в ярости. А директор ФБР Гувер, скрепя зубами, был вынужден отменить санкции против Филби и официально оправдать его.

29 декабря ФБР закрыло своё досье на него, что выразилось в следующем заключении:

«Предмет – Дональд Стюарт Маклин и др. В ходе имевшего недавно место просмотра все упоминания в досье ФБР о Гарольде А.Р. Филби были в виде резюме перенесены на карточки размером 3×5 дюймов. Филби подозревается в том, что предупредил объект о начатом по поводу последнего расследования. Просмотр документов не даёт оснований для того, чтобы начать расследование деятельности Филби».

По мнению западных аналитиков, главный ущерб, который нанёс Филби ЦРУ и СИС, пришёлся не столько на оперативную сферу, сколько на взаимоотношения как между ЦРУ и ФБР, так и между американскими и английскими разведывательными службами вообще. После Филби их отношения уже никогда не были столь близкими: «его деятельность посеяла семена недоверия и отравила умы некоторых сотрудников ЦРУ настолько, что они уже не могли доверять полностью даже самым близким британским коллегам».

...По протекции адмирала, сэра Хью Синклера, Филби устроился на работу ближневосточным корреспондентом «Обсервера» и «Экономиста»

и вскоре отправился в качестве журналиста в Бейрут. Руководство СИС посчитало излишним уведомлять его работодателей, что должность корреспондента будет для него лишь прикрытием. Дело в том, что Филби – невероятно! – вновь был принят на службу в СИС...

Подарок вождя

Сталин, с недоверием относившийся к закордонным источникам, никогда не интересовался подробностями их биографии. Случай с уничтожением агентов-нелегалов на грузино-турецкой границе уникален ещё и потому, что вождь впервые проявил внимание к настоящему имени и социальному статусу Филби. Узнав, что тот категорически отказывается принимать вознаграждение деньгами, Сталин, подписав в 1947 году Указ о награждении Филби орденом Красного Знамени, распорядился отблагодарить разведчика ценным подарком. Специально для Филби в память об успешно проведённой операции в Ахалцихе, а также по случаю его тридцатипятилетия лучшими мастерами Союза – художниками, ювелирами и скульпторами – был изготовлен барельеф горы Арарат.

Подарок вождя был вручён Киму Филби связником на очередной встрече.

Барельеф размером 40×25 см, выполненный из ценных пород реликтовых деревьев, инкрустированный золотом, платиной и мельчайшими бриллиантами, вкраплёнными в заснеженные вершины Арарата, представлял собой уникальное произведение искусства.

Филби был тронут и очарован. Меняя жилища при переезде из одной страны в другую, он неизменно устанавливал драгоценную вещь на самом видном месте. В течение шестнадцати (!) лет гости не переставали восторгаться изысканным вкусом хозяина, а Филби заученно пояснял, отвечая на вопросы, что барельефу более ста лет и приобретён он по случаю у старьевщика из Стамбула.

Филби расстался с подарком Вождя лишь в 1963 году, когда под угрозой разоблачения был спешно вывезен в Союз. Через некоторое время пребывание Филби в нашей стране стало достоянием англичан. Помощь им пришла с неожиданной стороны. На дипломатическом приёме в посольстве ГДР в Москве подвыпивший Хрущёв вдруг объявил о своём решении предоставить Филби политическое убежище и московскую прописку.

Однако руководство СИС настороженно отнеслось к заявлению советского премьера: в памяти ещё были свежи пьяные

разглагольствования Хрущёва об оснащении Советской армии «боевыми подземными лодками», которые по своим тактико-техническим данным якобы превосходят любые танки мира. Учитывая неадекватность Хрущёва, в СИС решили, что необходимо добыть фактическое подтверждение присутствию Филби в Москве и его работе в пользу СССР.

Не дожидаясь, пока будут добыты эти «фактические подтверждения» директор ФБР Гувер объявил, что «исчерпал свой кредит доверия в отношении СИС». Действительно, до самой своей смерти в 1972 году он не доверял английским спецслужбам. В свою очередь, Уолтер Беделл-Смит своим поведением дал ясно понять, что особые отношения ЦРУ с СИС не будут восстановлены до тех пор, пока англичане не наведут порядок в своём доме.

Возрождение этих «особых отношений» затянется на два десятилетия...

* * *

Приехавшая из Лондона в Бейрут многочисленная комиссия МИ5, в которую входили не только контрразведчики, но и эксперты, тщательнейшим образом обследовала жилище и все личные вещи Филби, ища материальные подтверждения его шпионской деятельности в пользу СССР. Никаких доказательств обнаружено не было. Лишь в последний момент перед тем, как покинуть квартиру, эксперт-искусствовед обратил внимание на барельеф, сиротливо мерцавший в гостиной виллы. Он был немедленно подвергнут исследованию. С помощью специальной аппаратуры удалось установить, что вещица – подделка под старину, а её возраст не превышает двадцати лет. Более того, рассмотрев повнимательнее «антикварное» произведение искусства, эксперт наконец нашёл подтверждение связи Гарольда Адриана Рассела (Кима) Филби с Советским Союзом.

Сенсационность открытия состояла в том, что двуглавая вершина горы, в той последовательности, с которой она была представлена на барельефе, может быть обозреваема т о л ь к о с территории Советского Союза, но никак не Турции. Значит, мастера-исполнители, делая эскиз, находились... А если учесть срок жизни вещицы... Словом, подарок вождя был единственным «фактическим подтверждением» тому, что Филби работал в пользу СССР...

* * *

В марте 1988 года в интервью журналистам «Санди Таймс», специально для этого прибывшим в Москву, Филби сказал:

«Несмотря на то, что жизнь здесь имеет свои сложности, я привязан к этой стране и больше нигде не хотел бы жить. Это моя страна, я служил ей более полувека и хочу найти здесь своё последнее пристанище. Я хочу, чтобы мой дух упокоился на этой земле».

Спустя два месяца, 11 мая, он умер от сердечной недостаточности. С генеральскими почестями Филби похоронили на Кунцевском кладбище. В 1990 году в СССР вышла серия почтовых марок, посвящённая выдающимся советским разведчикам. Одна из них – с портретом Кима Филби.

Часть шестая
Антитеррор

Глава первая

Знамя команды «Альфа»

Ни в гангстерских романах, ни в самых крутых кинобоевиках не найти такого количества головокружительных приключений, которые выпали на долю бойцов сверхсекретного подразделения КГБ СССР – команды «Альфа» – название и широкую известность приобретающую лишь после печально известных событий у Белого дома в августе 1991 года.

Даже кураторы Комитета из отдела административных органов ЦК КПСС не были осведомлены об истинном предназначении команды – для них она была одним из многих подразделений КГБ, проходившим под кодовым названием «Группа А», а многие операции, проведенные её бойцами, и сегодня остаются тайной за семью печатями, продолжая нести гриф «Совершенно секретно» и «Особой важности».

За всё время своего существования этот элитный отряд подчинялся разным председателям Комитета госбезопасности. Неизменным было одно: деликатнейшие миссии, поручаемые «мушкетёрам» из «Альфы», выполнялись молниеносно, ювелирно, без следов и без потерь. В их активе десятки блестяще проведенных операций, которые вызывают профессиональную зависть и восхищение у коллег из американской «Delta», английской «SAS» и немецкой «GSG-9» – зарубежных аналогов нашей легендарной «Альфы».

Это подразделение особого риска было укомплектовано бойцами штучной работы, готовыми на самопожертвование ради выполнения задания.

Они не понаслышке знали, как пахнет порох и человеческая кровь, а смертельный риск был постоянным спутником в их ратном деле.

Убежденность в правильности избранного пути, востребованность были животворными источниками деятельности этих «рыцарей без страха и упрёка».

Впервые «Альфа» заявила о себе как подразделение антитеррора в Тбилиси в 1983 году. Тогда группа бандитов произвела беспрецедентный захват заложников – пассажиров авиалайнера.

Сановникам со Старой площади стало ясно, что «Группа А» – не элитный клуб, а отряд особого риска, ибо там, в тбилисском аэропорту были кровь и порох, риск и смерть...

Первые террористы Советского Союза

Подвиг в ту ночь не планировалось...

18 ноября 1983 года телефон прямой связи с председателем КГБ СССР залился малиновой трелью в тот самый момент, когда Владимир Зайцев, сдав дежурство, запирает дверь своего служебного кабинета. Через пять минут он уже знал, что в Тбилиси в 16 часов 16 минут самолёт Ту-134, следовавший по маршруту Тбилиси – Батуми – Киев – Ленинград с 57 пассажирами и 7 членами экипажа на борту, захвачен группой вооружённых преступников.

Ещё через десять минут прозвучал сигнал боевой тревоги и дежурное отделение «Альфы» стало готовиться к вылету в Тбилиси, к своей первой операции по освобождению заложников в самолёте.

В аэропорту «Внуково» «альфовцы» и руководители 4-го Управления КГБ СССР (контрразведывательное обеспечение на транспорте) погрузились в специальный самолёт правительственного авиаотряда. Внешне ничем не отличавшийся от своих собратьев, этот Ту-134 был особой конструкции: форсированные моторы повышенной надёжности, салоны, оборудованные для перевозки вооружения и отдыха спецконтингента, отдельный отсек, переделанный под кабинет председателя КГБ со всеми необходимыми атрибутами, среди которых отсутствовал разве что «чёрный чемоданчик» с ядерной кнопкой...

...Время в полёте тянулось томительно, нервное напряжение нарастало. Неопределённость – худший враг людей действия. Чтобы занять себя делом, «альфовцы» стали на макетах примерных действий при освобождении самолёта и заложников отрабатывать возможные варианты своего поведения в тбилисском аэропорту.

Обстановка в салоне не замедлила разрядиться. И хотя это была первая операция «Альфы» по освобождению заложников, настроение у всех было боевым, сомнений в том, что удастся справиться со злоумышленниками, не было. Хотя... Человек предполагает, а жизнь располагает.

* * *

Около полуночи спецсамолёт совершил посадку в аэропорту Тбилиси. Вылетая на операцию, «альфовцы» ещё не знали, с кем и с чем придётся столкнуться, поэтому захватили с собой полный боекомплект.

Один его вид вызвал восхищение, граничащее с подбостратием, у грузинских гэбэшников.

Действительно, автоматы и пистолеты специальной конструкции, невиданные снайперские винтовки, бронежилеты, бронешиты и каски, переговорные устройства немислимых конфигураций (некоторые из них можно было надеть на мизинец в виде пластыря), груды ящиков с пиротехническими спецсредствами и различной экипировкой, без всяких пояснений потрясли воображение непосвящённых. Кто-то из местных контрразведчиков, увидев все эти «прибамбасы», вполне серьёзно спросил:

«Слушай, генацвали, ви слючаем не с «Мосфильма»? К нам тут на съёмки фантастического боевика должны прилететь киношники... Ви что? Реквизит привезли?»

Кто-то из «альфовцев» весело заметил: «Мы прилетели, чтобы фантастику сделать былью!»

Под одобрительный гогот присутствующих отделение Зайцева направилось в депутатский зал аэропорта Тбилиси, где их ожидал первый секретарь ЦК компартии Грузии Эдуард Шеварднадзе со свитой.

Через несколько минут стала ясна причина этой сановной тусовки в столь неподходящем месте и в такое неурочное время: террористы, захватившие самолёт, – отпрыски самых элитных и влиятельных семей советской Грузии.

* * *

Ко времени прибытия «Альфы» в Тбилисси бандиты, матёрые наркоманы, взвинтив себя очередной порцией зелья, зверски прикончили нескольких членов экипажа и двух пассажиров. На предложение сдаться угрожали взорвать самолёт со всеми пассажирами. Прилетевшим сразу стало не до смеха...

Справка:

Впоследствии выяснится, что учебным пособием для террористов явился художественный фильм «Набат», снятый киностудией «Мосфильм», но, к счастью, ещё не запущенный в прокат, ибо все события, как предшествовавшие захвату, так и имевшие место на борту самолёта, развивались по сценарию этой ленты...

По настоянию руководства КГБ СССР после тбилисской трагедии этот фильм на экраны страны так и не попал.

Тяжёлое похмелье после свадьбы

За несколько дней до описываемых событий весь Тбилиси полнился слухами о праздновании свадьбы детей известнейших в Грузии родителей. Жених – Сосо Церетели, 1958 года рождения, художник студии «Грузия-фильм», вдохновитель и главный разработчик операции по захвату самолёта и заложников, сумевший накануне детально изучить фильм «Набат» и действовавший строго в соответствии с его сценарием.

Невеста – Тамара Патвиашвили, 1964 года рождения, студентка 3-го курса архитектурного факультета Грузинской академии художеств, правая рука главаря террористов.

Совсем не случайно среди приглашенных на свадьбу гостей оказалась диспетчер тбилисского аэропорта. Во время застолья новобрачные заключили с нею контракт: она помогает приобрести билеты и проникнуть на борт самолёта через депутатский зал, минуя досмотр. С помощью этой девицы пираты пронесли на борт самолёта террористскую экипировку: пистолеты «ТТ», револьверы системы «Наган», боеприпасы и гранаты.

* * *

Как только самолёт вырулил на взлётную полосу, преступники: Паата Иверелли, 1953 г.р., врач; его брат Каха Иверелли, 1957 г.р., ординатор кафедры госпитальной хирургии Тбилисского медицинского института; Геча Кобахидзе, 1953 г.р., без определённых занятий, ранее дважды судимый за разбой; Гия Табидзе, 1954 г.р., художник; Давид Микаберидзе, 1962 г.р., студент Тбилисского университета и супруги Церетели-Патвиашвили принялись изучать пассажиров. Искали сотрудников службы безопасности Аэрофлота. Таковые на борту злополучного рейса отсутствовали, но Церетели показалось, что один мужчина ведёт себя подозрительно. Он поднялся со своего места и, подкравшись сзади, ударил пассажира по голове бутылкой шампанского. В тот же миг Табидзе и братья Иверелли схватили стюардессу Валю Крутикову и, прикрываясь ею, ворвались в пилотскую кабину. Угрожая пистолетами, они потребовали лететь в Турцию.

– Какая Турция?! О чём вы говорите! Самолёт не сможет совершить такой перелёт... – попытался урезонить нападавших бортмеханик Анзор Чедия и тут же получил несколько пуль в грудь.

Вслед за этим Табидзе хладнокровно разрядил обойму в сидевшего рядом замначальника лётно-штурманского отдела тбилисского авиаотряда Завена Шабартяна.

Неожиданно из-за занавески в носовой части пилотской кабины раздались ответные выстрелы. Стрелял штурман Владимир Гасоян.

Нападавшие понесли первые потери: убит Табидзе и ранен Паата Иверелли.

Командир корабля Ахматгер Гардапхадзе, чтобы затруднить действия террористов, проделал в воздухе несколько фигур высшего пилотажа. Это на пассажирском-то лайнере! Согласно сделанным впоследствии расчётам специалистов нагрузка на несущие конструкции самолёта в три раза превысила допустимую. Однако всё обошлось, а в результате находчивости Гардапхадзе все проникшие в пилотскую кабину преступники были отброшены в пассажирский салон, и дверь удалось намертво задрать.

Командир, преодолевая боль, – срикошетившая пуля попала в бедро – сумел посадить самолёт в самом конце зоны тбилисского аэропорта. При посадке лайнер сильно ударился о бетон, от чего в полу открылись различные технологические и даже аварийный люк с правой стороны. Заметив это, преступники заставили одного из пассажиров придерживать его руками, чтобы он не оторвался от корпуса самолёта.

Когда лайнер катился по бетонке, одна из стюардесс открыла входную дверь и попыталась выпрыгнуть. Заметив это, самый молодой из террористов, Давид Микаберидзе, сначала застрелил девушку, а разглядев в проёме двери огни тбилисского аэропорта и решив, что всё кончено, пустил себе пулю в лоб.

Сразу же после остановки экипаж в панике покинул самолёт, оставив на произвол судьбы в пилотской кабине своего раненого товарища Завена Шабартяна. Добравшись до здания аэропорта, они сообщили в общих чертах о происшедшем. Самолёт немедленно был отбуксирован в самый дальний конец аэропорта и окружён солдатами-пограничниками.

Грузинские пограничники, взвинченные приказами своих командиров, немедленно продемонстрировали, что единственное, чему их научили, – это нажимать на спусковой крючок автомата.

Когда один из пассажиров выпрыгнул из самолёта на бетон посадочной полосы, он оказался между двух огней – по нему одновременно стреляли и террористы и пограничники, принявшие мужчину за убегающего преступника. Шквальный огонь солдат изрешетил корпус самолёта, повредив провода радиосвязи. Бандиты, угрожая расправой над пассажирами, стали безостановочно палить из иллюминаторов, требуя немедленного вылета самолёта за пределы СССР.

Пираты установлены, что дальше?

К моменту прибытия «Альфы» в тбилисский аэропорт штаб во главе с

первым секретарём ЦК Грузии уже установил личности террористов и по местам их жительства были проведены обыски. В домах и на дачах преступников были обнаружены разбитые в щепы мишени, оружие и боеприпасы, количество которых свидетельствовало о тщательной подготовке и серьёзности намерений людей, захвативших самолёт.

Узнав о многообразии обнаруженного в тайниках воздушных пиратов оружия и боезапасов, «альфовцы» задались далеко не праздным вопросом:

«А сколько же боевых стволов и гранат бандиты сумели пронести на борт самолёта?!»

* * *

Попытки доставить к самолёту родителей для переговоров с их отпрысками-пиратами успехом не увенчались. Те же, кто под сильнейшим нажимом местных властей всё-таки прибыли в аэропорт, в последний момент наотрез отказались приближаться к самолёту и разговаривать со своими детьми. Тогда на взлётную полосу вышел прокурор республики. Приблизившись к самолёту на достаточно близкое расстояние, он сначала попытался уговорить террористов отказаться от дальнейшего насилия и сдаться. Быстро поняв, что его увещевания не возымеют результата, прокурор достал из кармана какую-то книжицу и начал громко, нараспев что-то читать. Если бы не бронежилет и каска, которые предусмотрительно водрузили на него «альфовцы», со стороны его можно было принять за священника, отпевающего покойника.

Местные товарищи объяснили москвичам, что главный правовед Грузии зачитывает (?!) террористам статьи из Уголовного Кодекса, которые предусматривают наказание за их деяния. В ответ из самолёта раздались ругань и угрозы.

* * *

С момента захвата авиалайнера минул уже восьмой час. Надо было срочно изучить обстановку на борту самолёта, подробно выяснить намерения пиратов.

Ясно лишь одно: самолёт, оккупированный бандитами, из-за своего плачевного технического состояния не сможет даже вырлиться на взлётную полосу. Эти доводы были доведены до сведения пиратов, но они

категорически отказались пересаживаться в другой авиалайнер, настаивая на ремонте того, в котором находились. Единственное, на что они согласились, это принять на борт сумку с медикаментами и чайники с питьевой водой. Сами они воду употреблять не стали, а аптечку подвергли тщательному обследованию, но использовать её для своего раненого поделника не решились, опасаясь подвоха. В подтверждение своей решимости без боя не сдаваться террористы выставили условие: каждый час задержки вылета в Турцию будет стоить жизни трём взятым в заложники пассажирам. А в крайнем случае они подорвут самолёт, забрав на тот свет всех захваченных ими людей... Дело принимало чрезвычайно опасный оборот. Ничего подобного советская история аэроперевозок не знала!

После долгих уговоров пираты согласились принять на борт парламентёра, но предупредили, чтобы он, не доходя пяди десяти метров до самолёта, остановился, разделся донага, сняв даже носки, лишь после этого они впустят его в салон.

В роли парламентёра начальник отделения «Альфы» Владимир Зайцев предложил себя.

* * *

Был уже третий час ночи, когда Зайцев двинулся к лайнеру, как вдруг из него выпрыгнула женщина и стремительно побежала прочь. Как выяснилось впоследствии, это была одна из пассажирок, сумевшая усыпить бдительность бандитов. От удара о землю она сломала обе ноги, но страх перед террористами оказался сильнее боли.

После этого инцидента террористы категорически отказались вести какие-либо переговоры, настаивая на безоговорочном предоставлении им самолёта для вылета за кордон. При этом бандиты усилили психологическое и физическое воздействие на пассажиров, поняв, что уже переступили роковую для них грань и поставили себя вне закона.

Только после этого было принято решение идти на штурм.

* * *

Через восемь лет, в ноябре 1991 года, во время правления Звиада Гамсахурдия, газета «Свободная Грузия» опубликовала статью, в которой

автор, проливая крокодиловы слёзы, негодовал, что *«под водительством прежних советских правителей была устроена бессмысленная кровавая бойня, преднамеренное убийство молодых правозащитников, борцов за свободу и независимость Грузии, пытавшихся бросить вызов империи зла и вырваться из её пут на самолёте».*

Разумеется, в статье ни слова не было сказано, что те «молодые правозащитники», прокладывая себе путь к «свободе», зверски убивали ни в чём не повинных людей. По мнению исполнителя пасквиля, штурм был предпринят для того, чтобы «поиграть мускулами», «показать мощь репрессивной машины империи» и т. д. Гноеточивый навет спровоцировал звиадистов на экстремистские действия: вслед за его появлением в авиагородке грузинских лётчиков был совершен акт вандализма – разрушен памятный обелиск, на котором были высечены фамилии погибших от рук бандитов пилотов и бортпроводницы...

С полной ответственностью сегодня можно заявить, что решение о штурме было принято ввиду категорического отказа бандитов перебраться в другой самолёт, на котором их беспрепятственно выпустили бы за границу, а также из-за того, что существовала реальная угроза жизни пятидесяти пассажиров.

Более того! Хотя прокурор Грузии и дал санкцию на физическое уничтожение пиратов, руководство КГБ СССР отдало приказ провести операцию без применения (!) огнестрельного оружия.

Пришлось бойцам «Альфы» брать с собой пистолеты, снаряженные пластиковыми пулями. Однако между собой «альфовцы» решили, что хотя и будут проводить штурм без применения огнестрельного оружия, то засевшие в самолёте бандиты этого благородства всё равно не оценят, оно будет им только на руку, поэтому в случае огневого контакта пощады террористам не будет. Ибо атакующим «альфовцам» достаточно было пару раз взмахнуть руками, чтобы отправить к праотцам любого из бандитов...

Штурм

На стоящем в аэропорту однотипном самолёте «альфовцы» провели блиц-тренировку, закрепив за каждой тройкой бойцов определённые отсеки самолёта.

Владимиру Зайцеву вместе с Виталием Демидкиным и Владимиром Серёгиным выпало действовать в носовой части Ту-134 – на самом рисковом направлении, которое находилось под неусыпным контролем террористов. Ведь именно оттуда, из пилотской кабины, сумели бежать уцелевшие члены экипажа, а дверь в салон продолжала оставаться заблокированной изнутри, что, по мнению бандитов, представляло для них

наибольшую опасность.

...В результате непрерывного слухового контроля за действиями и разговорами бандитов Зайцеву стало известно, что в глубине первого салона, лицом к кабине, то есть к тому месту, откуда он с Демидкиным и Серёгиным должны появиться, сидят два боевика с гранатами. Ясно, что бросать их они будут не себе под ноги, а в атакующих.

Каждый из троих прекрасно отдавал себе отчёт, что если от стрелкового оружия ты хоть как-то защищен бронежилетом, а от пули, в конце концов, можно увернуться (надо сказать, «альфовцы» умеют и это!), то от гранаты в таком замкнутом пространстве тебя не спасёт никакой колдовской заговор: если не достанут осколки, то уж от ударной волны никуда не уйти.

Занимая исходные позиции, «альфовцы» предварительно договорились между собой, что если кто-то будет ранен, то другие участники штурма должны продолжать операцию, а не бросаться на помощь к упавшему. Словом, бежать прямо по его телу. Главное – успешно завершить операцию. Только это может стать гарантией спасения раненого товарища. Позднее это правило стало железным законом боевой работы всей «Альфы».

* * *

Температура по-прежнему оставалась на нулевой отметке, дождь лил как из ведра, ноябрьский ветер, казалось, ледяными иголками протыкает каждую твою косточку. Вокруг кромешная темнота: освещавшие самолёт прожекторы выключили, чтобы дезориентировать террористов. Все бойцы штурмовых групп кроме спецкомбинезонов имели на себе ещё шерстяные спортивные костюмы и кожаные куртки, один лишь Зайцев, этот несостоявшийся парламентёр, стоял на ледяной бетонной полосе, согреваемый только бронежилетом и азартом охоты.

Психологическое напряжение достигло наивысшей критической точки, когда до его слуха донесся плач ребёнка в салоне. Вспомнился малолетний сын, оставшийся в Москве, молодая жена на сносях...

Троица начала надевать средства защиты, доставленные группой поддержки, однако через секунду им стало ясно, что проникнуть в этой амуниции в самолёт абсолютно невозможно, и Зайцев, а за ним Демидкин и Серёгин сбросили бронежилеты.

Первое, чего коснулись руки Зайцева, когда он по фалу, а попросту – по верёвке – проник в кабину, было окоченевшее тело бортмеханика. Оттащив труп в сторону, Владимир принял от Демидкина и Серёгина оружие, радиостанции и средства защиты, затем втащил внутрь и их. И тут только они услышали стоны раненого пилота. Он умолял не открывать дверь, иначе их всех убьют.

Подойдя к двери, Владимир снял защёлку, чтобы попробовать, не заблокирована ли она снаружи. Вроде, нет. Зайцев по рации доложил, что его группа к штурму готова. В тот же момент в переговорных устройствах всех штурмовиков раздался голос заместителя командира «Альфы», Героя Советского Союза В.Ф. Карпухина:

– Штурм!

В то же мгновение за окнами раздалось взрывы – отвлекающий манёвр, проводимый с помощью специальных светозвуковых гранат, которые на непосвящённых действуют обезоруживающе.

...Зайцев откинул щеколду, глубоко вздохнул и плечом врезал по двери пилотской кабины. Увы! Снаружи её что-то блокировало. Как выяснилось через секунду, это был труп террориста, которого застрелил штурман.

С третьей попытки Владимиру удалось сдвинуть, вернее, сплющить тело и протиснуться в салон. Сделав пару шагов, он наткнулся на второй труп – Микаберидзе, который застрелился во время посадки.

Одним прыжком преодолев коридор, отделявший кабину пилотов от пассажирских салонов, Зайцев наконец столкнулся с живым человеком.

«Динозавр!», – первое, что пришло на ум Владимиру.

Необъятно огромного роста незнакомец вылетел навстречу, всей своей массой навалившись на Зайцева. Раздумывать было некогда и, коротко взмахнув руками, «альфовцы» уложили верзилу на пол. Слава богу, у них хватило самообладания не открывать стрельбу – под горячую руку попался пассажир! В два приёма бойцы обыскали незадачливого здоровяка. Оружия нет – вперёд!

Демидкин и Серёгин успели крикнуть пассажиру, чтобы он немедленно убирался восвояси. «Динозавр» с грохотом вывалился из самолёта на бетонную полосу и тут же попал в переплёт: грузинские милиционеры и местные сотрудники госбезопасности, приняв его за террориста, стали зверски избивать беднягу ногами. Потребовалось вмешательство «альфовцев» из снайперской группы поддержки, чтобы

остановить самосуд.

Но всё это происходило уже за спинами Зайцева, Демидкина и Серёгина. Они ворвались в салон...

– Не подходите! Взорву самолёт! – закричала девушка, прижимая к груди какой-то пакет.

За окнами самолёта – фейерверк, светло, как днём.

Слишком хорошо было знакомо лицо кричащей, чтобы сомневаться в её намерениях: перед штурмовиками – главная террористка, Тамара Патвиашвили.

– Ну, бляха-муха, вот и встретились! – заорал Зайцев.

Бросок вперёд и преступница кулём летит к Демидкину, от него – к Серёгину и наконец оказывается снаружи, в руках «альфовцев» из группы поддержки, которые сумели вытеснить из-под самолёта жаждавших славы и орденов грузинских гэбэшников и милиционеров.

В пакете у Патвиашвили – три противотанковые гранаты – ничего себе, приданое невесты! Она тут же впадает в прострацию: сказывается многочасовое напряжение и передозировка наркотиками. Едва откачали!

...В салоне между тем раздаются команды Зайцева:

– Лежать! Всем лежать! Руки за голову! Стреляю без предупреждения!!

Все бросаются на пол.

Когда Владимир достиг тех заветных мест, где, по его расчёту, должны были находиться террористы, салон оказался пустым. Справа лежал пожилой мужчина с залитой кровью головой – это его Сосо Церетели, приняв за охранника лайнера, намертво угостил свадебной бутылкой шампанского.

* * *

С момента проникновения в салон прошло не более двадцати секунд, как вдруг раздалась беспорядочная стрельба.

«Очухались, сволочи!» – мелькнуло в голове Владимира, и в этот же момент он заметил открытый «дипломат», лежавший в свободном кресле. К нему тянулась рука рядом сидящего молодого человека. Молниеносное движение – и запястья грузина в «браслетах». Очень вовремя – в «дипломате» основной боезапас бандитов: гранаты Ф-1 и наступательные – РГД-5! Их тротилового заряда достаточно, чтобы самолёт со всеми находящимися в нём людьми взлетел, никогда больше не приземлившись.

Светозвуковые гранаты у группы поддержки, работающей снаружи, закончились. Салон погрузился в полумрак.

Зайцев выхватывает фонарик и лучём шарит вокруг. Полоска света проходит по лицу лежащего на полу молодого грузина. Заметно дрогнули его веки, но сам он продолжает лежать в проходе, притворяясь мёртвым.

«Шевельнётся – пристрели!» – скомандовал Зайцев Демидкину. Услышав это, «покойник» медленно поднимается с поднятыми вверх руками и кричит, что он – не главный. Главный – Сосо – находится во втором салоне.

* * *

Переговоры с преступниками длились около восьми часов, штурм – четыре минуты.

С наступлением рассвета 19 ноября кровавая трагедия завершилась. Время собирать камни.

Преступники застрелили двух лётчиков, двух пассажиров и стюардессу Валу Крутикову. Штурмана Плотко и бортпроводницу Ирину Химич серьёзно ранили, сделав инвалидами...

Приговор

На суде террористам было сказано:

«Вы – дети высокопоставленных и очень обеспеченных родителей. Что мешало вам приобрести турпутёвки в Турцию, куда вы регулярно летали, чтобы в казино спустить родительские деньги? Купили бы путёвки и на этот раз и без шума попросили бы политическое убежище за границей!»

Ответ был обескураживающим:

«Если бы мы таким путём сбежали за границу, нас бы приняли за простых эмигрантов. Чего стоят наши фамилии, влияние и деньги наших родителей там, за границей? Вот когда отец и сын Бразинкасы улетели с шумом, со стрельбой, стюардессу Надю Курченко убили, так их в почётные академики произвели, невольниками совести нарекли, из Турции в США переправили... Чем мы хуже?!»

...Суд приговорил всех бандитов к расстрелу, Тамару Патвиашвили – к четырнадцати годам заключения. Однако уже через год вся Грузия судачила о том, что фото Тамары появились на обложках западноевропейских журналов мод.

Сосо Церетели при таинственных обстоятельствах внезапно скончался

в тбилисском следственном изоляторе. Судьба остальных авиапиратов неизвестна. Понесли ли они заслуженное наказание?

Кстати, всех террористов, вопреки требованиям Генеральной прокуратуры СССР, по причинам, известным только высшему руководству тогдашней Грузии, несмотря на требование Закона, так и не передали союзным властям. По полученным из Грузии Генеральной Прокуратурой СССР отчётам выходило, что там якобы и приводили приговор суда в исполнение...

Удача длится секунду

Фейерверки редки, чаще – сермяжные будни

В современном русском языке слова «супер» и «альфа» стоят в одном синонимичном ряду и означают нечто неординарное и выдающееся. Не кроется ли в самом названии «Альфы» её особое предназначение, а она была укомплектована суперменами, готовыми на самопожертвование ради выполнения задания любой сложности?

Как знать... Начиналось-то всё обыденно.

...В начале 1974 года для проведения специальных операций была создана «Группа А». Службы охраны дипломатических представительств 7-го Управления КГБ СССР. Её целевое назначение – борьба с терроризмом и другими особо опасными экстремистскими проявлениями, связанными с захватом заложников, транспортных средств, режимных объектов, дипломатических представительств как на территории СССР, так и за рубежом.

Вновь созданная структура имела шесть региональных подразделений в городах Минске, Киеве, Краснодаре, Алма-Ате, Свердловске и Хабаровске.

Снабжение вооружением, средствами связи, защиты осуществлялось в соответствии с нормами и табелем положенности, утверждённым особым приказом председателя КГБ СССР.

Группа кандидатов комплектовалась из сотрудников территориальных органов КГБ, прослуживших не менее трёх лет в оперативном подразделении и годных по состоянию здоровья для... полётов в космос. Разумеется, они должны были не просто дружить со спортом, но и владеть карате или каким-то другим видом восточных боевых единоборств на уровне спортсмена-разрядника. Таким образом, «альфовцев» можно смело называть бойцами «штучного отбора» и общей для всех оперативников

подготовки.

Кандидаты должны были быть эмоционально уравновешенными, оптимистично настроенными, способными сохранять спокойствие в экстремальных ситуациях, хорошо переносить перепады давления и температуры, не должны бояться воды, замкнутого пространства, темноты и огня любой интенсивности...

Когда первичные испытания пройдены, офицер-кандидат становится курсантом, и тут уж никаких поблажек.

К слову, если в американскую «Delta», английскую «SAS» или германскую «GSG – 9» – заграничные аналоги «Группы А» – попадал лишь один из ста добровольцев, то в «Актае» – один из тысячи.

Нагрузки – физические и психические – околопредельные и с каждой неделей обучения они увеличиваются. Иногда некоторые курсанты на первом этапе изматывающих тренировок испытывали так называемый «эффект присутствия». Это когда у него уже нет сил даже пальцем пошевелить, когда он клянёт себя за то, что решил стать «альфовцем», и вдруг замечает, что работающий рядом инструктор делает то же самое, но выглядит, как огурчик.

«Если может он значит, смогу и я!» – говорит себе новобранец и продолжает работать.

Бойцы «Альфы» должны владеть холодным и огнестрельным оружием отечественных и зарубежных марок как серийными, так и специальными. Ещё надо пройти парашютно-десантную подготовку, скалолазание, уметь управлять всеми видами боевой техники.

С оружием и техникой каждый «альфовец» должен был быть на «ты», ведь от степени совершенства владения ими зависела и своя собственная жизнь, и жизнь братьев по оружию да и успех операции. Кроме того, в боевых ситуациях некогда листать справочник, поэтому всё надо было не просто держать в голове, а довести свои действия до автоматизма, а знания до уровня подсознания...

Но больше всего времени уделялось овладению приёмами рукопашного боя, с помощью которых необходимо в одно мгновение шоковым, травматическим, а то и смертельным воздействием подавить противника. За неприятным термином «рукопашный бой» кроется не кулачный бой. Приёмы рукопашного боя вобрали в себя лучшие наработки признанных мастеров самбо, джиу-джитсу, карате, дзюдо, тхэквон-до, греко-римской и вольной борьбы, и даже бокса...

Другими словами, это – синтетический вид спорта и овладеть им, ох, как непросто!

Это – не таблица умножения, которую выучивают раз и на всю жизнь. «Альфовцы» на собственном опыте знают, что стоит день не позаниматься и сам видишь, что не «в форме», неделю – заметят спарринг-партнёры. Ну а через месяц – лучше отказаться от поединка: можешь таких дров (или костей!) наломать.

«Альфовец» на счёт «раз-два-три» должен уметь оторвать у противника уши, гениталии или руку.

Принцип таков: удача длится не более секунды. Выйдя на дистанцию поражения, ты должен на едином дыхании отработать «объект» так, чтобы он либо умер, либо был пленён, так ничего и не поняв.

Когда в июне 1985 года был взят Адольф Толкачёв, предатель, продавший американцам чудеса нашего аэронавигационного оборудования, то он, уже находясь в Лефортово, обращался с просьбой к сокамерникам, чтобы они помогли разобраться, каким образом люди, бравшие его, сумели в одно мгновение не только защёлкнуть ему «браслеты» на запястьях, но и раздеть догола. Раздевание шпионов при задержании проводилось исключительно в целях обнаружения в их личных вещах или на теле капсул с ядом.

Искусство шоковой терапии

Совершенствованию навыков и приёмов рукопашного боя в «Альфе» всегда уделялось особое внимание, хотя необходимо добавить, что одних физических навыков при этом не достаточно.

Тренировки проводились только с использованием индивидуальных методов и с учётом психологической подготовки каждого бойца. Для каждого сотрудника разрабатывался личный комплекс приёмов, который соответствовал бы его психическим, физическим и моральным особенностям. Полноценный «альфовец» должен уметь сражаться в рукопашном бою без тормозящих эмоций и чувств. Воля воспитывается через преодоление страха и боли в поединках с более сильным противником, в роли которого во время тренировок выступает инструктор. Когда он во время учебных занятий наносит удар, от курсанта требуется только одно: устоять на ногах. Вообще, инструкторы считают воспитание болью одним из основополагающих принципов общей физической и психологической подготовки курсантов. Они убеждены, что среди бойцов «Альфы» не должно быть людей, не то что бы не выполняющих приказы, но даже склонных задумываться над их целесообразностью.

Группа «альфовцев», выходящая, допустим, для захвата иностранного разведчика в момент закладки им тайника, должна действовать точно и чётко, как единый отлаженный механизм. В её распоряжении доли

секунды. От каждого зависит успех, а иногда и жизнь всех, и от всех – жизнь и успех каждого. Действуют «альфовцы» по принципу мушкетёров: «один за всех – все за одного». Кто-то из бывших руководителей КГБ СССР, присутствуя на одном учебно-тренировочном занятии, назвал бойцов команды «скорохватами». Название прижилось...

Преобразование коллектива «Альфы» в единый отлаженный механизм отнюдь не приводило к «роботизации» сотрудников. Из них не пытались сделать бездумных киношных «шварценеггеров», а в первую очередь – стремились развить умственные способности.

...Психологические испытания включали в себя прохождение целого комплекса интеллектуальных и личностных тестов, в течение десятилетий разрабатывавшихся и проходивших доводку за рубежом: ММРІ, ТАТ, методики Леонгарда, Векслера и других учёных, отечественных и зарубежных – тысячи вопросов, задач, головоломок и, конечно же, проверку на полиграфе (детекторе лжи). Разработанный перспективный план специальных мероприятий по созданию условий материально-технического обеспечения для проведения специальных акций постоянно дополнялся и шлифовался.

Однако основное внимание уделялось воспитанию работоспособного коллектива, так как любая техника, любое оружие может «заиграть» только в руках специалиста экстра-класса. И самое главное состояло в том, чтобы объединить людей, преданных делу, готовых выполнить любую задачу, за которых можно было бы поручиться на все сто процентов.

Наряду с физической подготовкой в ходе обучения по «альфовской» системе много внимания уделялось изучению методов ведения разведки и контрразведки, потому что одним из основных направлений «Альфы» как оперативного подразделения является и обеспечение работы с агентурой, и владение навыками добывания оперативно значимой информации, вплоть до опроса населения и выяснения общественного мнения. А это, в свою очередь, требовало знаний о регионе возможных боевых действий, его истории, национальной психологии и обычаев, словом, обо всём том, что может пригодиться для сбора и анализа информации, вербовки агентуры среди местных жителей...

...Вообще, надо сказать, «альфовцы» – беспримерные трудяги. Приходят в подразделение романтиками, а становятся трудоголиками.

Рассказывая о физических и психологических нагрузках, которые им приходилось испытывать в ходе учёбы, «альфовцы», перефразируя известное выражение, о себе заявляют: «К профессионализму ведёт лишь один путь – труд. Кто хочет стать «профи», идя другим путём, тот –

контрабандист и занимается самообманом!»

И, действительно, сколько сил и воли требуется, чтобы ежедневно проделывать десятикилометровые марш-броски по пересеченной местности с полной выкладкой, силовые упражнения: лазание по канату, подтягивания и отжимания, занятия в тренажерном зале, прыжки с трёхметровой высоты! И, конечно же, занятия рукопашным боем. И зачастую не в спортивных залах на матах и татами, а прямо на асфальте, без страховки.

Поэтому можно с полной уверенностью заявить, что боевая подготовка «Альфы» во много раз превосходит американскую по своей напряженности, остроте и результативности.

Несмотря на то, что у американского спецподразделения «Delta» гораздо больше возможностей, чем у «Альфы», тем не менее наши бойцы на голову выше своих коллег из США, и последние об этом знают...

* * *

Многоплановая подготовка имела немало мест проведения занятий. Одним из таких мест, куда «альфовцы», распрощавшись со своими семьями, как футболисты на сборы перед решающими матчами, ежегодно выезжали на месяц-полтора, был пограничный учебный центр (ПУЦ) в Ярославской области.

Приёмы рукопашного боя оттачивали, как правило, в спортивных залах, принадлежавших 9-му Управлению (физическая охрана членов Политбюро и правительства) КГБ СССР.

Учебные стрельбы, шлифовка навыков вождения наземных, надводных и воздушных средств, а также бронетехники, проводились на полигонах самых неожиданных регионов бывшего СССР.

Всё это делалось не только из соображений конспирации. Надо было научиться привычно действовать в любых климатических зонах, в условиях пустынь и высокогорья, пятидесятиградусной жары и запредельного холода – мало ли куда может забросить «антитеррористическая судьба»!

Одним из самых красноречивых примеров применения на практике навыков физического воздействия, или, как его называли сами сотрудники – «шоковой терапии», как и использования прикладной психологии, могут служить «съёмы» разведчиков противника и их агентуры в самых неожиданных местах, что называется «от Парижа до Находки»...

«Порхать, как бабочка, и жалить, как пчела»

Необходимо пояснить, что «съём» – это негласное задержание объекта оперативной разработки, которое проводится конспиративно, чтобы об этом не знали ни его близкие, ни друзья, ни коллеги по работе. Если же объект подозревается в связях с иностранной разведкой, неожиданное исчезновение должно остаться тайной и для его хозяев. Хотя бы на первое время.

«Снимают» и своих, и иностранцев. Для этого стараются подобрать малолюдное место, но случается, выдёргивают человека и из толпы.

Блестяще владеющие приёмами рукопашного боя, досконально знающие анатомию и расположение наиболее уязвимых, болевых точек, на теле человека, «альфовцы» с поставленной задачей справляются мгновенно.

В крайнем случае прохожие могут заметить, как два человека помогают третьему сесть в машину, а он то ли нездоров, то ли нетрезв. После чего «снятые» оказываются либо в Доме на Лубянской площади, либо в Лефортовской тюрьме.

...9 ноября 1985 года в аэропорту Шереметьево-2 был проведен «съём» майора Моторина (агент ФБР «Гоз»), прилетевшего из Нью-Йорка.

При подготовке «съёма» двурушника ответственный за проведение мероприятия заместитель командира «Альфы» подполковник Владимир Зайцев, прежде всего учитывал психологию объекта. Психологию супермена, коим тот себя считал. Самомнение было небезосновательным: рост 192 см, атлетическое телосложение, каждое утро забавлялся, как теннисным мячиком, двухпудовой гирей, к тому же владел приёмами карате.

Вылитый Шварценеггер! Уж он-то с полным основанием мог сказать о себе: «Я – здоров, чего скрывать, пятаки могу ломать, я недавно головой быка убил...»

Вместе с тем надо было учесть и моральное состояние Моторина по прибытии в Москву. Каким бы ни был благовидным предлог, под которым его вызвали из заграничной командировки, он всё равно будет оставаться начеку, в каждую секунду будет готов к отражению возможной атаки. У него же, что называется, «все импульсы наружу». Поэтому прежде всего надо было усыпить бдительность объекта, огромного и сильного, как динозавр. Подойди к нему гранадёры, сродни ему, он, учуяв опасность, мог бы свалку устроить, глупостей наделать. А вот этого «Альфа» позволить себе не могла ни при каком раскладе!

Изюминка «съёма» Моторина состояла в том, что к нему должны были приблизиться не Шварценеггеры, а тщедушные прохожие. Разумеется,

только внешне тщедушные.

...Когда Зайцев представил отобранных для «съёма» бойцов своего подразделения одному генералу из руководства Управления «К» (внешняя контрразведка) Первого Дома (Служба внешней разведки), тот возмутился:

– И что, – закричал генерал, указывая пальцем на одного из бойцов, – вот этот мальчишка справится с Моториным-гренадёром?! Да он – культурист, разметаёт вас всех, как котят!

Ещё как справились – пикнуть не успел, как его спеленали!

Принцип бойцов «Альфы»: «Порхать, как бабочка, но жалить, как пчела». Но при этом сначала работает голова, а руки и ноги вступают в бой потом. Но и голова при этом не дремлет.

«Снять» объект – это ещё не всё, это всего лишь начало. Мало провести задержание без шума и без пыли, главное – усадить перевертыша лицом к лицу со следователем ещё до того, как он успеет опомниться и прийти в себя от шока. Лишь в этом случае он без промедления начнёт давать правдивые показания. Вот где профессионализм высшей – четыре девятки – пробы! «Шоковая терапия» – искусство, а не конвульсивное подергивание руками и ногами. Кстати, приёмы «шоковой терапии» до сих пор хранятся в секрете. Оно и понятно: шпионаж, он ведь ещё не упразднен, ну и «съёмы» продолжают...

...Всего с 1985 по 1990 годы под руководством и при непосредственном участии заместителя командира «Альфы» подполковника Владимира Зайцева его отделением были негласно задержаны тринадцать самых матёрых «кротов»* и их операторов – разведчиков ЦРУ, – действовавших с позиций посольства США в Москве...

Знамя команды «Альфа»

По прошествии пятнадцати лет Владимир Зайцев, экс-заместитель командира «Альфы», отвечая на вопросы журналистов, страшно ли было тогда, в Тбилиси, в 1983-м, сказал:

– Страшно было не в самолёте, а под ним... И опять же не за себя, а за жену и моего малыша... Мысли всякие, как они смогут прожить без меня, каким вырастет мой сын без отца?.. Но как только поступила команда «штурм!», все страхи улетучились... А в самолёте... Там была работа, а когда ты занят делом, тебе уже не до страхов, поверьте... Кроме того, есть ещё две категории, нейтрализующие чувство страха: убеждённость в правильности собственных поступков и ответственность за жизни

заложников. Наконец, злость на тех, кто вынуждает тебя рисковать своей жизнью, полностью вытесняет страх...»

Подумав, Зайцев добавил:

– Если позволите, я готов сделать обобщение. Шок, который испытали не выработавшие своего ресурса бойцы «Альфы» после её расформирования, не сравним ни с каким страхом при проведении операции по обезвреживанию террористов... Этот шок я бы назвал «постальфовским синдромом». Представьте себе чувства полных сил, молодых, подготовленных специалистов экстра-класса, которые им довелось испытать, наблюдая по телевизору развитие событий в Приднестровье, в Абхазии, в Чечне... Трезво оценивая моральный и боевой потенциал «Альфы» на тот период, смело могу заявить: наша команда смогла бы без посторонней помощи навести в перечисленных регионах должный порядок. А синдром... Он у моих товарищей, соратников появился из-за не востребоваемости. Мы вдруг перестали быть нужными. И это в такое-то время! Некоторые мои товарищи пытались найти себе применение в горячих точках, в охранных бюро банков и коммерческих структур, даже за границей, натаскивая бойцов спецподразделений иностранных государств – всюду испытывали разочарование... Наша сила – в нашей сплоченности, в сыгранности нашей команды... И хотя каждый «альфовец» – суперфорвард, звезда, но предстать в полном блеске он может лишь в окружении таких же звёзд, соратников из «Альфы»...»

– Так, значит, Владимир Николаевич, пора закапывать в землю ваши знамёна, как это делали древние полководцы при отступлении войск? – раздалось из толпы журналистов.

– Думаю, что вы опережаете события, и время для этого ещё не пришло... Что же касается наших знамён... Да, действительно, знамёна в старые времена закапывали при отступлении, мы же, выжидая, просто отошли в сторону... А знамёна зачехлили... До поры...

Часть седьмая
Дезинформация

Глава первая

Тайны второго фронта

Стратегический блеф и оперативно-тактические уловки – незыблемые принципы военного искусства. Этими «играми» полководцы всех времен и народов забавляются так давно, что придумать нечто новое для сокрытия своих сил и намерений становится всё труднее. А мероприятия дезинформации должны проводиться с предельной осторожностью и тщанием, чтобы вместо введения в заблуждение противника не выдать собственных планов.

Примером таких искусно разработанных, многоходовых комбинаций стал ряд операций, проведенных английскими спецслужбами в ходе Второй мировой войны...

Когда не до шуток...

Лазарь Каганович, будучи членом Военного совета, в 1942 году регулярно посещал передовые части Северо-Кавказского фронта. На вопросы бойцов о вероятной дате открытия второго фронта союзниками – США и Англией, – «железный нарком» неизменно отвечал:

«Все зависит от Уинстона Черчилля. Если бы он был членом ВКП(б), мы с товарищем Сталиным вызвали бы его к себе и сказали: «Либо ты открываешь второй фронт, либо кладёшь партбилет на стол! Ну, а так... Что с ним сделаешь?»

Нарком лукавил, действуя по принципу: «Когда не до шуток, переводи всё в шутку». Однако в каждой шутке – лишь доля шутки. А истина в том, что военно-политическая ситуация после Сталинграда изменилась так круто, что и английский премьер-министр, и американский президент вынуждены были срочно вернуться к плану вторжения в Европу, ибо «в Берлин надо успеть раньше русских!».

«Бодигард» («Телохранитель»)

Более семидесяти лет советская историография всецело зависела от политической целесообразности и была настолько избирательна в своих

привязанностях, что зачастую подвергала забвению крупные военные акции идеологических противников. Как это и случилось с «Бодигард».

«Бодигард» – кодовое наименование общего плана мероприятий по дезинформации противника, разработанного и реализованного союзниками в рамках подготовки к наступлению в континентальной Европе. Другими словами, эти мероприятия были призваны ввести в заблуждение руководство вермахта относительно точной даты, времени, места и деталей вторжения в Южную и Северную Европу.

По твёрдому убеждению Черчилля и Рузвельта (но отнюдь не Сталина), эти мероприятия должны были обеспечить триумфальное открытие второго фронта.

Название общего плана мероприятий разработчики позаимствовали у Уинстона Черчилля, которому принадлежала сакраментальная фраза: *«В условиях войны правда имеет столь высокую цену, что ее необходимо окружить телохранителями лжи.»*

«Bodyguard» по-английски и есть «телохранитель».

Операция «Минсмит» («Мясной фарш»)

Эта уникальная комбинация дезинформации была проведена английскими спецслужбами с целью заставить немецкий генштаб поверить, что наступление войск союзников состоится в середине 1943 года на Балканах.

Согласно замыслу в руки противника должна была «случайно» попасть секретная информация о намерениях англо-американского командования. О том, что уловка удалась, кроме прочего, свидетельствовала и поспешная переброска немцами дополнительных сил в Грецию...

* * *

Специалисты английской морской разведки «подготовили» труп человека, погибшего от переохлаждения. Его облачили в мундир майора Королевской морской пехоты, набив карманы и бумажник денежными купюрами и личными бумагами на имя армейского курьера Уильяма Мартина. К запястью наручниками прикрепили портфель, где среди прочих секретных документов находилось указание английского генерального

штаба фельдмаршалу Александру провести подготовительные мероприятия для поддержки предстоящего вторжения союзников на Сардинию и в Грецию.

«Майора Мартина» обложили сухим льдом, поместили в герметический стальной контейнер и погрузили на британскую подводную лодку «Сераф». У членов экипажа отобрали подписки о неразглашении сведений о маршруте и транспортируемом грузе...

...Рано утром 30 апреля 1943 года подлодка всплыла вблизи городка Уэльва, что на берегу Кадисского залива. Командир Лайонел Р. Джуелл лично вскрыл контейнер, надел на «майора Мартина» спасательный жилет и, зачитав 39-й псалом из библейского Псалтыря, опустил его в приливную волну. Вскоре труп оказался на берегу, именно в том месте, где, по расчётам англичан, его могли обнаружить испанские пограничники...

...Агентам немецких спецслужб, наводнившим Испанию, стало известно, что уэльские рыбаки обнаружили труп какого-то английского офицера.

Англичане обратились в МИД Испании с просьбой вернуть тело офицера, погибшего в результате авиакастрофы и затонувшего в испанских территориальных водах. А чтобы сделать легенду более убедительной, «Таймс» опубликовала заметку о гибели нескольких офицеров, которые на самолёте направлялись в Тунис, но потерпели аварию. Ещё через несколько дней фамилия майора появилась в рубрике боевых потерь.

Тем временем немцы аккуратно вскрыли портфель, перефотографировали его содержимое, после чего официальные испанские представители передали его английским дипломатам.

Когда тело «майора Мартина» и всё, что при нём находилось, передали англичанам, те сразу установили, что портфель вскрывали и документы из него вынимали. Безудержная радость охватила английский генеральный штаб, и в адрес Уинстона Черчилля полетела телеграмма: «Сэр, фарш проглочен!»

Позже начальник генштаба генерал Гастингс Л. Исмей вспоминал:

«Результаты операции «Минсмит» превзошли наши самые оптимистичные ожидания. То, что нам удалось растянуть немецкую оборону по всей протяжённости Европы, а из Сицилии ушли боевые корабли, можно считать великим достижением!»

...План операции, которая не только направила гитлеровцев в ложном направлении, но и помогла сберець тысячи жизней, разработал капитан 1-го ранга английского адмиралтейства Монтагю Юэн Эдвард Сэсюэл. В 1945–1973 гг. он занимал пост главного прокурора ВМС Великобритании. В 1953

году написал книгу «The Man Who Never Was» («Человек, которого не было»), в которой подробно описал все перипетии, связанные с операцией «Минсмит».

* * *

Высадившись в Сицилии, англо-американские войска, вяло постреливая, в течение шести месяцев добирались до Рима. А куда спешить? Ведь каких-то героических акций они все равно не планировали, да и были ли они на них способны?..

Сталин, выступая на пленарном заседании Тегеранской встречи «Большой тройки» (28/XI – 1/XII 1943 г.), так оценил итальянскую кампанию союзников:

«Освобождение Средиземного моря для судоходства, конечно, имеет большое значение. Вместе с тем мы считаем, что дальнейшее продвижение вверх по полуострову не даёт каких-нибудь ощутимых результатов. Ведь Альпы представляют собой почти непреодолимый барьер, как это в свое время установил наш знаменитый соотечественник – полководец Александр Суворов... Вступление Турции в войну, возможно, поможет открыть путь на Балканы, но Балканы расположены далеко от территории собственно Германии, и единственный прямой путь для нанесения удара по ней лежит через Францию и только через Францию...»

Операции «Фортитюд» («Стойкость»)

4 мая 1944 года на военном аэродроме Гибралтара приземлился личный самолет английского премьер-министра. В проёме двери показался высокий седовласый господин. И хотя он был в штатском, вытянувшиеся во фронт солдаты почётного караула сразу узнали в нём фельдмаршала Бернарда Лоу Монтгомери – его фото в последнее время не сходило с первых полос ведущих газет Англии и США...

Впрочем, в появлении фельдмаршала не было ничего удивительного. Вполне возможно, что он прибыл для проведения чрезвычайной инспекции или для того, чтобы лично руководить вторжением союзных войск на континент через Южную Францию, как знать? Удивительно другое: старина Монти, как звезда подиума, выставял себя на всеобщее обозрение, полностью игнорируя элементарные правила конспирации!

Много лет спустя станет известно, что спектакль с визитом английского фельдмаршала был разыгран исключительно для одного зрителя – немецкого шпиона, действовавшего на Гибралтаре. Как и предполагали сотрудники МИ5 (английская контрразведка), тот немедленно доложил своему берлинскому куратору о появлении на гибралтарском опорном пункте высшего офицера английского генштаба.

Визит фельдмаршала подсказал генеральному штабу в Берлине мысль о необходимости продлить дислокацию семнадцати дивизий вермахта в Южной Франции. Ведь неизвестно, какие последствия таит в себе приезд Монтгомери на Гибралтар...

Фельдмаршал Герд фон Рундштедт, командовавший Западным фронтом, был единственным из руководства вермахта, кто расценил появление Монтгомери на Гибралтаре как ловкий трюк. Но даже ему не могла прийти в голову мысль, что под личиной старого вояки скрывался его двойник – капитан Майрих Эдвард Джеймс, начальник финансовой службы Королевских сухопутных войск. Ищейки из МИ5 «вышли» на него, когда он исполнял роль британского полководца XVIII века в спектакле армейского театра. А визит в Гибралтар был всего лишь одним из нескольких обманных манёвров, в которых капитан принял участие. Перед этим он, загримированный фельдмаршалом, побывал в Дувре, то есть вблизи пролива Па-де-Кале. Именно оттуда, по предположениям немецких генералов, и должны были начать наступление англо-американские войска. А так как город буквально кишел немецкими шпионами, не было никаких сомнений, что Берлин будет немедленно уведомлён о визите «Монти»....

Эти спектакли (или два действия грандиозного спектакля?), призванные дезориентировать немецкое верховное командование, получили название операция «Фортитюд-Юг» и «Фортитюд-Север». Обе являлись составными частями общего плана «Бодигард».

* * *

О том, что спланированная спецслужбами союзников оперативная игра удалась, свидетельствует хаотичное распределение немцами своих сил и средств по фронту огромной протяжённости. Достаточно сказать, что десять отборных немецких дивизий без всякой пользы были рассредоточены на юге Франции, на итальянском театре военных действий и даже на побережье Бискайского залива...

...Фельдмаршал Эрвин Роммель по-прежнему ожидал удара из Англии

через Па-де-Кале, преодолеть который для быстроходных торпедных катеров было делом нескольких минут. Для того чтобы укрепить Роммеля в его предположениях, вблизи Дувра были размещены переправочные средства, большое количество танков, автомашин, тягочей и амфибий, изготовленных из... резины. Такую «технику» легко переносили два человека.

Словом, усилиями ограниченного воинского контингента, при помощи нескольких грузовиков и пары компрессоров, с помощью которых надували резиновые муляжи, союзники сумели создать видимость массового сосредоточения войск, готовых к высадке и захвату плацдарма на занятом немцами берегу Па-де-Кале...

...Большую роль в дезинформации играло радио. Немцы придавали огромное значение прослушиванию и перехвату союзнического радиообмена на территории Англии для определения дислокации различных частей. Этим и воспользовались дезинформаторы. Специальные радиоподразделения изображали радиопереговоры частей, якобы готовящихся к осуществлению операции с использованием амфибий. При этом применялись позывные штабов мифических дивизий и армейских корпусов...

...Сотрудники МИ5 перевербовали 240 немецких шпионов, заброшенных в Англию, превратив их в двойных шпионов. После войны в папке секретных документов немецкого адмиралтейства были обнаружены более тысячи агентурных сообщений с указанием времени и места высадки войск союзников: «июль 1944 года, район Па-де-Кале». Не мудрено, что ещё в течение двух недель после начала вторжения союзников через Ла-Манш в Кале оставались девятнадцать (!) немецких дивизий. А всё потому, что руководство вермахта было уверено: главные силы должны вторгнуться именно там, всё остальное – лишь отвлекающий манёвр...

...Английские историки считают, что операции «Минсмит» и «Фортитюд» были самыми грандиозными блефами Второй мировой войны и сыграли важнейшую роль в подготовке и проведении высадки союзных войск в континентальной Европе.

Часть восьмая
Электронный шпионаж

Глава первая

Операция «Бильярдный шар»

Если выявленное количество американских агентов в советских спецслужбах вызывало сильную озабоченность, то объём и изощрённость проводимых Центральным разведывательным управлением технических операций на территории СССР просто обескураживало. И тем не менее, с конца 1970-х ЦРУ приступило к реализации крупномасштабной программы прослушивания наших секретных объектов с использованием высокотехнологичных систем и аппаратуры...

В августе 1981 года от Службы наружного наблюдения во Второй главк (контрразведка Союза) поступило сообщение, что два американских дипломата, покинув посольство рано утром, сумели оторваться от слежки и вернулись лишь поздним вечером. Автомобиль по самую крышу был в грязи – верный признак, что американцы выезжали за город, ведь в Москве было солнечно и сухо. Стало быть, иностранцы выезжали на спецоперацию, но какую?! Председатель КГБ СССР Юрий Андропов поставил задачу начальнику 1-го (американского) отдела – генерал-майору Рэму Красильникову – в кратчайший срок установить объект заинтересованности американцев и свести до минимума урон, который они могли нанести государственной безопасности...

В секторе, где были утеряны дипломаты, контрразведчики проверили все режимные объекты. Добрались и до сверхсекретного коммуникационного центра, который располагался в Красной Пахре, около города Троицк, что в сорока километрах к юго-западу от Москвы. Там сходились линии правительственной и оперативной связи НИИ Министерства обороны, занимавшегося исследованием применения ядерного оружия в космическом пространстве.

* * *

«Троицкий объект» давно, как магнитом, притягивал к себе американские спецслужбы. Однако Красная Пахра находилась в так называемой закрытой зоне, куда доступ иностранцам был категорически запрещён. Так как «пеший вариант» проникновения на объект отпадал, к делу подключилось Национальное управление космической разведки

США. Снимки, сделанные спутниками-шпионами, впечатляли, но никакой информации о деятельности объекта не добавляли. И вдруг на одном из снимков цэрэушники обнаружили любопытную картину: на трассе Москва – Троицк ведутся земляные работы по прокладке телефонных коммуникаций, которые, скорее всего, соединят «Троицкий объект» с Москвой.

Эксперты ЦРУ определили: если в одном из колодцев, коих на трассе великое множество, установить некое портативное устройство, информацию с телефонной линии можно будет снимать бесперебойно! Директор ЦРУ решил, что овчинка выделки стоит, и обратился за помощью к главе АНБ.

Вскоре соответствующий прибор, разработка и изготовление которого обошлись в несколько десятков м и л л и о н о в долларов, был доставлен в Москву, и цэрэушники, «сидевшие под корягой» – действовавшие под дипломатическим прикрытием, – отправились в путь.

* * *

На телефонный кабель, который по халатности производителей работ оказался незащищённым, – чугунные крышки колодцев забыли (!) снабдить специальными заглушками, – лжедипломаты установили индуктивный (не требующий непосредственного подсоединения к проводу) датчик съёма информации.

Датчик был изготовлен в виде двух половинок полого цилиндра и соединён кабелем с электронным блоком, размещённым в металлическом ящике. В этот электронный блок входили магнитофон, включавшийся автоматически при телефонном разговоре, система управления магнитофоном, приёмопередатчик, блок питания, рассчитанный на шесть месяцев непрерывной работы магнитофона. Это «умное» устройство должно было фиксировать только «полезные» для ЦРУ служебные переговоры. Этим процессом руководил встроенный в блок микрокомпьютер со специальной программой. К примеру, магнитофон «игнорировал» телефонные звонки во время обеденного перерыва, а также в субботние и воскресные дни.

Ящик с электронным блоком закапывался в землю недалеко от колодца на глубину около полуметра. На крышке ящика – надпись, исполненная ядовито-красной несмываемой краской: «Убьёт! Высокое напряжение!» Предупреждение было рассчитано на тех, кто случайно наткнётся на ящик,

раскапывая землю у люка. Кроме того, ящик был прикрыт металлической сеткой и обильно обсыпан репеллентом – специальным химическим составом для отпугивания грызунов. На небольшом расстоянии от ящика с электронным блоком в землю закапывалась антенна УКВ, также присоединённая кабелем к блоку. Её предназначение – контролировать работу приборов электронного блока издалека, с расстояния до двух километров.

* * *

В результате тщательных поисков, проведенных сотрудниками различных служб КГБ СССР, наконец в нише, вырытой рядом с колодцем спецсвязи, и был обнаружен пресловутый контейнер. От него к кабелям правительственной связи тянулись провода. Сам контейнер являл собой суперсовременное устройство для перехвата и записи сигналов, проходящих по кабелям телефонной, телетайпной и факсимильной связи. При накоплении определённого объёма информации приёмо-передающее устройство в автоматическом режиме выстреливало её в пролетающий над Москвой американский спутник-шпион, а он, в свою очередь, сбрасывал её, пролетая над штатом Мэриленд, где была расположена штаб-квартира АНБ.

Поскольку источники питания устройства и магнитофонные кассеты кто-то должен был периодически менять, генерал Красильников отдал приказ взять этого (или этих) «некто» с поличным...

* * *

Всё было готово к приёму незваных гостей, и они наконец прибыли. Ими оказались радиоэлектронщики экстра-класса Льюис Томас и Денис МакМэхем, «сидевшие под корягой» – действовавшие под прикрытием – соответственно: атташе службы безопасности посольства и третьего секретаря административно-хозяйственного отдела посольства.

Цэрэушники настолько были ошеломлены и напуганы задержанием, что даже сообщили кодовое наименование операции: «Бильярдный шар».

Во время допросов американцев выяснилось, что оба они дважды в год посещали колодец для изъятия и замены записанных кассет. Делалось это так. Территорию американской дипломатической миссии на улице

Чайковского одновременно на большой скорости покидали с десятков авто с установленными разведчиками за рулём. Уходили «веером» – врассыпную, – чтобы растащить силы наружного наблюдения.

Вслед за этим из ворот посольства с черепашей скоростью выползал малюсенький грузовичок-фургон, за рулём которого сидел Денис МакМэхем и рядом Томас, оба одетые туристами.

Выбравшись из города, грузовичок обретал немислимую прыть – на нём был установлен мотор гоночной машины. В сотне метров от колодца «туристы» покидали фургон и с рюкзаками за плечами, посыпая следы спецпорошком, чтобы сбить со следа служебно-розыскных собак, добирались до заветного пункта назначения. С помощью гидравлических инструментов открывали люк и поочерёдно забирались в колодец. Всё, «Бильярдный шар» в лузе!

АНБ (NSA) – «Агентство Не Болтай!»

Самая многочисленная, но и самая секретная американская спецслужба, о которой на Западе давно слагаются легенды. В США шутники расшифровывают аббревиатуру NSA как «No Such Agency», то есть «Нет такого агентства», или «Never Say Anything», то есть «Никогда и ничего не говори». Остро-слова из Оперативно-технического управления КГБ название АНБ расшифровали как «Агентство **Не Болтай!**»

Штаб-квартира АНБ находится в форте Мид, штат Мэриленд, примерно на полпути между Вашингтоном и Балтимором. Оттуда исходит управление всей глобальной прослушивающей сетью АНБ, на вооружении которой спутники, авиация, корабли и наземные станции перехвата. Они полностью контролируют радиоэфир, телефонные линии, компьютерные и модемные системы, а также систематизируют и анализируют излучения факсовых аппаратов и сигналы, исходящие от радаров и установок наведения ракет (!) **на всём земном шаре.**

В мэрилендских структурах АНБ работает более 20 тысяч человек, что делает эту организацию крупнейшим государственным работодателем. Около 100 тысяч человек – в основном, военнослужащие – трудятся на базах и станциях АНБ по всему миру. Всем своим сотрудникам на вопросы, где они работают, администрация АНБ рекомендует отвечать: «в Министерстве обороны».

АНБ имеет дело с невероятно огромным притоком информации. По оценкам экспертов Агентства, если исходить из того, что в фондах

библиотеки Конгресса США насчитывается около 1 квадриллиона бит информации, то, используя технологии, которыми располагает АНБ, можно каждые три часа полностью заполнять эти фонды.

Хотя АНБ хранит свои достижения в строжайшей тайне, кое-что порой всё же просачивается в прессу. Так, в 1980 году «Вашингтон Пост», ссылаясь на сведения, полученные от анонимного сотрудника АНБ, опубликовала беседу Генерального секретаря ЦК КПСС Леонида Брежнева с председателем Совета Министров СССР Алексеем Косыгиным, которую они вели по радиотелефону из своих «ЗиЛов» на пути к правительственным дачам; в 1988 году – информацию, приведшую к установлению личности ливийцев, причастных к взрыву бомбы в самолёте «Пан-Америкэн» в небе над Шотландией, в результате чего погибли 270 человек; в 1994 году – репортаж, как с помощью «жучков», установленных техниками Агентства, удалось определить местонахождение колумбийского наркобарона Пабло Эскобара, убитого колумбийской службой безопасности в 1993 году.

Сегодня с помощью аппаратуры, установленной на крыше здания американской дипломатической миссии на Садовом кольце, эксперты АНБ могут слушать все переговоры, которые ведут члены правительства Москвы со своих стационарных телефонов...

Глава вторая

«Нос» кубанского Кулибина

Ну скажите, кто из нас, увидев в магазине бытовую новинку, станет выяснять, кто её изобрёл? Мы настолько привыкли ко всякого рода техническим новшествам, которые существенно облегчают нам жизнь, что не задумываемся об истории их появления. А зря! Порой она оказывается занимательнее иного триллера. Возьмём тот же АОН – автоматический определитель номера. Вот уж вещь с прошлым! Знаю не понаслышке, ибо создал этот прибор мой друг детства Семён Гендлер еще в 1976 году. «Жизнь» этого поистине сенсационного изобретения у всех на виду – без него мы уже не можем обойтись и дня. А вот изобретатель за своё открытие чуть не поплатился свободой...

«Смертоносный прикамбас»

19 ноября 1976 года в Комитете ВЛКСМ Краснодарского политехнического института творилось невообразимое столпотворение. И было из-за чего! Из Управления КГБ по Краснодарскому краю поступило строжайшее указание «разобрать на общем собрании института поведение комсомольца Семёна Мееровича Гендлера, вступившего из меркантильных побуждений в преступную связь с сотрудником посольства США в Москве и пытавшегося продать ему своё изобретение – телефон».

Чем, собственно, отличался от своих собратьев изготовленный Гендлером телефон и какой ущерб обороноспособности СССР мог он нанести, попади в руки американцев, краснодарские гэбэшники объяснить руководству не удосужились. Поэтому институт полнился самыми невероятными слухами.

Некоторые студенты-фантазёры договорились даже до того, что Гендлер изобрел такой телефонный аппарат, который с помощью лазерной приставки способен посылать смертоносные импульсы. Изобретатель якобы намерен был лишить жизни всю краснодарскую краевую партноменклатуру. А патологоанатомы при этом сошли бы с ума, теряясь в догадках о причине смерти сановных чиновников!

Недоброжелатели Семёна пошли ещё дальше: их сокурсник, мол, по заданию американской разведки должен был известить не только руководство

края, но и уничтожить всё горячо любимое советским народом Политбюро! А что? Сказал же поэт Игорь Губерман: «Вожди дороже нам вдвойне, когда они уже в с т е н е!» Денег у ЦРУ – куры не клюют, а Сенька, всем известно, из долгов не вылезает. Вот и купили американцы парня, сделав из него государственного преступника. К тому же он, во-первых, фанат западной поп-музыки, а во-вторых – ужас подумать! – занимается коллекционированием пустых бутылок из-под виски!

«Охотник за головами»

Семён ещё на первом курсе института стал искать среди студентов и преподавателей единомышленников, которых можно заразить своими идеями. А было их у него превеликое множество. У всех, к кому обращался Гендлер со своими предложениями, сложилось о нём впечатление как о человеке не от мира сего. Это в лучшем случае. Некоторые шарахались от него, считая, что у парня попросту «крыша поехала». Однако в планы «краснодарского кулибина» совсем не входило создание второй Останкинской башни, атомохода «Ленин» или аппарата для полёта на Марс. Он задался целью усовершенствовать детище американца Александра Белла, который в 1876 году изготовил и запатентовал пригодный к использованию телефонный аппарат.

И вот неутолимый изобретательский зуд «направил» Семёна в Москву. Во время зимних каникул, в феврале 1976 года, студент из Краснодара посетил американскую выставку «Средства связи США». Там-то на совсем юного и неискушённого Гендлера свалилась «Божья благодать» во плоти руководителя стенда телефонных аппаратов Грига Стефаноффа. Впрочем, эта работа была его официальным прикрытием. На самом деле кадровый офицер ЦРУ прибыл в СССР по линии технической разведки.

Отменный психолог, к тому же прекрасно владевший русским языком, Стефанофф сразу обратил внимание на тщедушного мальчишку-очкарика, который каждый день выстаивал двух-трехчасовую очередь, чтобы попасть на выставку, и покидал её с закрытием, волоча под мышкой кипу красочных проспектов.

Следуя требованиям конспирации, встречаться с Гендлером за пределами выставки Стефанофф не стал – пригласил паренька как обычного посетителя в свой малюсенький кабинет за стендом и там провёл прикидочную беседу.

Как истинный профессионал этот «охотник за головами» интуитивно

почувствовал в стеснительном провинциале мощный интеллектуальный потенциал и умение добиваться цели. «У парня явно большое будущее, – решил Стефанофф, – но первому встречному иностранцу своих тайн он раскрывать не намерен».

В разговоре с разведчиком Семён ограничился замечанием, что его способ усовершенствовать телефонный аппарат произведёт фурор в мире техники, а само новшество может иметь неограниченные возможности, в том числе может быть использовано и в военных целях.

Таинственность очкарика вполне устраивала американца – значит, его не трудно будет обучить конспирации. Плохо другое – мальчишка издалека, поэтому могут возникнуть трудности в поддержании с ним связи – ведь КГБ ещё никто не упразднял...

– Скажите, Семён, – вложив максимум теплоты в свой голос, – обратился Стефанофф к собеседнику, – в вашем городе, там, где вы живёте и учитесь, есть большая библиотека?

– Разумеется, это – Пушкинская библиотека... Но должен вас разочаровать: всю техническую литературу я там уже давно проработал от корки до корки. Так что испытываю жесточайший дефицит в информации, касающейся телефонных аппаратов. Тех буклетов, что я набрал на вашей выставке, мне хватит от силы месяца на два...

– А вы что, свободно владеете английским?

– Да, но если в буклетах я ничего не найду, не знаю, что и делать дальше! Я ведь на поездку потратил очень много денег, даже в долг взял, чтобы купить билет в Москву и обратно... Кроме того, потерял уйму времени... – На буклеты можете не возлагать особых надежд, – скептически заметил Стефанофф, – это просто рекламная продукция. Может быть, поступим по-другому?

– Как?

– Ну, скажем, я буду присылать интересующую вас литературу из Штатов...

– Что вы, что вы! – замахал руками Гендлер. – Об этом и речи быть не может! Начни я получать техническую литературу из-за рубежа на домашний адрес, да ещё и на англ-ийском – сразу попаду под «колпак» КГБ... Тогда на моём изобретении можно поставить крест... Нет-нет, этот вариант отпадает!

Стефаноффу реакция очкарика на сделанное предложение пришлась по душе – парень точно не «подстава» КГБ, и на выставку пришёл по собственной инициативе как технарь-фанатик.

– Выход есть! – воскликнул Стефанофф, дружески похлопав Семёна по плечу. – Слушайте внимательно, сейчас мы с вами всё разложим по полочкам. Раз в неделю на адрес Пушкинской библиотеки вам будет приходить почтовая бандероль с интересующей вас технической литературой. Конечно же, служащие библиотеки о прибывающих к ним бандеролях из-за рубежа докладывают в КГБ. Поэтому, чтобы не привлекать их внимание, бандероли будут приходить не из-за границы, а непосредственно из СССР – Москвы, Ленинграда, Киева или Минска. Кстати, свою фамилию в библиотечном членском билете вам надо будет изменить – станете, к примеру, Генделяном, ясно? Насколько мне известно, в Краснодаре каждый пятый житель – армянин... Это обезопасит вас, хотя бы на время, от пристального внимания местного гэбэ. И пока оно, сбившись с ног, будет разыскивать по всему Краснодарскому краю гражданина Генделяна, вы успеете закончить работу над своим изобретением. А победителей, как известно, не судят... Так что времени у вас будет предостаточно! Главное – не терять оптимизма и невзирая ни на что двигаться к поставленной цели... Цель у вас святая, поэтому – вперёд!

Заметив растерянность на лице собеседника, Стефанофф добавил:

– Думаю, что не обижу вас, если выдам вам аванс на изыскательские работы. Одну тысячу рублей...

Не дожидаясь ответа, американец быстро сунул клубок ассигнаций в карман Семёну, дружески похлопал по плечу.

– Видите, Семён, я у вас даже расписки в получении денег не беру... Да, чуть не забыл! – Стефанофф театрально хлопнул себя ладонью по лбу.

– Единственное моё пожелание, или условие – назовите, как хотите, – это не принципиально: я должен п е р в ы м увидеть в работе ваш телефон, договорились? Для этого вы позвоните в Москву с междугородней станции и скажите условную фразу: «У сестры заболел мальчик – мне срочно нужны лекарства». Назовёте день вылета и номер рейса. Об остальном я позабочусь сам, идёт?

– Идёт, – промямлил Гендлер, смущённый натиском американца.

«Хранители идей»

Ближайшие полгода Гендлер исправно получал бандероли с

американской технической литературой, благодаря чему сумел в кратчайшие сроки материализовать свою идею...

Своими успехами он, как всякий первооткрыватель, ищущий признания, не мог не похвастать перед друзьями. Он даже продемонстрировал им, как действует созданный им аппарат.

– Я и название ему придумал: «НОС» – Номер Определяет Семён...

Всех присутствовавших охватил неопишуемый восторг.

– Сенька, да ты – гений! Александр Белл тебе и в подмастерья не годится! Ты даже не отдаёшь себе отчёта, что произвёл настоящий переворот в телефонной системе связи! Тебе надо немедленно лететь в Москву, чтобы запатентовать изобретение... Немедленно! И денег на дорогу мы тебе дадим... Лети завтра же!

– Да, очевидно, так и придётся сделать, – ответил Гендлер, – а у самого перед глазами возник образ Грига Стефаноффа и данное ему обещание. – Завтра и полечу... Только вот один звонок в Москву сделаю...

– К чему какие-то звонки? Лети так! И прямо с самолёта – в ВОИР (Всесоюзное общество изобретателей и рационализаторов), там тебя поймут и оценят...

– Нет, ребята я так не могу. Я связан словом с человеком, который стоял у истоков моего изобретения. Можно сказать, что именно благодаря его помощи я и создал свой аппарат...

После этого Семёну ничего не оставалось, как рассказать друзьям историю знакомства с Григом Стефаноффым, сообщить о конспиративном способе получения от него технической литературы и данном обещании первым ознакомить с результатами своей работы.

Друзья были единодушны в своём вердикте:

– Ты, Сенька, в благородство играешь, а ведь есть ещё и КГБ, который уж никак не оценит твоих творческих порывов, а попросту отберёт аппарат да ещё, не дай бог, и статью пришлёт за связь с иностранцем... Впрочем, изобретение твоё, поэтому поступай, как знаешь, как велит тебе совесть... Но слетать в Москву и посетить ВОИР ты обязан... С богом!

Назавтра Семён, конечно же, никуда не улетел, а оказался на нарах специологатора краснодарского Управления КГБ. Но для родителей и окружающих он находился в столице.

Впрочем, в Белокаменную Гендлер всё-таки попал. Под охраной двух дюжих гэбэшников. В Краснодаре какой-то светлой голове удалось сложить два и два и убедить руководство центрального аппарата КГБ СССР в целесообразности использования против американцев изобретения краснодарского паренька.

На некоторое время Семёна даже прикомандировали к 12-му Отделу КГБ («прослушка» телефонов), а его изобретением занялась целая бригада технарей, которым понадобилось совсем немного времени, чтобы понять, какие преимущества и перспективы сулило открытие Гендлера. Речь, прежде всего, шла о колоссальной экономии сил и средств. Представьте: вам ежедневно в течение 24 часов в сутки надо прослушивать около тысячи телефонов, установленных в рабочих кабинетах посольства США в Москве и на квартирах американских дипломатов. Значит, круглосуточно приходится держать на привязи более трёх тысяч «слухачей» (рабочий день у них – восемь часов). Более того, ещё нужна целая армия сыщиков, которые после поступления звонка на аппарат абонента – американского дипломата – занялись бы выяснением личности звонившего...

Теперь же, используя аппарат Гендлера, всё становилось до примитивности просто: десять сотрудников в смену обслуживали сотню телефонных аппаратов, снабжённых автоматическим определителем номера, и только и делали, что фиксировали в журналах номера телефонов, откуда поступали звонки. Причём аппарат Гендлера был способен устанавливать и номер телефонной будки, и даже из какого города поступил звонок. Чудеса, да и только...

Разумеется, в Комитете госбезопасности моментально засекретили изобретение Гендлера – хранить чужие идеи там умеют отменно, – а в Краснодар отправили депешу, предписывающую изъять у «кубанского кулибина» всю техническую документацию по АОН, а его самого подвергнуть инквизиционной «профилактике» на комсомольском собрании, дабы другим неповадно было вступать в несанкционированные контакты с иностранцами...

Что «показало» время

В один прекрасный день заместитель американского посла в Москве вызвал к себе коменданта здания посольства и всех строений, являвшихся собственностью Соединённых Штатов в советской столице, и вручил ему список номеров телефонов, которые с того утра начали работать в американской дипмиссии.

– А как же старые? – поинтересовался комендант.

– Ричард, о старых можете забыть. Советы их попросту отключили... Взамен они предлагают нам пользоваться теми, которые указаны в списке...

– А как же?.. – комендант запнулся не в силах выговорить слово «резидентура».

– Послушайте, Ричард! Не задавайте вопросов, на которые вам не даст ответа сам Господь Бог... Судя по всему, русские придумали какой-то технический трюк или реализуют против нас более изощрённую операцию, как знать... Время покажет, ступайте!

И время «показало»: в течение шести месяцев Комитету госбезопасности с помощью аппарата Гендлера удалось выявить и установить более пятидесяти «доброжелателей» из числа москвичей и иногородних, регулярно информировавших американцев о всякого рода ЧП, происходивших на советских промышленных предприятиях, объектах транспорта и связи. Поставляемые ими сведения использовались в передачах радиостанций «Голос Америки», «Радио Свобода», «Голос Израиля», «Немецкая волна» и других «вражьих голосов».

Вместе с тем основная цель, для которой использовалось гендлеровское изобретение, так и не была достигнута – в сети КГБ не попал ни один агент противника. Американцы слишком дорожили агентурой из числа советских граждан, чтобы давать им номера своих рабочих телефонов или квартир. Для этого они использовали другие способы связи, в частности, тайники и личные встречи...

В конце 1970-х телефоны, снабжённые АОН, имели все члены ЦК КПСС и руководящий состав КГБ СССР.

А как же Семён Гендлер? Его так и не восстановили в институте. С началом перестройки он стал «бойцом кооперативного движения», а затем, перебравшись на постоянное жительство в США, занялся разработкой компьютерных программ. Преуспевает...

Часть девятая
Комплекс Герострата

Глава первая

Коллеги и соперники

Послевоенная Вена – охотничье угодие для «охотников за головами» – вербовщиков – всех разведок мира, за исключением Японии и Китая. Желающих открыть рот на чужие секреты было предостаточно: от набирающей силу БНД, западногерманской секретной службы, до английской СИС, американского ЦРУ и наших КГБ и ГРУ. Секретов на европейском рынке тоже хватало, хотя наиболее высоко котировались советские.

Резиденты ЦРУ и западноевропейских спецслужб сообща занимались шпионским промыслом, негласно, но по-джентльменски проводя разделение труда – кто-то похищал, а кто-то покупал добытую информацию. Кто-то вербовал, а кто-то проверял кандидатов на вербовку на конкретных заданиях. Бывали, разумеется, накладки, были обделённые и призёры, но серьёзных конфликтов в этой тайной когорте единомышленников удавалось избегать всегда.

Несколько по-иному – странное дело! – складывались отношения сотрудников ГРУ (военная разведка) и КГБ (разведка политическая).

Их резидентуры располагались в здании советского посольства в Вене. Помещения, в которых сидели чекисты в описываемый период, ещё не были экранированы, то есть защищены от прослушивания и подглядывания, – это когда при необходимости врубается дополнительная охранная система: железные листы между стен начинают вибрировать от пропускаемого через них электрического тока и никакое вражье ухо не расслышит ни одного, даже самого маленького секрета.

Между упомянутыми советскими спецслужбами не существовало, впрочем, не существует и по сей день никакого коллегиального взаимодействия. Каждый тянет лямку на своём рабочем месте и только в компании коллег из своей «конторы». Да и по жизни «погоны» – КГБ и «сапоги» – ГРУ не особенно ладят между собой, предпочитая общаться исключительно по ведомственному признаку.

Стоит добавить, что «чистые» дипломаты, то есть не связанные со спецслужбами, в массе своей стараются вообще держаться подальше от разведчиков – не ровен час, и на них падёт подозрение в шпионаже. А кому охота вылететь из страны пребывания досрочно и со скандалом?!

...Военных разведчиков всегда отличала ничем неистребимая

выправка, вопиюще диссонирующая с их дипломатическим статусом, стрижки «полубокс», стойкий запах дешёвого мужского одеколona «Шипр» и говорок, подхваченный за время службы в таёжных гарнизонах Забайкалья или в песках Средней Азии.

«Сапоги» в глубине души считали сотрудников КГБ гражданскими «штафирками», которых надо бы строить и строжить: «Упал, отжался и ать-два!»

В свою очередь «погоны» величали соседей солдафонами, у которых одно на уме: «сапоги надо чистить с вечера, чтобы с утра надевать их на свежую голову».

Восхищение «погонов» вызывала только одна особенность военных разведчиков: гэрэушники могут перепить любого чекиста из политической разведки, ибо им «что водка, что пулемёт – всё едино, лишь бы с ног валило».

Парни из КГБ – народ компанейский, поднаторевший в столичной жизни.

Гэрэушники – молчуны, смиренно-философски относящиеся к тому, что завтра, после «загранки», начальство может забросить их в самый дальний медвежий угол.

...«Погоны» всегда с чувством превосходства относились к своим военным коллегам, и это их, конечно, раздражало. Превосходство это имело в своём основании более высокий уровень общей культуры и специальной подготовки, потому что сотрудники внешней разведки КГБ всегда набирались из выпускников гражданских, в большинстве своём, престижных столичных вузов, куда не просто попасть из-за высоких конкурсов.

Военные же разведчики, хотя и заканчивают высшие, но всё-таки военные учебные заведения, в которые, будем откровенны, стремится не самая способная и хорошо подготовленная часть молодёжи.

Но и это ещё не всё. Прежде чем попасть в Службу внешней разведки, гражданские специалисты проходят жёсткий многоступенчатый отбор и всестороннюю проверку, а в Военно-дипломатическую академию офицеров направляют из военных округов по разнарядке, и, чтобы поступить туда, совсем не обязательно быть блестящим командиром. Достаточно ладить с начальством или иметь влиятельных покровителей в генеральском корпусе Министерства обороны.

Но всё это – так, бытовые мелочи. Были (и есть до сих пор!) гораздо более существенные поводы для того, чтобы кагэбэшники и гэрэушники относились друг к другу с предубеждением, поскольку и по сей день

существует одна деликатная сфера деятельности, являющаяся исключительно прерогативой резидентур КГБ, которая обеспечивает им доминирующее положение в любой советской колонии за рубежом.

Сфера эта – обеспечение безопасности находящихся в стране пребывания учреждений и граждан, в том числе и военных разведчиков.

Эта ответственная, неблагодарная и чрезвычайно конфликтная по своей сути сторона деятельности закордонных резидентур КГБ всегда была причиной того, что все, кто сам не имел к ней непосредственного отношения, испытывали дискомфорт, а чаще – страх от сознания того, что есть люди, контролирующие каждый сделанный тобой шаг и оценивающие его с точки зрения соответствия интересам Системы. Люди, которые контролируют твоё поведение не только с помощью собственных глаз, ушей и аналитических способностей, не только с помощью разветвлённой агентурной сети, но – что ужаснее всего – с использованием возможностей контрразведки противника!

Каким могло быть отношение дипломатов и военных разведчиков к сотрудникам КГБ, если последние собирали на них компрометирующий материал и аккуратно накапливали его в своих «досье», от содержания которых зависела и служебная карьера, и семейное благополучие, а возможно, и жизнь подконтрольного контингента?!

В то же время военная разведка всегда гордилась тем, что стояла в стороне от сыскных дел. Возможно, поэтому её авторитет у неискущённых советских обывателей до сих пор котируется выше авторитета КГБ...

* * *

Каждое утро, ровно к 9 часам, чекисты подтягиваются на работу. Причем как те, кто «сидит под корягой» – работает под дипломатическим прикрытием, – так и те, кто трудился под «крышей» других организаций. Абсурд? Но так было принято в наших закордонных резидентурах КГБ и ГРУ.

Контрразведка противника всегда знала, кто служивый, а кто «чистый» дипломат. Хотя истории известны случаи, когда заодно с чекистами из страны пребывания выпроваживали и огульно обвинённых в шпионаже чиновников дипломатического ведомства.

Напрашивается вопрос: если противник без труда ориентируется в профессиональной принадлежности сотрудников советской дипломатической миссии, то почему бы не вышвырнуть из страны всех

шпионов скопом? На то есть несколько причин.

Во-первых, противника лучше знать в лицо, уже распознав его почерк и повадки, а с новичком, которого пришлют на смену, ещё надо разобраться.

Во-вторых, пострадавшая сторона немедленно примет адекватные ответные меры – «око за око, зуб за зуб». И ещё неизвестно, кто больше пострадает.

Когда, к примеру, в 1981 году, во время президентства Франсуа Миттерана из Франции были выдворены 48 наших дипломатов, обвинённых в шпионаже, столько же сотрудников французского посольства в Москве покинули СССР. Деятельность французской дипмиссии надолго была парализована: посол остался наедине с личным поваром и шофёром! Ну и кто выиграл этот дипломатический демарш?

* * *

Резидентура, что ГРУ, что КГБ, на профессиональном аргю – «подлодка» – набита специалистами самого разного профиля, причём их число было больше, чем количество всех остальных сотрудников советских учреждений и организаций в стране пребывания, вместе взятых.

Наиболее халявная работа достаётся тем, кто перелопачивает местные газеты и журналы: почитывай их в своё удовольствие и лови крупички информации. Или делай обзоры публикаций, что ещё проще. Это – «обработчики», которые звёзд с неба, кроме как на погоны, не хватают.

Сложные задачи стоят перед «добытчиками». Их кормят ноги и связи: дипломатические приёмы и рауты, презентации, выставки – это их стихия. Кроме того, на них висят «контакты», то есть взаимодействие с уже прирученными источниками, агентами и осведомителями.

Работу обеих спецслужб возглавляют резиденты, которых на профессиональном жаргоне называют «резаками». Они обладают правом шифрпереписки с Москвой. Причем резиденты вовсе не обязаны ставить в известность посла о сути передаваемых сообщений – это вопрос только их доброй воли и хороших отношений с главой советской дипломатической миссии. В тех посольствах, где дружба не задалась, у главы дипкорпуса всегда имеется повод для тревоги: а вдруг оперативники накопают и передадут в своё ведомство нечто такое, за что МИД врежет послу так – до конца дней своих останешься «невыездным»!

...Представительские расходы в разведке называются оперативными.

Без них не обойтись – кто из иностранцев не любит поесть-попить задарма?

Кстати, бюджеты резидентур КГБ и ГРУ просто несопоставимы с мизерными бюджетами посольства или торгпредства. Кроме того, они в любой момент могли быть пополнены новыми крупными ассигнованиями из государственной казны, если в том возникала реальная потребность. Стоило резиденту лишь запросить энную сумму на подкуп какого-либо влиятельного должностного лица или на приобретение важной секретной информации, как необходимые средства безотлагательно оказывались в распоряжении резидентуры.

Деньги всегда выдаёт резидент, дотошно расспросив оперработника, где и с кем он собирается встретиться, в какую сумму предполагает уложиться и что намерен «принести в клювике».

После проведенной встречи с объектом заинтересованности сотрудник, её проведший, составляет служебный отчёт и прикладывает чек того заведения, где проходили оперативные посиделки.

...Зарплата наших чекистов всегда приравнивалась к окладам дипломатов. То есть если оперработник числится первым секретарём посольства, то и платят ему согласно его «крыше». За выслугу лет, звание, риск и за другие «накрутки» деньги выплачиваются только на Родине, хотя бойцы невидимого фронта в странах с повышенной разведативностью испытывают значительно больше неудобств, нежели «чистые» дипломаты.

...Прослушка, просветка и «наружка» всегда осложняли жизнь нашим разведчикам и членам их семей. Удалось оторваться от «хвоста»? – сразу же покорёжат машину, чтобы не наглел. Или найдут способ по своим каналам «капнуть» прямо резиденту, что его подчинённый, мол, неумеренно «квасит» по выходным, а в рабочее время шляется с женой по магазинам.

Этими «шуточками» всегда грешили «топтуны» из ФБР, самые капризные филеры из всех закордонных спецслужб. За примерами далеко ходить не надо.

Допустим, известно, что в два – три часа дня у них должна состояться пересменка. И надо дать им это спокойно сделать, ибо уже за час до передачи «эстафеты» другим бригадам наружного наблюдения они пребывают в расслабленном состоянии, когда нет сил и желания за кем-то гнаться да и вообще напрягаться. Упаси бог пропасть в этот момент! В лучшем случае поутру наш разведчик обнаружит разбитые фары у своей машины, в худшем – скрутят крепёжный болтик на одном из передних колёс, и на скорости в 70–80 км/час ты улетишь в тартарары...

...Только отдельные представители элиты советской разведки за границей предпочитают употреблять виски и прочее иностранное пойло. Да и то чаще всего потому, что «косят» под своих западных коллег.

Рядовой разведчик регулярно пьёт за границей виски только ввиду безысходности: спиртные напитки он покупает по дипвыписке, что дешевле, чем в местных магазинах, а водку заказывает по дипкарточке реже и в меньших количествах, чем джин или виски. Приобретённая же в в посольской лавке водочка обычно бережно хранится у него дома, дожидаясь визитёров из числа иностранцев или наступления Рождества, когда принято одаривать, а скорее о п а и в а т ь нужных и полезных знакомых...

...Ни одна разведка в мире, по вполне понятным причинам, никогда не одобряла разводов своих сотрудников. И раньше, и сегодня все без исключения чекисты выезжают за границу, только будучи женатыми, хотя жена может и не сопровождать разведчика в краткосрочной командировке. Если планируемое пребывание разведчика за границей превышает шесть месяцев, то присутствие рядом его супруги обязательно. Впрочем, нет правил без исключений, особенно когда речь идёт о стажёрах...

Глава вторая

«Человек-авария» в резидентуре

Вена. 31 декабря 1952 года. Новогодний приём в советском посольстве.

Передвигаясь по залу между степенными дипломатами и торопливо снующими официантами, стараясь не попасть на глаза резиденту, Петр с ненавистью рассматривал возвышавшиеся на столе горы салатов из крабов, красной и черной икры, ломтей осетрины, лосося и других разносолов.

Седые макушки «Московской» терялись в гуще черносургучных головок «Киндзмараули», «Хванчкары» и «Мукузани» – в послевоенные годы считалось хорошим тоном подавать вина, на которых, по замыслу организаторов приёмов, был настоян победоносный дар Генералиссимуса.

Изобилием экзотической снеди и грузинских вин советские дипломаты под флагом традиционного русского хлебосолюшества должны были упоить и накормить коллег из приоритетных государств.

Это был второй дипломатический приём в заграничной жизни сотрудника Главного разведывательного управления Генштаба Вооружённых Сил СССР подполковника Петра Семёновича Попова, прибывшего в венскую резидентуру ГРУ на стажировку. Первый состоялся в ноябре 1952 года по случаю 35-ой годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. Тогда у Попова впервые возникло острое чувство мести в адрес своих преуспевающих коллег.

Сегодня вечером он наконец осмыслил глубину пропасти, пролежавшей между ним, экс-фронтовиком, и этими лощёнными крысами, отъевшимися в тыловых норах, укрывшимися за спинами своих влиятельных папиков...

* * *

С раннего детства Пётр был маниакально озлоблен на окружающий его мир и, как всякий хронический неудачник, патологически завистлив.

Новичок в разведке, Попов попал в ГРУ благодаря высокой протекции генерал-полковника Ивана Серова, у которого во время войны состоял порученцем и по совместительству собутыльником.

Он не обладал ни чутьём, ни воображением, необходимыми

оперативному сотруднику. Единственным и последним его достоинством было то, что он уцелел под бомбами и снарядами на фронтах Великой Отечественной.

Неравенство Попова с остальными офицерами резидентуры усиливалось его слабой профессиональной подготовкой, поверхностным знанием немецкого языка, особенностей национальной культуры и психологии граждан страны пребывания, усугублялось отсутствием у него гибкости ума, чувства юмора, завышенной оценкой собственной личности, упрямством, граничащим с твердолобостью.

Речь Попова была косноязычна и безграмотна, манеры жуткие – мог влезть в любой разговор, перебивая беседующих и только что не расталкивая их руками. По телефону обычно орал. Орать вообще любил, ссылаясь на то, что это – «фронтная привычка». Мгновенно тишал и полностью менялся в присутствии любого начальства.

В каждой критической реплике в свой адрес Попов подозревал намёк на своё крестьянское происхождение, маленький рост и невзрачную внешность, недостаток светского лоска, привычного в кругу его сослуживцев.

Неуютно чувствовал себя на людях, будь то оперативные совещания, партийные собрания, а тем более дипломатические рауты.

Будучи направлен на стажировку в венскую резидентуру, Пётр с самого начала решил вести себя как герой-фронтовик, свысока вззирающий на не нюхавших пороха и крови сослуживцев, но всё перевернуло мини-ЧП, в которое он попал в первый же день появления в резидентуре. Дремлющий в нём комплекс ущербности оголился и стал кровоточащей раной...

* * *

После того как начальник советской военной разведки в Австрии представил его оперативному составу резидентуры, Попов отправился знакомиться с зданием посольства. Пройдя несколько коридоров, он вдруг почувствовал позывы опорожниться.

Первый обнаруженный им туалет был закрыт на ремонт. Стараясь не скидывать резко ноги, Пётр спустился этажом ниже. Вождеденный оазис – туалетные комнаты – были обнаружены со второй попытки. С остекленевшими от напряжения глазами он дёрнул ручку первой двери. Заперто. Толкнул вторую. Заперто! Кровь застучала в висках, лоб покрылся

испаринной. Не отрывая подошвы башмаков от пола, чтобы не оскандалиться в английской шерсти костюм, надетый по случаю вступления в должность, бедняга прошаркал к третьей двери.

Будучи абсолютно уверен, что уж третья-то кабина свободна, Попов с силой метателя молота рванул на себя ручку заветной двери...

...Как известно, в посещаемых советскими служащими туалетах, независимо от того, являются они внутрироссийским достоянием или расположены в наших зарубежных представительствах, по загадочной причине сломаны либо вовсе отсутствуют внутренние запоры.

Это отнюдь не значит, что наши граждане разбирают щеколды на сувениры. Как, впрочем, и то, что некие сверхбдительные завхозы-пуритане специально ломают замки в целях воспрепятствовать гомосексуальным контактам в туалетах. Всё, разумеется, много проще и объясняется лишь халатным отношением к своим служебным обязанностям хозяйственников. Именно они и повинны в том, что произошло с Поповым...

...Итак, Пётр рванул на себя ручку двери, и из кабины, забористо матерясь, к его ногам выпал... резидент, который в «позе орла» только что успел угнездиться на пожелтевшем унитазе.

Глава советской военной разведки в Австрии, охраняя своё «священнодействие» от возможного вторжения страждущих посетителей, придерживал дверь за внутреннюю ручку, как вдруг «нечистая сила» в облике его подчинённого заставила его оказаться на кафельном полу сортира.

Путаясь в подтяжках, генерал силился подняться. Попов резко наклонился, чтобы помочь «товарищу по несчастью» – как-никак начальник!

И тут с Петром приключился приступ «медвежьей болезни». Прощай новенький английской шерсти костюм!

Генерал и подполковник, стоя на корточках, в упор смотрели друг на друга. В глазах одного застыли злоба и недоумение, другого – мольба Муму перед утоплением...

...На три часа отряд военных разведчиков СССР в Австрии был выведен из строя.

Обрастая подробностями и домыслами, сортирное ЧП, вернее рассказ о нём очевидцев, начал кочевать по кабинетам советской дипломатической миссии. Вирус смеха распространялся из кабинета в кабинет с молниеносной быстротой, достигнув наконец стана представителей конкурирующей синекуры – разведки КГБ...

С тех пор за подполковником Поповым в среде разведчиков навсегда

закрепилась кличка «Человек-авария», а сам он стал «мальчиком для бития» – идеальной фигурой для постоянных насмешек.

Узнав об этом, носитель этих званий ещё более замкнулся, а в общении с коллегами держался озлобленным особняком...

Глава третья

«Охотник за головами»

Джордж Кайзвальтер походил на крупную лохматую овчарку. Это был самоуверенный человек, не признававший авторитетов, оперативный сотрудник от Бога с острым аналитическим умом.

При всей своей амбициозности Кайзвальтер был начисто лишен карьерной алчности, потому что в глубине души понимал: «клубная» атмосфера, царившая в ЦРУ, не позволит ему выдвинуться на руководящую должность, и он навсегда останется аутсайдером, иностранцем по происхождению, выходцем хоть и из царской, но России.

...Джордж Уильямс Кайзвальтер родился в Санкт-Петербурге в 1910 году. Его отец, интендант царской армии, в 1904 году был направлен в Вену для наблюдения за производством снарядов, использовавшихся российской армией в войне с Японией. Там он встретил француженку из Дижона, школьную учительницу, которая, вернувшись с ним в Россию, вышла за него замуж. После революции 1917 года Кайзвальтер-старший вывез жену и сына в Нью-Йорк, где они получили американское гражданство. В 1930 году Джордж окончил Дартмутский университет со степенью бакалавра, а год спустя защитил степень магистра по прикладной психологии. Вскоре он поступил на службу в армию.

Когда разразилась Вторая мировая война, армейское руководство использовало знание Джорджем немецкого языка, а затем он был послан на Аляску в качестве офицера связи с советскими лётчиками, перегонявшими из США в СССР военные самолёты. Теперь он уже применял свои знания русского языка.

...В 1944–1945 годах Кайзвальтер служил в отделе армейской разведки Соединённых Штатов. Два года совместной работы с пленённым генералом Рейнхардом Геленом, во время войны возглавлявшим подразделение под названием «Иностранные армии Востока», – отдел генерального штаба вермахта, осуществлявший сбор разведывательной информации по Советскому Союзу, – предопределили дальнейшую судьбу Джорджа. В 1951 году он стал кадровым офицером ЦРУ, а ещё через два года был назначен помощником сразу двух начальников резидентур ведомства в Западном Берлине и Вене в качестве «привлеченца», то есть сотрудника, основной задачей которого являлось приобретение агентуры из числа советских офицеров Группы Советских Войск в ГДР и Австрии.

Приоритетным направлением в агентурной деятельности американских резидентур в Западном Берлине и Вене была вербовка офицеров советской разведки и контрразведки. Однако до появления Попова в Вене этот приоритет был, скорее, желаемым, чем реально осуществимым планом...

* * *

В начале октября 1952 года Кайзвальтер получил сигнал от агента «СЭМ», австрийца, работавшего садовником в оранжерее советского посольства, что на замену убывшего дипломата прибыл новичок. Оставить сигнал без внимания было нельзя: убывший был идентифицирован как военный разведчик, действовавший под дипломатическим прикрытием. А поскольку русские строго придерживались отработанной схемы: на освободившуюся должность неизменно прибывал другой оперработник с теми же функциями, то прибывшего обязательно надо было «пощупать за вымя»!

...Появление «сменщика» в советской резидентуре, – будь то разведка КГБ или ГРУ, – всякий раз вызывала в стане американцев оживление. Обновление в рядах противника придавало их оперативным силам и средствам здоровый импульс, реанимировало рутинную работу службы наружного наблюдения и технического контроля. Последние призваны были, нанося лёгкие уколы в панцирь – прикрытия – испытуемого, представить первичные данные для последующего анализа и определения профессионального уровня вновь прибывшего русского разведчика. А у офицеров-агентуристов, прозванных «охотниками за головами», наступал особый период – «время собирать камни». Им предстояло, выявив уязвимые места в характере, поведении и оперативной подготовке нового советского разведчика, ввести в его разработку своих агентов. С их помощью определялась возможность нанесения главного удара – вербовочного подхода к новичку.

Мельчайшие подробности его поведения на улице, в общественном транспорте, в кафе и ресторанах скрупулёзно фиксировались скрытыми объективами фото- и кинокамер. Без внимания не оставался ни один жест, ни один взгляд подопечного.

...Первое, – особенно это характерно для англосаксов, – установить отношение изучаемого к деньгам.

Внимание, объект вытащил бумажник! Сколько отделений в нём?

Много. Раскладывает купюры согласно их достоинству? Значит, аккуратен, дисциплинирован, педантичен, знает цену деньгам и людям.

Вместо бумажника – женский кошелёк? Не иначе – скареда, жмот. За копейку повесится или повесит.

Как? Не пересчитывая полученную сдачу, засунул банкноты комком в карман?! Всё, считай, что имеешь дело с вертопрахом, неряхой, возможно, с мотом.

...Походка. Волочит ноги, оставляя их позади корпуса? – Слабый самоконтроль. Неумение или нежелание рассматривать собственные поступки со стороны или под критическим углом.

Размахивает при ходьбе руками, как ветряная мельница? – Беспечность, неосмотрительность, «а нам всё равно!».

Стремительный, ритмичный шаг, неизменяемый на значительных дистанциях? – Достаточность сердечной и лёгочной функций, хорошая реакция, подвижный тип нервной системы. Не исключено, что постоянно занимается спортом.

Твёрдая, размеренная поступь? – Мыслит основательно, решения принимает взвешенно, может, не хмелея, много выпить.

Мелкие шаги при высоком росте, семенящая походка? – Несамостоятелен в принятии решений, легко подпадает под чужое влияние, легко внушаем.

Старается не наступать на трещины в асфальте и в брусчатке? – Мнительно осторожен, подвержен немотивированному внутреннему напряжению, чем-то обеспокоен...

...Непосвященному вышеприведённые выводы могут показаться всплесками чьей-то досужей фантазии. Отнюдь!

Во-первых, незнание или огульное отрицание знаний другого – не есть аргумент.

Во-вторых, перечисленные детали бессознательного поведения изучаемого заговорят и расскажут многое о его психике, характере и привычках лишь в совокупности с другими признаками, и только специалисту...

* * *

Просмотрев несколько отснятых на улицах Вены кинобобин и ознакомившись со сводками наружного наблюдения за Поповым, Кайзвальтер, магистр прикладной психологии, констатировал:

«Или этот тип – гениальный актёр, или интеллектуальный пигмей, которому в театре доверили бы сыграть только тень отца Гамлета! Ну что ж, будем действовать по принципу кайзеровской разведки: «Отбросов нет – есть кадры!»

Джордж имел в виду, разумеется, не традиционные подмости, а театр оперативного искусства. Ему и в голову не могло прийти, что в разведку можно попасть по протекции. Во всяком случае, таких примеров в собственной практике он тогда не имел.

В итоге Кайзвальтер принял решение: не снимая наружного наблюдения за русским, фиксируя его поведение всеми видами технического контроля во внепосольской обстановке, не тратить время на «пристрелочные выстрелы», а немедленно выпустить в новичка «золотую пулю» – особо ценную агентессу из личной обоймы. Кому как не ему, «охотнику за головами» экстра-класса, было не знать такого простейшего способа вербовки, как загнать намеченную жертву в «медовую ловушку»?!

* * *

Ознакомившись с личными делами нескольких агентесс, ранее состоявших на связи у Вальтера Шелленберга, главы политической разведки Третьего рейха, Джордж Кайзвальтер остановил свой выбор на Гретхен Рицлер.

За несколько месяцев до появления в русской резидентуре Попова Джордж сумел убедить её продолжить секретное сотрудничество со спецслужбами, в частности с ЦРУ. Таким образом он убил сразу двух зайцев.

Во-первых, заполучил вышколенную и надёжную агентессу, которую предполагал использовать при секс-вербовках русских разведчиков.

Во-вторых, Кайзвальтер доказал Гретхен, что, работая на ЦРУ, она сможет вести ту шикарную жизнь, к которой привыкла в годы расцвета Третьего рейха.

А что ещё нужно женщине элегантного возраста – уже не тридцать, но ещё не пятьдесят, много любившей и страстно любимой, которая сумела сохранить неутолённый, волчий аппетит к плотским удовольствиям своей юности?

Кайзвальтер не сомневался, что Рицлер, как и всякая женщина бальзаковского возраста, живёт как на иголках, в тайном предчувствии, что где-то ещё томится по ней сказочный принц, который падёт к её ногам и

будет умолять о вечной любви...

* * *

Гретхен Рицлер была известна в великосветских салонах многих европейских столиц под разными именами: Марлен Шральмхаммер, Кристины фон Бюлов, Евы Вернер и, наконец, как Грета Ламсдорф.

Для женщины, которой в течение долгой карьеры секретной сотрудницы стало привычкой менять псевдонимы, мужей, вероисповедание и гражданство, облачаться в чужую личину было так же естественно, как для женщины мирной профессии ежедневно менять носовые платки в сумочке, отправляясь на работу. Нет ничего удивительного, что и хоронят таких людей, не раскрывая подлинного имени, ибо жизнь их – сплошная ложь, и смерть не бывает исключением...

Глава четвертая

«Медовая ловушка»

«Вена – это город-загадка, и, прежде чем он откроет вам свои секреты, нужно изрядно потрудиться», – напутственно говорил резидент Попову перед каждым его выходом за пределы посольства.

Досконально изучив карту города, Пётр ежедневно проделывал пешие походы по намеченным генералом маршрутам.

«Отрабатывая» площадь Оперного театра, – в то время это было место встреч дельцов «чёрного рынка» и вообще подозрительных личностей – Пётр обратил внимание на скучающего вида смело одетых девиц с многообещающим призывным взглядом и внушительных размеров сумкой через плечо, куда умещалось всё необходимое, чтобы по желанию клиента организовать в любом месте нечто большее, чем просто пикник.

Однажды посетив место сбора всепогодных нимф, Пётр каждый свой выход в город непременно заканчивал визитом к бивуаку проституток. Так сидящего на диете тянет заглянуть в меню – если уж нельзя съесть, хоть ознакомлюсь визуально! А диета – полугодовое половое воздержание – давала о себе знать.

...Регулярные набеги русского разведчика на площадь Оперного театра не остались незамеченными Джорджем Кайзвальтером, и вскоре он не преминул ими воспользоваться...

* * *

В конце января, «зачистив» очередной квартал Вены, – плановое мероприятие по ознакомлению с городом для последующего проведения разведок: встреч с агентами, закладок тайников, вероятный уход от «хвоста» и т. п. – Пётр по обыкновению направился к площади Оперного театра, подиуму венских куртизанок.

День был солнечным, но на Будапештштрассе, узенькой безлюдной улочке, стиснутой с обеих сторон настороженными средневековыми домами-дворцами, царил рассеянный полумрак. Тишину и покой нарушал лишь звук шагов русского разведчика.

Неожиданно сзади слева раздался рокот мотора и мимо подполковника, почти касаясь шинами тротуара, промчалось такси. Пётр

заметил, что сидевшая позади водителя женщина стучит в окно и приветственно машет ему рукой.

«Что за чёрт!» – только и подумал Попов, как из остановившейся в десяти метрах от него машины выпрыгнула высокая темноволосая женщина.

Продолжая призывно помахивать рукой и улыбаться, она двинулась навстречу Петру. Сделав несколько шагов, женщина резко остановилась. Изумленно вскинув брови, округлила глаза и покачала головой. Тень разочарования скользнула по ее лицу: обозналась!

Не успел Попов как следует рассмотреть незнакомку, как она, развернувшись к нему спиной, уже шагала прочь.

«Остановись мгновение, ты – прекрасно!» – едва не вскрикнул потрясенный красотой феи из такси Пётр и бессознательно ускорил шаг.

«Вот тебе, Петя, и сказки венского леса!» – подполковник не мог прийти в себя от резкой смены поведения незнакомки.

Неожиданно женщина споткнулась и рухнула на колени. Повинуясь импульсу, Пётр бросился вперед. Иностранка оперлась на его руку, сию секунду поднялась. Гримаса боли исказила ее красивое лицо. Тогда Попов подхватил женщину под руки и, резко выпрямившись, поставил её на ноги.

Какое-то мгновение они стояли обнявшись. Волосы незнакомки касались лица Петра. Её высокая упругая грудь упиралась в его плечо так плотно, что ему показалось, что он слышит биение её сердца. А может, своего? Глаза иностранки призывно горели, приоткрытый пунцовый рот неотвратимо влек к себе. В следующий миг Пётр яростно впился в эти манящие губы. Незнакомка не только не предприняла попытки высвободиться из объятий, но с готовностью, всем телом, прижалась к Петру, закрыла глаза, вверив всю себя во власть звериного порыва...

Импровизированный поцелуй в центре Вены продолжался несколько мгновений, но Петру он показался вечностью. Он вдруг почувствовал сладкое головокружение. На сердце было легко и радостно. Хотелось немедленно свалить дурака, нашкодить, устроить розыгрыш. В общем... Хотелось!

Задышавшись, Пётр прервал поцелуй. Переводя дыхание, осторожно высвободился из объятий, как вдруг заметил, что стоит на цыпочках. Иностранка была на полголовы выше. Их взгляды встретились. Оба разом рассмеялись.

– Данкешон, – как-то неопределённо прошептала она, имея в виду то ли руку помощи, то ли участие в поцелуе.

– Битешон, – автоматически ответил он и зарделся, проклиная своё

произношение.

– Вы – иностранец? – не обращая внимания на смущение Петра, спросила фея.

– Яа-яа, – только и выдавил из себя подполковник.

– Русский? – настаивала незнакомка

«Приплыли!» – подумал Пётр и, разозлившись на себя, по-русски выкрикнул:

– Да, я – русский!

– Как йето чудьесно! Моя мама есть русская! Какой тьесный мир! Как тьебя зовут? – перешла на русский фея.

– Пётр...

Подполковник не мог поверить собственным ушам и своей удаче: «Она говорит по-русски!» Он уже твердо знал, что нашёл то, что искал и решил развить знакомство, но не знал, как это сделать, так как положиться на свой немецкий не мог.

– А как вас зовут?

– Грета... Грета Ламсдорф, – засмеявшись, она протянула руку.

– А что, если нам зайти куда-нибудь в кафе? – поцеловав протянутую руку, предложил Попов. – Если вы не торопитесь, конечно...

– Да-да, коньешно... я съегодня свободна, – с готовностью ответила немка.

...Так начался первый и последний любовный роман русского разведчика Петра Попова. Первое посещение аптеки ещё не открывает дороги на кладбище, а первое свидание с клеветкой Ордена шпионов? Куда приводит оно?

Глава пятая

«Девочка напрокат»

Гретхен Рицлер родилась в 1918 году в Вене в семье пианиста Отто Рицлера и баронессы Анастасии Больц-Лопушинской.

Вообще-то, семья баронессы, бежавшая в 1917 году из России от большевистского террора, своей целью имела Париж, но в дороге от тифа скончались родители юной Анастасии, а она сама угодила в венский госпиталь для бездомных...

По выздоровлении баронесса буквально была выброшена на улицу: в бреду она, несмотря на то, что блестяще владела немецким, английским и французским языками, кричала по-русски. Поэтому ни ссылки на родословную – немцев по линии отца, ни мольбы о денежной ссуде на билет до Парижа на главврача госпиталя не произвели ровным счётом никакого впечатления. Он был непреклонен: Россия и Франция находятся в состоянии войны с Австро-Венгрией и Германией, и, скажите, баронесса, спасибо, что в р а г и вытащили вас с того света!

* * *

С большим трудом Анастасии Больц, – а теперь она представлялась только так, отбрасывая вторую часть своей фамилии, – удалось устроиться билетёршей в дешёвый мюзикл, похожий на солдатский бордель, в венском предместье, чтобы, скопив денег на билет, уехать наконец к друзьям во Францию.

В первый же вечер знакомства с баронессой-билетёршей Отто Рицлер, покорённый её красотой и великосветскими манерами, упал перед ней на колени и со слезами на глазах умолял выйти за него замуж.

Париж был туманной перспективой, а предложение актёра и его искренность казались вполне реальными. И баронесса выбрала второе, хотя в глубине души лелеяла надежду в недалёком будущем выбраться из ненавистой Австрии в с детства обожаемую Францию...

Однако жизнь внесла в планы Анастасии свои коррективы. Сначала муж потерял работу и запил. Затем родилась Гретхен и баронесса скрепя сердце выбросила из головы мечты о Париже, и полностью посвятила себя воспитанию дочери. А вечерами, уложив дочь, выходила на панель, чтобы

заработать на хлеб для себя и молоко для малышки...

* * *

О смерти мужа Анастасия узнала из газет – он давно уже не жил в семье, попрошайничая у дорогих кафе и гостиниц. Гретхен к этому времени исполнилось пятнадцать лет, хотя соседи давали ей все 18 – так зрело она выглядела. А ослепительная красота, а поступь, а манеры, а тон! Да это же принцесса, а не недоростка в лохмотьях! Она свободно говорила по-русски, по-французски, по-английски и, конечно, по-немецки. Кроме того, Гретхен прекрасно играла на пианино и гитаре, пела и танцевала – заботы и воспитание матери-баронессы не прошли даром. Зёрна упали в благодатную почву. Нет-нет, что бы там ни болтали злые языки о её матери и отце, но у их дочери большое будущее!

Но случилось несчастье. Ослепительной красоты пятнадцатилетнюю Гретхен, доставленную в венскую клинику по поводу гнойного аппендицита, прямо на операционном столе изнасиловал врач-маньяк.

Неудачно проведенный аборт лишил её способности деторождения.

Суд приговорил вурдалака к пожизненному заключению, но горю матери и репутации пятнадцатилетней Гретхен это помочь не могло.

Вскоре, не вынеся позора, покончила с собой Больц-Лопушинская.

* * *

Рицлер, умопомрачительно красивое юное создание, не могла остаться незамеченной венскими сутенёрами, вербовавшими наложниц среди студенток колледжей, официанток, натурщиц и фотомоделей.

Начали с малого: предложили за приличные деньги позировать для порножурналов. Затем пошли съёмки в порнофильмах – коготок увяз, всей птичке пропасть.

Один венский журнал поместил её цветное фото на обложке, и для Гретхен это явилось следующей ступенью по лестнице, ведущей вниз. Её красивое лицо и соблазнительная фигура обратили на себя внимание людей, рассматривающих такие снимки с коммерческой точки зрения. Она получила предложение от нескольких почтенных венских клубов и приняла самое выгодное из них. За 250 шиллингов в неделю она поступила в кабаре при венской гостинице «Интерконтиненталь». Там же и жила в подсобке.

...В воздушном, украшенном блёстками наряде она проделывала на маленькой сцене несколько ритмических движений, после чего по приглашению кого-нибудь из посетителей подсаживалась к его столику.

Однажды обер-кельнер передал ей приглашение от некоего Пауля Мозера. Обычно в таких случаях он говорил Рицлер несколько слов о кредитоспособности приглашающего.

Когда Гретхен ворчливо спросила, что представляет собой этот Пауль, обер-кельнер коротко ответил:

– Я был бы рад получить десятую долю той суммы, на которую он раскошелится, если ты сумеешь ему понравиться.

Обер-кельнер не преувеличивал, хотя и не подозревал, что Мозер совмещает спекулятивные сделки с недвижимостью с работой на германскую политическую разведку.

...Когда Рицлер подошла к его столику, Пауль без долгих околичностей предложил:

– Здесь не место для тебя. Если хочешь, я помогу тебе достигнуть большего. Если ты доверишься мне, я введу тебя в высшие круги венского общества...

Девушка почувствовала, что Пауль сулит ей не воздушные замки и решила рискнуть. В тот же вечер, отказавшись от ангажемента в кабаре, она, уступив желанию Мозера, переехала к нему на виллу в предместье Вены.

Самым, пожалуй, удивительным в их отношениях было то, что молодой повеса даже не прикоснулся к сказочно красивой студентке колледжа, не сделал её своей любовницей, хотя Гретхен несколько месяцев жила у него.

Подобно театральному режиссеру, Мозер проходил с ней роль, которую ей предстояло играть на празднествах, устраиваемых им для своих друзей и партнёров по бизнесу. Эта была всего лишь роль девицы лёгкого поведения, но Рицлер должна была добиться вершин совершенства...

* * *

Во время одного из приёмов, которые Пауль устроил у себя дома для друзей из германского посольства, все приглашенные, дипломаты и девушки по вызову, нагишом взапуски бегали по саду, изображая Адама и Еву. Совокуплялись, не таясь и не стесняясь, тут же на лужайках.

Гретхен, которой хозяином возбранялось принимать участие в

подобных игрищах, обнажённая лежала на надувном матрасе в бассейне, наблюдая за забавами гостей. Она заметила, как Мозер, занятый приготовлениями, связанными с ночной программой, отвлёк в сторону какого-то джентльмена в смокинге и указал на неё, а затем украдкой сделал ей знак: на эту ночь ты принадлежишь ему.

Ларчик открывался просто: проституируя в среде миллионеров, красавица Рицлер попала в поле зрения «охотника за скальпами» – высокопоставленного офицера-агентуриста германской политической разведки Вальтера Шелленберга, действовавшего под «крышей» первого секретаря германского посольства в Вене. Последний, ознакомившись с её биографией и установив за ней наружное наблюдение, пришёл к выводу, что из девочки можно воспитать агентессу экстра-класса, новую Мата Хари.

...Шелленберг, молодой привлекательный мужчина, подошёл к краю бассейна и, представившись немецким дипломатом, сделал девушке то же предложение и в тех же выражениях, что полгода назад она услышала из уст Мозера. Разница состояла лишь в том, что незнакомец предлагал ввести её «в высшее европейское общество».

Гретхен, для которой к тому времени менять покровителей стало так же привычно, как ежедневная смена чулок, немедленно ответила согласием. Ей и в голову не могло прийти, что Вальтер Шелленберг является главой резидентуры германской политической разведки в Вене и по совместительству «оператором» её содержания – Пауля Мозера.

Не растерявшись, девушка поставила лишь одно условие: оплатить её обучение в колледже, где она училась на факультете славянской филологии.

«Меня вполне устраивает факультет, на котором вы обучаетесь, поэтому я готов оплатить вашу учёбу», – ответил Шелленберг.

Сделка состоялась. В последующем никто из них не пожалел о заключении устного контракта.

Глава шестая

Под псевдонимом «Herz»

Шелленберг начал обхаживать Рицлер. Лишенная возможности общаться с богатыми клиентами, она вскоре полностью перешла на его содержание, не подозревая, что деньги он тратил не из собственного бумажника, а из секретной кассы рейха...

Поначалу Гретхен казалось, что Вальтер хочет с нею просто дружить, но зачем? Если Пауль не дотрагивался до неё, приберегая для своих друзей и партнёров, под которых он подкладывал её без всяких колебаний, получая огромные комиссионные, то этот даже разговор на эту тему не заводил! В чём же дело?!

В ходе многочасовых бесед Вальтер часто повторял Рицлер одну и ту же фразу: «Я не хочу с тобой любовных отношений, потому что мне неуютно с умными женщинами».

...Кардинал от разведки Вальтер Шелленберг по достоинству оценил интригабельный ум Рицлер и богатую фантазию для принятия авантюрных решений. Он сделал ей такое предложение, от которого Гретхен не смогла отказаться, – посулил такую сумму, что она тут же сменила профессию и стала гидом-переводчицей, обслуживающей иностранцев из сопредельных Германии стран.

* * *

После вербовки в обязанности Гретхен входила организация отдыха и развлечений для иностранцев из недружественных рейху государств, но основным её предназначением было выяснение их отношения к нацизму вообще и к Гитлеру и его политике, в частности...

Это был проверочный этап способностей Рицлер добывать оперативно значимую информацию методом выведывания, а также её умения соблюдать конспирацию.

Когда Шелленберг понял, что Рицлер способна дать сто очков форы легендарной Мата Хари, он помог ей получить немецкое гражданство и эмигрировать в Германию, где в полной мере раскрылись её шпионские дарования.

Достаточно сказать, что в его ведомстве под Рицлер был создан целый

аналитический «цех», в задачу которого входили обработка и оценка поступавшей только от неё информации.

Виртуальные предположения, добытые ею в постельных играх с депутатами парламентов, политическими деятелями и высокопоставленными военачальниками государств Запада и Востока, после обработки в «цехе» превращались в реальные прогнозы, а последние – в конкретные задания для целой сети секретных сотрудников немецких спецслужб, действовавших по всему миру.

...Вальтер Шелленберг не мог нахвалиться своей секретной сотрудницей, всякий раз подчёркивая, «что если вермахт имеет на вооружении уникальное штурмовое орудие, прозванное «*Большой Бертой*», то в его арсенале есть не менее эффективное оружие – «*Секс-бомба Гретхен*».

Но это была лишь шутка. В действительности Рицлер в секретных файлах политической разведки и в ведомостях выплаты денежного вознаграждения проходила под псевдонимом «*HERZ*».

* * *

Бурная жизнь Гретхен Рицлер, наполненная интимными связями и скандальными романами, вызывала зависть у самых богатых и красивых женщин Старого Света.

Вместе с тем многочисленные поклонники красавицы Гретхен отмечали, что знакомства и мимолётные связи со знаменитостями не приносили ей ощущения счастья. Её томила какая-то ущербность, граничащая с самоуничижением... Может быть, поэтому она, встретив своего будущего куратора Вальтера Шелленберга, вмиг влюбилась в него по уши, как в последующем в свою тайную жизнь шпионки...

...Состоя на службе и иждивении ведомства Вальтера Шелленберга, Рицлер, ставшая примадонной берлинского театра оперетты, обладала особым даром в течение двух-трёх часов интенсивных сексуальных экзерсисов подготовить к вербовке любого из намеченных её шефом кандидатов, будь то блистательный принц, политический деятель, дипломат или банкир. Но особо удачлива она была в работе по офицерам генеральных штабов и сотрудникам военных миссий славянских стран, ибо их сердца распахивались, стоило ей только упомянуть национальность своей матушки...

Глава седьмая

Гербарий секс-идолов

«Торговля телом – зло, его надо прятать...»

Накануне «случайной встречи» с русским разведчиком на Будапештштрассе Рицлер проснулась раньше обычного. В крошечной темноте нащупала выключатель ночника. Подумав мгновение, решила не зажигать свет, а продлить наслаждение, ещё и ещё раз просматривая картины сноведений прошедшей ночи, в которых ей изобильно виделись её, казалось бы, забытые любовники...

Впервые за много лет Гретхен, благодаря стайке выпорхнувших из подсознания воспоминаний о полной захватывающих приключений молодости, явившихся ей во сне, вновь ощутила вкус чувств, которые ей довелось испытать в пору своей порочной юности...

Чем дальше Рицлер ворошила в памяти счастливые моменты прошлого, тем чаще её память давала сбои, так и норовя исподтишка высветить какое-нибудь событие, из-за которого она не просто испытывала чувство мимолётного душевного дискомфорта, а готова была биться головой о стену, рвать на себе одежду и волосы...

«Воистину, – мелькнула мысль, – правы те мудрые люди, утверждающие, что Бог проклял человека, наделив его памятью.»

...Одним из таких событий, вызывавших у Рицлер острое чувство стыда и протеста одновременно – прогулка по утренней Вене после первой ночи продажной любви в обществе с арабским шейхом, подставленным ей Паулем Мозером.

Было ей тогда всего шестнадцать лет и постельные экзерсисы с денежными тузами или заезжими знаменитостями воспринимались ею как наполненные негой приключения...

* * *

Мысль о том, что ей удалось «раскрутить» нувориша из аравийских пустынь ещё на целых 10 тысяч шиллингов, помимо тех комиссионных, которые он отдал Мозеру, окрыляла и вдохновляла на новые знакомства, с

кем бы они ни состоялись – с арабами, китайцами или даже неграми.

Гретхен пешком отправилась на виллу Мозера. Она с наслаждением вдыхала ароматы весеннего утра и улыбалась каждому встречному прохожему, наивно полагая, что все они должны разделять её восторг.

Наивное заблуждение!

Шедшие навстречу мужчины и женщины, мельком взглянув на её вульгарный наряд, измазанное косметикой лицо, провокационное покачивание бёдрами, сразу понимали, какую религию она исповедует – религию продажной любви.

Оценив реакцию прохожих, Грета стала вкладывать иной смысл в язык взглядов...

...Рицлер обогнали два оживлённо спорящих молодых человека. Встретившись с ней взглядами, парни умолкли, а когда, как им казалось, Грета не могла уже их расслышать, один из них громко воскликнул:

– Чёрт побери! Что происходит в Вене?! Никогда бы не подумал, что в этот час город отдан на откуп продажным девкам!

...Вот ещё прохожий. Он очень спешил и окинул Гретхен беглым взглядом. Но этого мгновения было достаточно, чтобы девушка прочла в глазах незнакомца презрительную иронию:

«Что это ты выплясываешь тут в неурочный час? Порядочные девушки не гуляют здесь в это время. Ну а настанет ночь – и ты вновь окажешься в постели с кем-нибудь из нас, самцов... Не исключено, что именно со мной!»

...Один возвращавшийся с ночной смены работяга был безапелляционно откровенен:

– Задрать бы твою юбку-носовой-платок, да и всыпать от души, а то, видно, родителям недосуг тобой заниматься!

...Проходя через скверик, Гретхен обратила внимание на сидящего на лавочке господина преклонных лет. Лучи поднимавшегося за его спиной солнца образовывали вокруг него светящийся нимб. Заметив приближающуюся женскую фигуру, старик вынул пенсне из внутреннего кармана пиджака, проводил Рицлер испепеляющим взглядом и даже погрозил тростью...

..Ещё две-три такие встречи с ранними прохожими, во взглядах которых явно читался обвинительный вердикт – и Гретхен расплакалась навзрыд.

«Я понимаю, – говорила она себе, – почему вы все меня осуждаете, а осуждая, ненавидите! Все вы бесцельно и безрадостно прожили молодость, у вас не за горами время, когда уже не останется ни надежд, ни желаний, –

ваша жизнь утекла сквозь пальцы, а сами вы алчущие, нищие и завистливые! Да-да, вы все мне завидуете! Моей молодости, красоте, беспечности, деньгам, которыми набита моя сумочка... Но если вам когда-либо приспичит, то идёте вы не к маме и сестре – к женщине, чьим телом можно обладать только за деньги! Но на те крохи, что у вас в кармане, вы можете снять шлюху лишь на привокзальной площади. Вы ненавидите меня, потому что я для вас недосягаема!»

Рицлер с остервенением вытерла кулаками слёзы и, обретя абсолютное спокойствие и уверенность в своей правоте, остановила такси.

...Когда она рассказала о своих утренних переживаниях Мозеру, тот посоветовал ей возвращаться домой на авто. Пояснил:

– С точки зрения обывателя, вступать женщине в интимные отношения с мужчинами за деньги – творить зло. А зло надо прятать... Так что, девочка, как бы мало ты ни заработала за ночь, – домой надо добираться на такси, держась подальше от завистливых глаз... А то ещё, не дай бог, сглазят!

Похотливый скряга

Через некоторое время чередой пошли секс-знакомства со знаменитостями. Общение с ними внушили Гретхен уверенность в правильности избранного пути. Она начала подумывать, что рождена для чего-то возвышенного.

Звёзды кино и эстрады, известные не только в Западной Европе, но и за океаном, принимали её как представительницу избранного общества.

В этом была заслуга не столько самой Рицлер, сколько сначала Мозера, а затем Шелленберга. Они из кожи лезли вон, чтобы подать свою «подопечную» в лучшем виде. Цели у них были разные: Мозер стремился «срубить» побольше денег, Шелленберг – добыть ценную информацию и выявить в богемной среде потенциального агента.

...Первым в «секс-гербарии» Рицлер стал Жан Алекси Монкорже, выступавший в музыкальных ревю и опереттах под именем Жана Габена. С ним Гретхен познакомилась в 1934 году в Вене на съёмках фильма «Мари Шапделен», где ей при содействии Мозера дали роль провинциальной нищей красавицы. Габен только начал восхождение к вершине Олимпа славы, но уже мнил себя «гением экрана».

Шестнадцатилетняя девушка с первого же взгляда была покорена непреодолимым личным обаянием Габена. Магическая сила его харизмы

сработала безотказно. Сердце и ноги Гретхен распахнулись сами собой навстречу его красноречию...

* * *

Габен привёз девушку в гостиницу на окраине Вены. Номер был грязный, с потолка свисали струпья то ли пуха, то ли многомесячной пыли. На полу валялись пустые бутылки из под «граппы» – дешёвой итальянской виноградной водки, по столу деловито сновали тараканы...

«Не гостиница, а ночлежка для нищих!» – гримаса отвращения исказила лицо Гретхен, привыкшей ублажать знаменитых клиентов в роскошных апартаментах.

Габен, заметив её реакцию, пояснил, что поселился в этой гостинице, чтобы избегать встреч с надоедливymi поклонницами и репортёрами светской хроники, а вообще-то, жить здесь вполне сносно, потому что в других номерах расселён персонал, в задачу которого входит техническое обеспечение съёмок.

Гретхен поняла, что этим объяснением Габен пытается скрыть свою скардность, но промолчала и лишь недоуменно пожала плечами, – у каждой знаменитости свои причуды.

Как оказалось, это было только начало.

Из колченогого буфета Габен извлёк початую бутылку «граппы», наполнил доверху стакан и подал его Гретхен. Себе же налил рюмку «Samus» и, развалившись в кресле, предложил выпить на «брудершафт».

Продолжавшая стоять посреди комнаты Гретхен – актёр не предложил ей даже присесть – от такой беспардонности чуть было не выплеснула водку в лицо невеже-нарциссу, но вовремя вспомнила наставления Мозера: «Клиент всегда прав».

Изобразив на лице улыбку, Гретхен приблизилась к актёру.

– А что ты стоишь, деточка? Садись ко мне на колени! Выпьем, поговорим, а потом займёмся любовью...

И Габен стал рассказывать о своих интимных отношениях со знаменитыми актрисами. С Марлен Дитрих, когда она ещё выступала под своим настоящим именем – Мария Магдалена фон Лош. С юной Вивьен Ли и Гретой Густафсон, ставшей впоследствии Гретой Гарбо...

...Сделав пару глотков, Габен вдруг умолк, заметив, с каким отвращением слушает его откровения Гретхен.

– Ну да ладно, девочка, оставим в покое иноземный секс – займёмся

родным... У нас ведь он называется «любовью», не так ли?

* * *

В дальнейшем Гретхен узнала, что была не единственной любовницей Габена во время его короткого пребывания в Вене. Француз был убеждён, что уже самым предложением провести с ним ночь он осчастливливал намеченных им к соитию женщин, независимо от их возраста и социального положения.

Рицлер буквально упивалась тайным злорадством, наблюдая, как жертвами гипнотического обаяния, чрезвычайной самоуверенности и душевной наглости Габена становились звёзды европейского экрана. В конце концов она поняла, что именно на этих качествах он построил свой имидж беспроблемного и игривого сердцееда.

Вместе с тем Гретхен отметила, что в сравнении с её последующими любовниками из мира артистической богемы Габен был чрезвычайно скуп – чего стоила одна гостиница, где ей довелось побывать! А уж о деньгах за любовные утехи ему лучше было не говорить. Мозеру он устроил грандиозный скандал, едва тот заикнулся о денежной компенсации за проведенную ночь с его «подопечной». Габен пригрозил отказаться от роли и уехать в Париж, если Мозер посмеет настаивать. Начинающий актёр уже тогда мнил себя звездой мирового масштаба, считая, что не он, а любовницы должны платить ему.

– Если за любовь я должен платить, – кричал он, театрально заламывая руки, – то какая ж, к чёрту, это любовь?!

...Мозер спорить не стал. Он просто отвёл в сторону страдающего манией величия лицедея и, показав ему свидетельство о рождении Рицлер, предложил самому решить, что лучше: оказаться в тюрьме за соращение малолетки или заплатить по счёту.

Выяснилось, что Габен лишь в кино был мужественным и непоколебимым, а в жизни – трусливым бахвалом. Заплатил даже больше, чем требовал Мозер. Именно тогда сутенёр и наставник Рицлер произнёс сакраментальную фразу, ставшую впоследствии крылатой:

– Французы придумали слово «любовь», чтобы не платить денег!

«Девочка напрокат» идёт под венец

Совсем по-иному вёл себя с Гретхен ещё один секс-идол женской половины западного мира, знаменитый «певец парижских бульваров» Морис Шевалье. С ним Рицлер познакомилась по заданию Шелленберга, когда шансонье приехал в 1936 году на Берлинские Олимпийские игры, и с первого взгляда влюбилась в него.

...Едва Мозер представил Гретхен Шевалье, его глаза наполнились нежностью и он сразу предложил ехать к нему в гостиницу, несмотря на то, что на вилле собралась большая компания берлинских «тузов», чтобы отпраздновать день рождения Пауля.

Гретхен кокетливо согласилась, но попросила подождать её, пока она предупредит Мозера об уходе. Вернулась с Паулем, который отвёл Шевалье в сторону и стал что-то шептать ему на ухо. Шансонье покивал головой, молча вытащил бумажник, швырнул к ногам Пауля пачку банкнот, подхватил Гретхен под руку и умчал её на своём серебристом «ягуаре» в фешенебельную гостиницу «Бристоль».

...Пробившись сквозь толпу поклонниц и журналистов, они вошли в номер, который занимал почти половину этажа.

Первым делом Морис предложил спутнице выпить своего любимого коньяка «Remi Martin».

Они долго говорили о чём-то бессмысленном, но им обоим приятном и важном. Выпили ещё и ещё раз. Потом долго танцевали под его песни, записанные на дисках, которые он всегда возил с собой...

Ужин заказали в номер. Морис был очень внимательным партнёром. За ужином почти не ел – с истинно французской галантностью ухаживал за Гретхен и развлекал её шутками и анекдотами. Говорили по-французски, чему шансонье был несказанно рад. Пояснил, что его песни и секс не могут заменить речевого общения с понравившейся женщиной, и он впервые встречает партнёршу-иностранку, свободно говорящую на его родном языке.

Вдруг они одновременно пришли к мысли, что настал час вкушать плодов любви. А то, что она была обоюдной, Гретхен не сомневалась – в глазах Шевалье вновь вспыхнул огонь страсти и глубокого чувства...

...Гретхен молча сдёрнула блузку на ковёр, до подмышек подняла подол широкой юбки, с остервенением рванула ажурные трусики, явив на свет божий две молочно-белые ляжки, скреплённые наверху черным треугольником, и с едва заметной улыбкой застыла посреди комнаты.

– О, Господи, какая же ты красивая! Как пахнет от тебя чистотой весеннего дождя, горьким мёдом и... розами!

Шевалье, вмиг захмелевший от предвкушения близости, шагнул к

Гретхен, прижал к себе и ощутил под пальцами упругую бархатную грудь, которая казалась ему огромным персиком.

– Чему ты смеёшься? – прошептала она.

– Я счастлив, – еле шевельнулись его губы. Подняв девушку на руки, он тут же опрокинул её на ковёр. Крепко держась за его шею, она прошептала:

– Я люблю тебя, Морис...

Её губы были закусены, а в уголках глаз метались бесовские искорки. И когда он вошёл в неё до упора, она зажмурилась, сладко и глухо замычала.

«Она – моя!» – мелькнула у Шевалье мысль и тут же погасла кометой, потому что он почувствовал, как мука наслаждения перетекает из её чресел в него, и водоворот нечеловеческой страсти отключил сознание...

* * *

Они провели несколько романтических часов. Шевалье был нежен и деликатен и несмотря на свой почтенный возраст – ему было около пятидесяти – неутомим и ненасытен.

Гретхен, испытывая к французу доселе неведомое ей чувство искренней любви и нежности, вдруг сказала:

– Морис, ты неутомимый гастролёр, перепробовавший женщин всех рас и национальностей. Скажи, верна ли легенда о русской женщине как о самой сексуальной и в то же время преданной?

– На мой взгляд, – ответил стареющий кумир, – женщины белой расы, а значит, и русские обладают более изощрённой сексуальной фантазией. Моя богатая эротическая практика – тому свидетельство. Сдержанные и даже флегматичные с виду шведки, датчанки и немки гораздо более изобретательны в сексе, чем турчанки или ливанки... А о преданности русских женщин мне нечего сказать – у меня нет опыта общения с ними!

Шансонье вдруг умолк, недоверчиво посмотрел на Гретхен, потом резко произнёс:

– Или ты морочишь мне голову, Гретхен, или любовь к тебе лишила меня разума! Ты же – немка, а почему спрашиваешь о моих впечатлениях о русских женщинах?!

– Считаю, дорогой Морис, – Гретхен и весело рассмеялась, – что опыт общения с русской женщиной ты уже приобрёл! Я – русская! По матери... Хочешь, я спою тебе русскую песню? Не дожидаясь ответа, Гретхен запела

«На сопках Маньчжурии» – любимый вальс её матери.

Когда она закончила петь, замороженный Шевалье прошептал:

– Гретхен, хотя я и не понял ни слова, я покорён... Очень грустная мелодия, но, надеюсь, в моей оранжировке она не будет навевать тоску... Она прозвучит в миноре, будет так же лирична, но станет доступнее слушателям...

Шевалье в чрезвычайном возбуждении нагишом выпрыгнул из постели и закружил по номеру.

– А что если мы её исполним на два голоса? Это будет фурор! Песня станет гимном нашей любви! Да и вообще, почему бы тебе не выйти за меня замуж? В данный момент я не связан супружескими обязательствами... К тому же я богат, знаменит... Тебя, если ты примешь моё предложение, ожидает красивое будущее! Соглашайся! Я введу тебя в мир богемы и ты тоже станешь знаменитой... Нет! Ты станешь королевой!

Заметив, как недоверчиво смотрит на него Гретхен, Шевалье подошёл к кровати и отдельно произнёс:

– Пойми, это не бзик вышедшего в тираж повесы... Это – вполне осознанное предложение! Видишь ли, когда-то давно, на заре моей молодости, мне, да, приятно было ласкать женские руки, которые рвали на мне одежды, целовать губы и зубы, впивавшиеся в мою плоть... Но сейчас я более ценю тех женщин, с которыми хотелось бы переспать, а тех, с кем хотелось бы п р о с ы п а т ь с я! Надеюсь, ты понимаешь, что я имею ввиду именно тебя? Мы поженимся здесь, и немедленно, и я увезу тебя в Голливуд – американцы предложили мне богатейший контракт. Поездка в Штаты станет нашим свадебным путешествием! Ну, как тебе такая идея?

Ошеломлённая натиском Гретхен потеряла дар речи и уже с испугом смотрела на шансонье. Встретив её взгляд, Шевалье бросил Гретхен блузку и скомандовал:

– Немедленно одевайся, едем куда-нибудь, где можно отпраздновать нашу помолвку, обстоятельно обсудить н а ш и проблемы и... твоё замужество!

...Благостные и хмельные, они вышли из гостиницы далеко за полночь. И тут Шевалье хватился своего серебристого «ягуара». Снова и снова он возвращался к тому месту, где, как ему казалось, он припарковал авто, но каждый раз находил там не серебристый «ягуар», а красный. Что за чёрт! Кто посмел подменить машину?!

Секрет превращения «ягуара» из серебристого в красный певцу открыл привратник, на чьих глазах и совершилось это «чудо».

Отчаявшись дожидаться своего кумира, поклонницы подходили к его

авто и взасос целовали капот, дверцы, багажник покрашенными губами...

* * *

Официанты роскошного ресторана «Кемпински» на Курфюрстендамме сразу узнали модного шансонье, и на столе мгновенно зажглись свечи, а в качестве холодной закуски был подан глубокий серебряный поднос, наполненный колотым льдом, на поверхности которого были уложены громадные «королевские» устрицы. Разрезанные пополам лимоны, словно лилии, плавали вдоль серебряной кромки в талой воде.

За устрицами, обильно сдобренными «шабли» из лучших французских винных подалов, последовал паштет из гусяной печёнки с трюфелями. Затем был черепаший суп и запечённый в сметане атлантический угорь. Шампанское лилось рекой.

На десерт к столу подкатили двухэтажную пирамиду с восточными сладостями, виноградом, киви, ананасами и множеством сортов мороженого...

Гретхен, впервые видевшая такое великолепие, в восторге беспрестанно хлопала в ладоши и... думала, думала, думала.

Предложение Шевалье задело её за живое. Она готова была его принять, но перед глазами постоянно возникал образ Шелленберга. Как он отнесётся к её браку с шансонье и отъезду в Штаты? Ведь как бы Вальтер ни был влюблён в неё, он ещё её наставник и куратор! Заданий даст столько, что забудешь о любви к Морису! К тому же Шевалье на целых тридцать лет старше... А уж ей ли не знать, что такое стареющий повеса, избалованный славой, деньгами и женским вниманием?! Бзики, капризы, ревность, подозрительность... Как же быть?!

«Решено! – сказала себе Рицлер, – сейчас сыграю с Морисом в детскую игру: «да и нет – не говорить, чёрное и белое – не называть», затем посоветуюсь с Вальтером... А что, если он скажет «нет»? Плевать, будь что будет – поступлю, как подскажет сердце!»

Глава восьмая

Голливудские каникулы

Шпионские напутствия

Шелленберг воспринял предложение Шевалье вступить в брак с Гретхен с восторгом и энтузиазмом.

– Девочка! – воскликнул Вальтер, – мои обещания ввести тебя в высшее общество оказались пророческими, они реализуются у нас на глазах! Полагаю, что это – только начало... Союз с Шевалье не только раздвинет твои личные горизонты, но и послужит во благо Великой Германии... Да-да! Это – не публичная декларация в духе доктора Геббельса, отнюдь! Это говорю тебе я, шеф политической разведки Третьего рейха! Надеюсь, ты мне веришь? Впрочем, это уже риторика, извини, не сдержался...

Шелленберг мгновенно преобразился и стал ласково, но твёрдо диктовать то, что, по его мнению, должна была бы сделать Гретхен, находясь в Штатах.

«*HERZ*» слушала его с открытым ртом, поражаясь, как в одном человеке могут одновременно мирно уживаться диаметрально противоположные начала: фантазия сказочника и прагматизм разведчика, отчаянный задор юноши и изощрённое коварство крючкотворца, богатейшее воображение романтика и холодный расчёт циника...

«Боже мой! – подумала Гретхен. – Как надо верить в проповедуемые им идеалы разведки, с какой страстью отдаваться делу, которому он служит! Неужели и меня в будущем ждёт то же самое? Нет-нет, шпионаж – это его работа, которой он предан без остатка. Для меня – приключение, знакомства с интересными людьми, секс, роскошь и деньги. Всё! Большого мне не нужно... Быть может, кто-то и выполняет задания Вальтера с риском для своей жизни, но только не я! Я делаю всё, что он просит, походя, играючи, получая от этого наслаждение...

Как жаль, что моя покойная мамочка в своей жизни не встретила такого человека, как Шелленберг, возможно, ей не пришлось бы выходить на панель, чтобы заработать на кусок хлеба...»

...Минут через двадцать Шелленберг вдруг рассмеялся и прервал свой страстный монолог:

– Послушай, Гретхен, а зачем я тебе всё это говорю? Ты ведь и сотой доли моих наставлений не запомнишь... Стоп! Ограничимся главными целями. Ты должна будешь обзавестись в Штатах максимальным количеством знакомств в среде влиятельных людей: капитанов индустрии, политиков, конгрессменов и сенаторов, функционеров администрации президента, генералов и адмиралов. Особое внимание удели тем, кто имеет дом или ранчо на восточном побережье, в Майями или во Флориде... Постарайся перевести постельные забавы с ними в долгосрочные дружеские отношения. Ты достаточно искушена, как это сделать...

– Но мне же придётся иметь дело с голливудской богемой! Причём здесь генералы и адмиралы? Может, вы мне ещё прикажете взломать сейф в каком-нибудь штабе?!

– Гретхен, деточка, выслушай меня до конца! Все, кого я тебе перечислил, – неперменные гости голливудских тусовок, они постоянно меняют партнёров из числа звёзд кино и эстрады. Но все эти звёзды им давно уже примелькались, стали вроде домашних тапочек – удобными, но не возбуждающими воображения. Приток же новых див в элитные клубы ограничен, потому как селекцией занимаются не просто знатоки – профессиональные психологи-казановы. Ясно? Ты же с помощью своего мужа попадёшь в круг избранных естественным путём – отблески его славы не могут не высветить тебя, остальное доделают твои внешние данные и умение подать себя. Поверь мне на слово, ты одним своим появлением впрыснешь в кровь завсегдаев голливудских секс-вечеринок такую дозу адреналина, что они будут мчаться к тебе резвее арабских скакунов...

Исходя из сказанного, не ты будешь искать интересующих меня лиц – они сами выйдут на тебя... Тебе лишь придётся отделять зёрна от плевел. Выбирать из достойных с а м ы х достойных! Ну ты понимаешь, что я имею в виду...

– А как же Морис? Он будет ревновать, да ещё как! Вы что, Вальтер, не знаете, как может быть ревнив муж, который на т р и д ц а т ь лет старше своей жены?!

– Не волнуйся! Мои люди окружают его особым вниманием и подставят таких нимфеток, что иногда он будет забывать, что приехал в Штаты не один...

– Но Вальтер! У нас же с ним настоящая любовь, вы разве не верите в это?!

– Верю! Но и ты поверь мне, я ведь слов на ветер не бросаю, и ты в этом не раз могла убедиться, не так ли? Слово офицера Фатерлянда, что у

тебя будет достаточно свободного времени, чтобы укрепить контакты с объектами моей заинтересованности! А твой муж этого и не заметит...

Кстати, прошу, нет! – приказываю не поддаваться эмоциям и не устанавливать контакты с понравившимися тебе плэйбоями, их там пруд пруди, – это будет очень неосмотрительно с твоей стороны...

Во-первых, они станут препятствием при выполнении моего задания.

Во-вторых, увлечшись каким-либо голливудским секс-символом, ты утратишь бдительность и вот тогда-то действительно вызовешь ревность Мориса... Ну, а о последствиях ты можешь догадаться сама... Такие артистические натуры, как Шевалье, непредсказуемы в своей ревности. Он может прервать свои гастроли и увезти тебя из Америки... И это – в лучшем случае. В худшем, не дай бог, – развестись...

Не брезгуй вступать в контакт с жёнами лиц, которых я перечислил. Жёны для тебя – не соперницы, а средства к достижению цели. Они должны стать твоими подругами – через них ты сначала познакомишься с их мужьями, а затем возьмёшь последних на короткий поводок. Ясно?

Да вот ещё что... Я подарю тебе фотоаппарат. Впрочем, нет! Мы подарим его в качестве свадебного подарка твоему Морису... Это будет дорогая шикарная «лейка», которой позавидует любой профессионал! В течение недели тебя научат с нею обращаться... Снимать будешь всех... Не волнуйся, печатать фотографии тебе не придётся – плёнки будешь отдавать кинооператору по имени Карло Бельграно. Он держит маленькое фотоателье в Голливуде. Пусть тебя не смутит, что не всё, отснятое тобой, вернётся к тебе... Ну ты понимаешь... Да и Морис не будет ревновать – тебе же придётся фотографировать в основном мужские лица...

– А как я найду Карло?

– Он сам тебя найдёт и передаст привет от Отто из Вены. Это – пароль. Ты ответишь: «Спасибо, а откуда вы знаете моего школьного друга?» Запомнила? Он даст тебе свою визитную карточку. Заучишь наизусть номера его телефонов, а визитку уничтожишь. Будешь звонить только в случае крайней необходимости, если у тебя вдруг возникнут какие-то сложности... Кто бы ни поднял трубку, женщина или мужчина, – не смущайся, сразу называй своё имя... Содействие тебе будет оказано мгновенно, ясно?

Своих русских и немецких ветвей в роду светить не стоит. Запомни, ты – француженка из Эльзаса, там немецкая кровь настолько перемешалась с французской, что поди разбери, кто есть кто. Поэтому имя «Гретхен» на твоей визитной карточке и знание немецкого языка вполне объяснимы для тех, кто, возможно, проявит любопытство к твоему происхождению.

Согласна?

Ещё раз хочу тебе напомнить об установлении дружеских отношений с людьми, проживающими и имеющими ранчо или виллу на восточном побережье Штатов... Это очень важно для рейха... Ну вот, пожалуй, и всё... Впрочем, у нас есть ещё время, чтобы обсудить упущенное. Но в любом случае с богом!

«Мистер Голубые Глаза»

Однажды, когда Морис Шевалье записывал очередной диск, Гретхен расположилась напротив студии «Поллиграф», на открытой веранде кафе. Неожиданно за её стол уселся молодой человек приятной внешности. Гретхен приняла его за мексиканца. Маленького роста. Хрупкого телосложения. Смуглый. Волосы иссиня-чёрные. Глаза необыкновенной синевы.

Обитатели Голливуда относились к латиноамериканцам с нескрываемым пренебрежением, и это было известно Гретхен. Она уже было собралась пересесть за другой столик, как вдруг незнакомец положил свою горячую ладонь на её руку и тихо произнёс:

– Мэм, вы помните меня? Я – Фрэнк Синатра... Мы с вами встречались на вечеринке, посвящённой памяти моего покойного друга и наставника Рудольфо Валентино... Я вас заметил, потому что вы очень азартно аплодировали, когда я исполнил песню «Валентино»... Впрочем, не только поэтому...

– А ещё почему?

– Потому, что вы выгодно отличались от остальных женщин...

– Чем же?

– Красотой и естественностью... В вас нет фальши, которая присуща всем голливудским звёздам. Они – холодные манекены. Вы – сама кровь и плоть, которая провоцирует на грех... Вот уже неделю вы приходите ко мне во сне, если, конечно, мне удаётся заснуть... Но, как правило, я не могу сомкнуть глаз, потому что ваш образ преследует меня... Вы постоянно у меня перед глазами. Вчера из-за вас я чуть было не сбил пешехода... И вообще, целую неделю я каждый день начинаю с поисков вас по всем закоулкам Голливуда...

– Спасибо... Вы, Фрэнк, не только красиво поёте, но и умеете говорить красивые слова женщине...

Гретхен умолкла и в упор посмотрела на собеседника. Теперь она не

сомневалась, что рядом с ней сидит восходящая звезда Голливуда, певец и неугомонный плэйбой по прозвищу «Мистер Голубые Глаза».

«И как это я, дурёха, приняла его за мексиканца?! Таких голубых глаз я в жизни не встречала. В них какие-то гипнотические чары. Они околдовывают и манят. В них страсть, призыв и мольба одновременно. Решайся, девочка: сейчас или никогда!»

– Фрэнк, а где ваша машина?

Синатра так резко поднялся из-за стола, будто только и ждал этого вопроса. Взявшись за руки, они сбежали по ступенькам кафе, впрыгнули в открытый «шевроле».

...Переступив порог виллы, они рухнули на пол и, срывая друг с друга одежды, забились в пароксизме страсти.

Фантастический загул начался. Время остановилось в кафе.

С радостным удивлением Гретхен отметила, что в свои двадцать лет Фрэнк достаточно опытен и искущён в искусстве любовных игр, а его порочная фантазия неистощима.

Взаимным сексуальным амбициям, казалось, не будет конца. Эротические атаки следовали одна за другой, пока наконец обоюдная страсть не достигла кульминации и Синатра почувствовал, как женское тело забилось в последних счастливых конвульсиях соития. Тела их замерли. Гретхен, вцепившись ногтями юноше в грудь, испытующе наблюдала за ним, впериw взгляд в его зрачки. Он приподнялся над ней и неожиданно громко рассмеялся, затем в изнеможении откатился в сторону и мгновенно уснул.

Гретхен, никогда не расстававшаяся с «лейкой», тут же сделала несколько снимков обнажённого Синатры.

Когда через десять минут он открыл глаза, Гретхен скороговоркой произнесла:

– Дорогой, одевайся, мне уже пора!

...Фрэнк гнал машину с бешеной скоростью и говорил, говорил, говорил.

– Ты не поверишь, девочка, но последние два года я не могу работать, думать, радоваться жизни, если за сутки не сменю три-четыре партнёры... Мне кажется, что в Голливуде не осталось ни одной женской постели, в которой я не побывал...

– Поэтому сегодня ты решил овладеть мною на полу?

Синатра повернул голову в сторону Гретхен, его глаза слились в одну щелочку, в которой плясали зловещие искорки. Взгляд был долгим, пауза затягивалась. Наконец плэйбой расщепил пересохшие губы и отдельно

произнёс:

– Да ты не только красива, девочка, но и умна! Да, кстати, ты ведь не американка, не так ли?

– Слава богу, что я не американка!

Гретхен постаралась вложить в ответ как можно больше сарказма. Певец начал действовать ей на нервы.

«Боже мой, с кем я связалась, – говорила она себе, – с кем я изменила моему любимому Морису! Этот макаронник-мафиози, этот простолюдин, пытающийся играть роль великосветского сноба, даже не потрудился узнать моего имени! Да ему это просто не нужно! Завтра, если уже не сегодня, он вычеркнет меня из памяти, он просто выбросит меня из головы, как выбрасывают использованный презерватив! Своего он добился – меня заполучил, а большего ему, видимо, и не требуется... А я-то, дура, поверила, что он не может заснуть из-за меня... Вот от таких случайных связях меня предостерегал Вальтер... Боже, сделай так, чтобы Морис не узнал о моей измене!»

– А почему ты так зла на американцев? Мне кажется, или ты действительно их ненавидишь? Кто же ты по национальности?

– Француженка! – только и успела ответить Гретхен. Синатра так крутанул руль, что машина чуть не влетела на веранду кафе, откуда часом раньше их умчал вихрь страсти.

За одним из столиков сидел Морис. Завидев Гретхен, он радостно замахал обеими руками.

Фрэнк резко затормозил, обежал авто спереди и, делая вид, что не может справиться с дверцей, у которой сидела Гретхен, тихо, но твёрдо произнёс:

– Я – итальянец, девочка... Я тоже ненавижу этих самодовольных янки... И ещё. Я всё понял... Шевалье – твой муж... Или постоянный любовник... Но кем бы он ни был для тебя, знай, что сегодня ты мне сделала такой подарок, которым я буду дорожить всю жизнь... Дорожить и молчать! Спасибо и прощай!

– Но визитную карточку ты всё-таки мне оставь, «Мистер Голубые Глаза»... Мне же надо как-то объяснить Морису нашу прогулку по Голливуду!

Удача приходит к тем, кто её ищет

«HERZ», выполняя задание Шелленберга, старалась изо всех сил

найти в своём окружении лиц, которые бы проживали или имели виллу на Восточном побережье Штатов. Увы! Среди участников голливудских тусовок таковые отсутствовали.

Срок контракта Шевалье уже подходил к концу, когда вмешался «господин Случай».

В Нью-Йорке Гретхен познакомилась с молодым красавцем по имени Курт Шрагмюллер. Она сразу распознала в нём немца, возможно, дали о себе знать гены, и с первой же минуты общения заговорила с ним по-немецки.

Курт был очень рад встретить в Нью-Йорке соотечественницу. Знакомство он расценил как знак судьбы и сразу предложил Гретхен руку и сердце. В доказательство серьёзности намерений он готов был познакомить её со своей мамой, с которой проживал в курортном местечке Флориды Уэст-Палм-Бич. Гретхен попросила дать ей некоторое время на раздумье, а сама немедленно позвонила в Голливуд Карло.

Ответ связника был однозначным:

– Найди предлог, чтобы посетить поклонника по месту жительства. Не забудь взять «лейку»! Плёнку перешлешь мне.

Как раз в это время Шевалье получил приглашение выступить перед отдохавшими в Майами американскими толстосумами. Гретхен, сказавшись больной, осталась в гостинице, но вслед за отъездом мужа на концерт умчалась на «кадиллаке» воздыхателя в Уэст-Палм-Бич, что в часе езды от Майами.

...Ранчо, где Курт проживал со своей матерью, престарелой графиней Шрагмюллер, находилось прямо на берегу Атлантического океана. В угодьях, окружавших дом и раскинувшихся на более чем десяти гектарах, был вырыт большой пруд, где Курт удил рыбу и держал яхту. По протоке, соединявшей пруд с Саргасовым морем (часть Атлантики), молодой отпрыск старинного прусского рода выходил в открытый океан и совершал прогулки на Кубу.

Гретхен была на седьмом небе от счастья. Новый поклонник был не просто находкой – это был клад! Она так разволновалась, что чуть было не позвонила Шелленбергу в Берлин, но вовремя спохватилась и прямо из апартаментов Курта набрала номер телефона Карло. Рассказала, где находится, и какие преимущества сулит ей брак с Куртом. Карло отреагировал мгновенно: «Пригласи жениха в Париж для знакомства с дядей Шульцем». Под этим псевдонимом выступал Вальтер Шелленберг.

Курту, присутствовавшему при разговоре, Гретхен пояснила, что сама не может принять решение, поэтому советуется со своим дядей-опекуном.

- Ну и что сказал дядя? – в голосе жениха звучало беспокойство.
- Дядя приглашает тебя в Париж... Хочет познакомиться с тобой...
- Когда заканчиваются гастроли твоего мужа в Штатах?
- Через неделю...
- Я немедленно отплываю в Европу, чтобы встретиться с твоим дядей!

Как мне его найти?

Гретхен подала Курту свою визитную карточку:

– Позвонишь мне и я организую встречу... А сейчас, дорогой Курт, отвези меня обратно в Майами. Концерт уже закончился и Морис, не найдя меня в гостинице, уже наверняка присосался к бутылке... Нет, я больше не могу так жить! – в глазах Гретхен блеснули слёзы и она припала к груди Курта. – Как хорошо, что судьба послала мне тебя, моего тевтонского рыцаря...

...Гретхен нисколько не преувеличивала. Действительно, Морис Шевалье за год гастролей в Штатах настолько пристрастился к спиртоному, что каждый рабочий день начинал с бутылки своего любимого «Remi Martin», им же и заканчивал. На случай, если бы ему захотелось сделать пару глотков ночью, под кроватью он держал «контрольную» бутылку. И это не считая тех коктейлей и виски, что ему приходилось выпивать в ходе богемных тусовок, ежевечерне устраиваемых его импрессарио.

В Вашингтоне, где на его концерте должен был присутствовать президент Рузвельт, с Шевалье едва не случился конфуз. Хватив лишку, он заснул в гримёрной. Потребовалось полфлакона нашатырного спирта, чтобы привести шансонье в «боевое состояние» и под руки вывести на сцену.

Положение спасла задержка президента, иначе скандал был бы вселенский, ибо вездесущие репортёры уже пронюхали о пристрастии Шевалье к спиртоному и только ждали случая, чтобы снять корону с «короля-лягушатника парижских бульваров» – такое прозвище присвоили Шевалье американские папарацци.

...Накачавшись коньяка и виски, Морис становился агрессивным: скандалил с импрессарио, с администрацией гостиниц, в присутствии Гретхен вызывал в номер сразу нескольких проституток, настаивая, чтобы она участвовала в оргиях.

Когда однажды Шевалье, изрядно набравшись, поколотил её, Гретхен поняла, что любви и совместной жизни пришёл конец. Она позвонила Карло и, рассказав о своих перипетиях, спросила, как ей быть: уехать в Европу или продолжать играть роль любящей жены?

Связник безапелляционно заявил:

– Девочка, ты находишься в служебной командировке, поэтому потерпи до окончания гастролей. Вернёшься в Европу, посоветуешься с дядей Шульцем, как жить дальше. Я лишь могу сочувствовать, но не принимать решений. Крепись! Я и дядя Шульц очень любим тебя и ценим твоё умение преодолевать невзгоды и трудности... Запомни парижский телефон дяди, позвонишь ему по возвращении. Да хранит тебя Господь!

* * *

Вернувшись в Париж, Гретхен немедленно встретила с Шелленбергом. Про себя она отметила, что он по-прежнему влюблён в неё, хотя и старается сохранять пафос дистанции. Ничего не поделаешь. Он ведь – дядя «ШУЛЬЦ», а она всего лишь его племянница «HERZ»!

Впрочем, такой характер отношений у Рицлер не вызывал чувства отчуждения к своему оператору. Природный ум подсказывал ей, что у каждого человека в жизни своё место и предназначение. Кто-то рождён быть начальником, кто-то – подчинённым. Однако благодаря такту и деликатности Шелленберга Гретхен подчинённой себя не чувствовала.

...Шелленберг поблагодарил Гретхен за «плодотворную работу во благо Фатерлянда», в установлении «дружеских» связей с американскими банкирами, политиками и воротилами бизнеса.

– Я понимаю, чего тебе это стоило, Гретхен, но работа есть работа... Пройдёт совсем немного времени и Германии пригодятся все твои американские друзья, поверь мне на слово... А сейчас тебе надо бы отдохнуть! Как насчёт Лазурного берега? Или ты хочешь покататься на лыжах в швейцарских Альпах? Выбирай!

– Вальтер, а почему вы не спрашиваете о моей супружеской жизни?

– По одной простой причине, – моментально отреагировал Шелленберг, – чтобы не бередить твою рану, девочка... Мне кажется, что Шевалье уже исчерпал себя и как любовник, и как муж, и... как звезда эстрады. Он – законченный алкоголик! С каждым днём тебе будет всё труднее с ним... Так что думай и принимай решение сама – я могу лишь советовать...

«Они что? Сговорились с Карло?! Тот может лишь СОчувствовать, этот только СОветовать! А решение должна принимать я сама?!»

Будто читая мысли Гретхен, Шелленберг, вложив в интонации максимум теплоты и участия, тихо произнёс:

– Вообще-то, мне кажется, что ты уже созрела для следующего

замужества, ибо жизнь с Морисом стала для тебя невыносимой... Твой потенциальный жених в Париже?

– Думаю, что да... Я не стала дожидаться его звонка, а хотела знать ваше мнение, Вальтер...

– Умница! Твои слова звучат как похвала мне...

– Я что-то не понимаю вас, Вальтер!

– Я хотел сказать, что не ошибся в тебе... А что касается Курта, то тебе надо выйти за него замуж и стать гражданкой Соединённых Штатов... Нас с тобой да и всю Германию ждут великие дела!

Ладно, это – будущее, давай-ка перейдём к настоящему... Как только объявится Курт, назначь ему свидание и сразу же уезжайте либо в Альпы, либо на Лазурный берег...

– А как же встреча с моим дядей? Курт ведь приехал в Париж для того, чтобы просить его благословения...

– Дядя неожиданно попал в больницу и выпишется только через неделю, ну, две... Как раз к вашему возвращению из свадебного путешествия... Вот тогда-то я с ним и поговорю... Ты понимаешь, что я имею в виду?

– Понимаю...

– Тогда действуй, mein *HERZ*! И постоянно держи меня в курсе. Мой берлинский телефон ты знаешь, позвонишь накануне возвращения в Париж... Да, вот ещё что! Сразу выезжать в Штаты не соглашайся. Сошлись на то, что дядя нуждается в уходе... Да и чувство Курта ты хотела бы проверить... В общем, девочка, не мне быть тебе наставником в таких делах!

Шелленберг поднялся и, протягивая Гретхен конверт, щёлкнул каблуками.

– Что это?

– Это пятьдесят тысяч франков... на мелкие расходы...

– На мелкие?! Да это же целое состояние, Вальтер!

– Как говорят наши друзья французы: «женщина стоит столько, во сколько обходится». Ты эти деньги заработала кровью и нервами, так что они принадлежат тебе по праву... Кстати, мои люди в Штатах выяснили, что твой Курт – человек далеко не богатый, так что деньги тебе, вернее, в а м пригодятся...

– А как же его ранчо, яхта, земля?

– Остатки былой роскоши... Он растранил всё, что ему оставил в наследство его покойный отец-банкир. Ранчо, уголья и яхта давно заложены. Деньги на поездку в Европу ему дала мать, продав часть

фамильных драгоценностей...

Заметив, как при этих словах в глазах Гретхен мелькнула тень разочарования, Шелленберг поспешил добавить:

– Но человек он глубоко порядочный, патриот Германии, настоящий ариец – на него можно положиться... А что касается денег, то это – дело наживное... Будет умницей – я помогу ему заработать! Буду с тобой откровенен до конца: из вас двоих я собираюсь создать «оперативный тандем», ведущая роль в котором будет принадлежать тебе, ну а Курт станет твоим подчинённым... Как тебе такая перспектива?

– Хорошо бы, чтобы он стал моим подчинённым не только в оперативном плане... Опыта общения с Морисом мне хватит до конца дней моих...

– Ну это, дорогая моя, всецело зависит от тебя, а не от меня...

– Так мне придётся переселиться в Штаты?

– На какое-то время, да! Чтобы приобрести американское гражданство. А потом ты будешь курсировать между Германией и США...

Электрический стул и «Железный крест»

Шелленберг завербовал Курта Шрагмюллера при первой же встрече. На руках у главы политической разведки Германии были главные козыри: безденежье Курта, его патриотизм и любовь к Гретхен, и разведчик сразу пошёл с них...

Под псевдонимом «ТРИСТАН» Шрагмюллер проработал на Германию до 1944 года. В его обязанности входило выяснение расписания отправки американских судов из порта Нью-Йорка в Европу, а также содержание двух немецких морских офицеров, проживавших на ранчо.

Дело в том, что в 1940 году на вооружение военно-морского флота фашистской Германии поступили две мини-подлодки, экипаж которых состоял всего лишь из двух офицеров. Несмотря на свои размеры и малый запас вооружения – всего две торпеды – субмарины представляли собой весьма грозную силу, так как самые совершенные радары военных кораблей не могли их засечь.

Одна из субмарин-дюймовочек действовала у побережья Флориды, а портом её приписки был... пруд на ранчо Шрагмюллера. В 1941–1943 гг. ею были потоплены около двадцати американских грузовых судов. Сложность состояла в одном – доставке мини-торпед из Германии.

...Три года сотрудники ФБР и контрразведки военно-морских сил

США, сбиваясь с ног, разыскивали чудо-подлодку, но тщетно.

Удача пришла тогда, когда офицерам-слушачам из Агентства Национальной Безопасности (АНБ) удалось сначала запеленговать радиосеансы неизвестной радиостанции, действовавшей в Уэст-Палм-Бич, а затем и расшифровать кодированный текст. Сопоставив даты выхода в эфир передатчика с датами гибели судов в районе нью-йоркского порта, американцы пришли к выводу, что неуловимая подводная лодка должна находиться где-то поблизости. Но где именно?!

Тысячи офицеров ФБР и военно-морской контрразведки США были брошены в Майами на прочёсывание складских помещений, доков, ремонтных мастерских и прочих помещений, где могла бы скрываться субмарина. О том, что она имеет карликовые размеры, никому и в голову не приходило.

...Второй раз повезло уже офицерам ФБР. Их агенты сообщили, что некий господин поддерживает конспиративные контакты с диспетчерами нью-йоркского порта.

За диспетчерами установили круглосуточное наблюдение, в результате которого удалось выйти на Шрагмюллера. На ранчо был проведен обыск, однако ничего подозрительного обнаружено не было. Тем не менее наблюдение за ранчо и его хозяином продолжили. Выяснили, что Шрагмюллер регулярно закупает избыточное количество продуктов, явно превышающее его гастрономические потребности. Его мать к тому времени уже отошла в мир иной. Появилось подозрение, что на ранчо объект проживает не один.

При повторном обыске жилища Шрагмюллера контрразведчики обнаружили, что ранее ими обследованный подвал имеет ещё и нижний этаж. Когда они попытались спуститься туда, раздались два выстрела – это немецкие офицеры-подводники предпочли смерть пленению...

* * *

Шрагмюллера судили по законам военного времени. И хотя в ходе допросов и судебного разбирательства Курт сообщил даже больше, чем от него ожидали, свой земной путь он закончил на электрическом стуле.

Его жена Рицлер-Шевалье-Шрагмюллер по решению суда была лишена американского гражданства. А по ходатайству главы германской политической разведки награждена «Железным крестом» 3-ей степени. Гретхен стала первой и последней агентессой Третьего рейха, которая

удостаивалась такой чести...

Глава девятая

Явки в постели

В начале 1950-х годов советские резидентуры КГБ и ГРУ в Берлине только становились на ноги. Большая игра и, соответственно, большие ставки делались в Австрии, поэтому Кайзвальтер, организовав в Вене свою основную резидентуру, считал, что должен иметь под рукой помощника «главного калибра».

Не без труда ему удалось убедить Гретхен в необходимости вернуться из Берлина в Вену. Ещё больших усилий потребовалось Джорджу, чтобы привлечь её к мероприятиям по разработке офицеров советской разведки, ибо Рицлер ненавидела русских – ведь они разрушили её мир, наполненный головокружительным успехом у отпрысков родовитой европейской знати, роскошью, блеском, сексуальными приключениями. Но и эту её ненависть Кайзвальтер сумел направить в нужное ему русло, поставив на службу ЦРУ.

Судьба распорядилась так, что открытие Кайзвальтером цэрэушного бюро в Вене совпало с прибытием туда Петра Попова, который сразу угодил в «медовую ловушку», расставленную американцем...

* * *

О том, что на него, неискущённого в амурных делах фронтовика, свалилась Божья благодать во плоти красавицы Греты, Попов решил резиденту не докладывать.

Во-первых, он должен был бы как-то объяснять своё отклонение от намеченного маршрута и появление в районе Оперного театра. Не мог же он, в самом деле, заявить генералу, что по причине прогрессирующей спермоинтоксикации он каждый свой выход в город завершает посещением подиума венских шлюх.

Стань этот факт известен резиденту, а от него – секретарю парткома военной резидентуры, Попову на следующий же день вручили бы билет до Москвы с последующим предписанием продолжить службу в каком-нибудь Мухославске, куда даже император Николай I посчитал бы зазорным ссылать декабристов.

Во-вторых, Пётр имел к «нерассказанной сказке венского леса» свой

личный, плотский интерес. Однако горе-разведчик был на распутье.

С одной стороны, Грета вскольз сообщила, что работает массажисткой в венском салоне красоты, посещаемом жёнами американских дипломатов (а значит, и разведчиков тоже!), поэтому в будущем её можно будет использовать как источник оперативной информации. Этим своим ходом он сумел бы заработать «очки» и утереть нос сослуживцам.

С другой стороны, жаль было использовать такое богатое тело не по прямому назначению, а в оперативном плане...

«Главное, – решил Пётр, – не теряя полученного на Будапештштрассе ускорения, надо побыстрее уложить иностранку в постель, а там, между тем, смотришь, и договоримся о переводе интимных отношений в иную плоскость – в отношения оперативные по добыванию информации об американских дипломатах...»

* * *

Как обманутый собственной невестой жених без оглядки бросается в омут бесшабашного загула, так Попов, сменив вектор внутренней неудовлетворённости собой и своими коллегами, стал посвящать всё свободное время Грете. Она для него была больше, чем поглотитель нерастраченной мужской энергии. Ламсдорф стала живительным пластырем на кровоточащей ране его тщеславия, иллюзорным щитом, за которым Пётр прятался от собственных комплексов ущербности и мнимой несправедливости со стороны начальника и коллег.

...К началу второго полугодия пребывания подполковника Попова в Вене всё более очевидной для начальства становилась его профессиональная непригодность, его неспособность быть оперативным сотрудником.

Глава резидентуры как-то попытался провести с ним беседу по душам, сказал: «Пётр Семёнович, поймите, если вы не проводите вербовок агентов или не предлагаете каких-то операций, ваша характеристика в лучшем случае будет вежливо-уклончивой и вы не получите повышения по службе. Но если вам всё это будет удаваться, о вас сложится мнение как об активном оперработнике и вас будет ждать продвижение по служебной лестнице. Действуйте, наступайте, активизируйте работу!»

Однако слова шефа не произвели на Попова впечатления, свои неудачи в работе он по-прежнему относил на счёт завышенных требований к нему «резака» и козней коллег.

...Вследствие непрекращающихся неурядиц на службе Пётр утратил ценнейший дар жизни – оптимизм. Просыпаясь среди ночи от тревожного сердцебиения, он силился и не мог отогнать от себя чёрные мысли. В бессилии, в бешенстве курил папиросу за папиросой, придумывая фантастические планы вербовок и захвата секретов противника, а также кровожадные прожекты мести своим коллегам и генералу-резиденту...

Отчуждение между Поповым и офицерами резидентуры нарастало. Чем дальше он дистанцировался от соотечественников, тем ближе и роднее становилась ему Грета, без которой он теперь не мыслил своего существования. Она для Петра поистине была наркотом от реальности.

А он, однажды отведав из чаши греха, стал пить полными глотками, будто торопясь наверстать упущенное...

«Дорогой Питер, я иметь чувство, что я зашла за тобой замуж», – щебетала Ламсдорф, подливая масла в огонь его страсти.

По её настоянию Попов снял для свиданий роскошную квартиру в старой части Вены, которую технари Джорджа Кайзвальтера тут же превратили в «студию звукозаписи и фотоателье», чтобы записывать и снимать все высказывания разведчика для последующего доклада руководству ЦРУ.

И, надо сказать, что сделанные записи впоследствии произвели фурор в Лэнгли...

* * *

Анализируя материалы, собранные в течение двух месяцев общения Попова с Ламсдорф, Кайзвальтер пришёл к выводу, что «новобранец» – так в ЦРУ называют оперативных сотрудников КГБ и ГРУ, которых собираются привлечь к негласному сотрудничеству в пользу США, – психологически готов работать против советской Системы.

Своё умозаключение цэрэушник делал на высказываниях Попова, которому во время свиданий Грета подмешивала в спиртные напитки так называемую «сыворотку истины», спецпрепарат, отключающий центры самоконтроля мозга человека.

Приняв дозу «сыворотки истины», Попов начинал слезливо жаловаться возлюбленной, как он одинок в этой жизни, в этой стае волков – своих коллег, которых он люто ненавидит. Винился перед любимой, что вначале скрыл от неё свою принадлежность к разведке. Признался, что женат и на родине, в Твери, его ждут жена и двое малолетних детей.

Жаловался на безденежье, которое толкает его похищать мелкие суммы из оперативной кассы, предназначенной для оплаты осведомителей...

И Кайзвальтер понял, что «плод» созрел и достаточно небольшой встряски, чтобы он упал в корзину.

* * *

В один прекрасный день Грета сообщила «возлюбленному», что врачи обнаружили у неё внематочную беременность. Требуется срочная хирургическая операция. Промедление ставит под угрозу её жизнь. При этом она мимоходом назвала сумму, в которую обойдётся операция и пребывание в клинике.

Попов поинтересовался, где же она возьмёт такие деньги. На что Ламсдорф с улыбкой ответила:

– Майн либе Питер, ты спросить, где брать деньги Я? Почему Я, а не МЫ? Мы делать детей вместе, а платить должна Грета?!

Скряга по натуре, Попов не мог смириться с потерей названной суммы, равной его полугодовому жалованью. Он долго и вяло сопротивлялся, приводя различные доводы. Под конец, запутавшись в доказательствах собственной непричастности к беременности Греты, неожиданно брякнул, что не уверен, от него ли ребёнок.

...Сливообразные глаза Греты стали наполняться слезами, и к концу монолога «возлюбленного» водопад хлынул сквозь ресницы. Наконец, взяв себя в руки, она с немецкой методичностью произнесла:

– Ты есть нехороший русский мужичишка! Ты есть тряпка! Ми идти доктор, делать анализ...

При этих словах до Попова наконец дошло, что если он не найдёт выход из создавшейся ситуации, ему, очень даже может быть, придётся отвечать по всем пунктам обвинения. И за посещения площади Оперного театра, и за несанкционированную связь с немкой. А теперь ещё и за ребёнка... Чёрт побери! Единственный раз в жизни поймал фортуна за подол – встретил красавицу, которая сама бросилась ему в объятия, и надо же как всё скверно обернулось! Нет-нет, надо немедленно придумать, где найти нужную для операции сумму!

– Прости, любимая, я погорячился... Но я действительно не знаю, где взять столько денег... Сразу... Может, в клинике сделают аборт в рассрочку?

На что Грета бесстрастным тоном пояснила ему, что так же, как аборт

не делают по частям – так и платить надо сразу. Менторским тоном прочитала возлюбленному лекцию, суть которой сводилась к тому, что уж если ты собираешься жить не по средствам, то их, как минимум, надо иметь...

– Я всё понял! Но где взять деньги?

– Русский разведка – богатый разведка...

– Да ты спятила, девочка! Я что же, попрошу займы у резидента?

– Майн либе Питер, – Грета обняла Попова, – мы будем спросить мой старший брат... Он делать бизнес... Хороший бизнес... Он имеет деньги... Большой деньги...

* * *

Рицлер выполнила свою миссию по вербовочной разработке сотрудника Главного разведывательного управления Генштаба подполковника Попова и передала его в руки «играющего тренера» Джорджа Уильямса Кайзвальтера.

В последующем Грета и её незадачливый любовник ещё будут встречаться. Реже, чем того хотелось бы Попову. Но Кайзвальтер будет непреклонен в дозировке количества свиданий. Допуск к вожделенному телу станет для Попова своеобразным поощрением и будет зависеть от его успехов на шпионской ниве, в противном случае Джордж будет устраивать русскому разведчику «сексуальный карантин»...

Глава десятая

Комплекс Герострата

Ничто так не утомляет, как ожидание поезда. Особенно, если лежишь головой на рельсах.

После беседы с Гретой прошло три дня, в течение которых Попов мысленно торопил время наступления обусловленной встречи и прикидывал, что бы такое предложить на продажу «старшему брату» возлюбленной. Иллюзий в отношении бизнеса последнего гэрэушник не питал. Догадывался, что ему предстоит встреча с кадровым сотрудником разведки или контр-разведки. Не знал, под чьим флагом тот выступит, – интересы какой национальной спецслужбы будет представлять.

Но, увы! Арсеналы Попова состояли из оружия, которое невозможно было продать. Ему нечего было предложить «брату» Греты. Ведь допуска к материалам, раскрывающим магистральные направления деятельности резидентуры, он не имел. Так же как не был осведомлён о её планах на будущее и о ценных источниках из числа членов австрийского правительства (о том, что таковые существовали, он слышал на одном оперативном совещании). Попов даже толком не знал, чем занимаются его коллеги. Единственное, о чём он мог бы с уверенностью сообщить «старшему брату» – о штатном расписании резидентуры... Но достаточно ли будет этого? Вряд ли! Впрочем... Есть кое-что! И не «кое-что», а целый козырный туз!

Заулыбавшись, Попов представил себе, как изменится выражение лица его будущего визави, когда тот услышит, какая мина замедленного действия заложена в кабинете посла Соединённых Штатов в Москве.

И не важно на кого работает «старший брат» Греты – на немцев, англичан или французов. Любая разведка, заполучив эту сенсационную информацию, немедленно продаст её американцам. А если «старший брат» окажется американцем, то тем быстрее Пётр получит достойную оценку своему сообщению в иностранных дензнаках. Достойную? Крестьянский рационализм подсказывал Попову:

«Не продешевь, Петя! Торгуйся!»

К месту явки с «братом» Греты Попов добирался «крысиными тропами». Согласно инструктажу Ламсдорф у кафе «Весёлый Гиппопотам», что на Кантштрассе, багажником к движущемуся навстречу Попову должен был стоять мышинового цвета «опель». На заднем стекле – наклейка в виде красного треугольника с белым восклицательным знаком посередине. Комбинация цифр номерного знака соответствовала номеру телефона, по которому Пётр должен был позвонить из бара «Монарх», что в тридцати шагах от «опеля», на площади дворца Хофбург, бывшей резиденции династии Габсбургов.

...Следуя по намеченному маршруту, Попов имел возможность убедиться, что его путь был детально просчитан профессионалами высокого класса.

Во-первых, разведчик, увязись за ним «наружка» из отдела собственной безопасности резидентуры, имел возможность сразу её выявить, а во-вторых, тому, с кем должен был встретиться Пётр, легко было вести контрнаблюдение.

Это открытие обрадовало и успокоило кандидата в Геростраты, он понял, что его опекают «профи», на которых можно положиться.

«Халявный заработок близок! – мелькнула мысль у Попова. – Угрызения совести? Да я просто перескажу пьяную болтовню своего начальника и собутыльника, генерал-полковника Ивана Серова, от которого я и слышал о микрофоне в кабинете американского посла... А уж если он там находится, то, гадский папа! – я урою всех этих высокомерных выкормышей, сослуживцев из резидентуры! Стоп! А если никакого микрофона в кабинете посла США в Москве нет? Что тогда? Тогда придётся поднапрячься и выполнять задания «старшего брата» Греты... Впрочем, какое это напряжение? Рассказывай всё, что знаешь, начиная с подробностей о личном составе венской резидентуры ГРУ и КГБ и кончая дружескими попойками Ивана Серова с Никитой Хрущёвым...»

...Тайна чудо-микрофона в кабинете американского посла стала известна Попову, как это обычно случается, вследствие преступной болтовни. В роли «ретрансляторов» выступили носители государственных секретов особой важности...

* * *

В начале 1952 года у Сталина случился первый инсульт. Берия, чувствуя приближение кончины Хозяина, стал спешно обзаводиться

союзниками из числа лиц, наиболее приближённых к вождю, которые могли потенциально стать во главе СССР, хотя первым претендентом на этот пост он видел себя, и тем не менее...

Берия, авантюрный игрок, поставил на Никиту Хрущёва и Георгия Маленкова, располагавших в то время реальной властью. Чтобы убедить Хрущёва в своей к нему лояльности, Лаврентий Павлович раскрыл ему тайну чудо-микрофона, установленного в герб США, который висел в кабинете американского посла в Москве.

Никита, в свою очередь, дабы подчеркнуть свою значимость и возвыситься в глазах своего ближайшего соратника Ивана Серова, которого он планировал поставить во главе органов госбезопасности, в случае если сам станет у руля Страны Советов, сообщил тому о ставших ему известных от Берии сведениях.

Сделал Хрущёв это не без умысла, ибо, как и Берия, тоже затеял свою игру, подыскивая союзников среди прославленных полководцев. Зная о близости Ивана Серова к маршалу Жукову, он и сообщил другу о микрофоне.

Неизвестно, дошла ли информация о местонахождении «жучка» до маршала, но к Петру Попову попала...

* * *

Вскоре информация о «чудо-жучке» в гербе подтвердится, и Попов получит обильное вознаграждение. Вслед за этим под него, первого «крота» в советских спецслужбах, ЦРУ создаст специальный отдел – *SR-9 (Soviet Russia)*. Возглавит его Кайзвальтер. Со временем он будет курировать и второго «крота» из ГРУ – Олега Пеньковского...

Глава одиннадцатая

Несостоявшийся жандарм

Иван Александрович Серов своё восхождение к вершинам власти начал в 1939 году, когда он, выпускник-неудачник Военной академии имени М.В. Фрунзе, попал под так называемый «бериевский призыв». Майор-артиллерист настолько понравился всеильному наркому, что вскоре стал генерал-майором. По личному распоряжению Берии новоиспечённый генерал был назначен заместителем начальника московской рабочей-крестьянской милиции, через две недели – уже её начальником, а через шесть месяцев – министром внутренних дел Украины и по совместительству заместителем главы НКВД.

Такой головокружительный взлёт простого офицера-артиллериста мало кого мог удивить в то время. Шла жёсткая чистка кадров Красной армии, вернее, истребление командиров среднего и высшего звена. На смену расстрелянным и сосланным в ГУЛАГ офицерам приходили малоопытные и бездарные, зато беззаветно преданные режиму новобранцы.

На Украине судьба свела Серова с Хрущёвым, где тот возглавлял республиканский ЦК. Они подружились, да настолько, что уже в июле 1953 года Хрущёв предложил членам Президиума ЦК генерала Серова для организации ареста Лаврентия Берии. Тогда кандидатура Серова не прошла. Зато позднее по распоряжению Хрущёва он сменил Игнатьева на посту руководителя МГБ, а затем, опять же с подачи друга Никитушки, стал первым руководителем Комитета государственной безопасности при Совете Министров, другими словами, – при Никите Хрущёве, так как тот был его Председателем.

Свою преданность покровителю Серов демонстрировал всегда, но особо – накануне XX съезда партии в 1956 году, когда руководил операцией по чистке партийных архивных конюшен. Тогда Хрущёв пытался «отстирать» свою совесть, стараясь уничтожить материалы, свидетельствовавшие о его инквизиторской деятельности на Украине во время пребывания на посту первого секретаря ЦК.

Под бдительным присмотром Серова в течение шести месяцев, предшествовавших XX съезду КПСС, два военно-транспортных самолёта каждую неделю доставляли из Киева в Москву материалы с грифом «Совершенно секретно». Документы с одной по сути резолюцией:

«Расстрелять! Ликвидировать как врага народа! Уничтожить как гидру контрреволюции». А подпись одна – **Н. Хрущёв...**

Впрочем, Иван Серов верноподданно служил своему благодетелю ещё по одной причине. Его отец, Александр Евсеевич, с 1905 по 1917 год состоял в полицейской страже Вологодской тюрьмы. После революции скрылся, дабы избежать праведной мести революционеров-большевиков, а его сын, чтобы беспрепятственно двигаться по карьерной лестнице, утаил от Партии прошлое своего отца. Хрущёву это было известно, но Иван Серов после смерти Сталина был нужен ему для борьбы с друзьями-соперниками, и он его не трогал...

...Серов был уникальной (с жирным знаком минус!) фигурой в истории советской разведки. Четверть века (!) он стоял у её руля: сначала на первых ролях в НКВД, затем, став председателем КГБ и наконец начальником ГРУ Генштаба – военной разведки страны. Дослужился до звания генерала армии, получил звание Героя Советского Союза, стал кавалером едва ли не всех высших в стране наград. Его парадный китель украшали шесть орденов Ленина, ордена Суворова и Кутузова I степени, три ордена Красного Знамени. Однако приобретены были эти награды не в ратном бою с супостатом, нет! Красная армия могла уверенно вести победоносные сражения с гитлеровскими полчищами, не беспокоясь о тыле – его прикрывали чекисты под руководством Ивана Серова.

А разве легко было по приказу Сталина и Берии организовать переселение более чем миллиона человек – волжских немцев, крымских татар, чеченцев, ингушей и иже с ними в Казахстан и Сибирь, да ещё и в условиях военного времени? Но Серов – солдат. И будучи верен присяге и приказу, вступил в решительную борьбу с ними! Однако его сослуживцы, то ли от зависти, то ли от малодушия, шептались за спиной восходящей на энкавэдэшном небосклоне звезды: *«Родись он веком раньше, из него вышел бы отменный жандарм...»*

Глава двенадцатая

Возвращение опостылевшего «любовника»

В течение 1953–1954 гг. Пётр Попов «сдал» ЦРУ имена и коды более восьмидесяти советских офицеров-разведчиков, четырех нелегалов и семнадцать агентов-иностранцев, действовавших в Австрии и Западной Германии. Кроме того, он передал секретную информацию особой важности о личном составе Главного разведуправления и приоритетных направлениях его работы. Он также сообщил своим американским работодателям важные подробности о советской политике в Австрии.

Компенсацией за усердие на шпионской ниве были не только дензнаки в иностранной валюте, но и свидания с Гретхен, которые предоставлялись Попову соразмерно объёму и качеству добытой информации.

Свидания с возлюбленной, кстати, оценивались им много выше материального поощрения.

Вместе с тем у Рицлер с каждой встречей нарастала неприязнь к «любовнику поневоле», что, впрочем, не было секретом для её куратора – Джорджа Кайзвальтера.

Продолжая контролировать поведение своих агентов на конспиративной квартире с помощью аудио и кино-фототехники, Кайзвальтер всё более удивлялся терпимости и выдержке Греты, как и бунтующему невежеству *ГРЭЛСПАЙСА* (псевдоним Попова, присвоенный ему Кайзвальтером), который за почти два года общения с Рицлер ни в проблесках интеллекта, ни в приобретении приличных манер поведения не преуспел. Он по-прежнему оставался неотёсанным мужланом, медведем, неподдающимся никакой дрессировке, который так и не смирился перед своим кротителем – «Секс-бомбой Гретхен».

...Речь подполковника поражала своим косноязычием. Манеры были жуткие – находясь в обществе возлюбленной, он мог в любой момент почесать самые неожиданные места своего тела. Особой любовью и заботой пользовалось его причинное место. Он беспрестанно цыкал гнилым зубом. По любому поводу перебивал собеседницу, едва не затыкая ей рот ладонью. Орал на Грету в полный голос. Орать вообще любил...

Кайзвальтер, представляя себя на месте Рицлер, легко мог понять, с какой тоской та вспоминает наполненные любовной негой и ароматом утончённых удовольствий свидания с лощёными офицерами генеральных штабов Болгарии и Словакии.

...Как-то, делаясь впечатлениями о Попове с Кайзвальтером, Грета с горечью заметила:

«Меня так и тянет толкнуть его под локоть, когда он подносит ко рту кусок отварной телятины. Однако самое большое чувство гадливости и омерзения мне внушает одна деталь в поведении моего «подопечного»: ложась в постель, он каждый раз развешивает свои носки на спинке стула, а мундир бросает на сидение того же стула...

А вообще, я боюсь, что он когда-нибудь вырвет с мясом серёжки из моих ушей. Мало того, ещё и бюстгалтер с чулками снимет, чтобы продать на «чёрном рынке»...

* * *

В апреле 1954 года Рицлер вздохнула с облегчением: Попова отзывали в Москву. Это было вызвано его дружескими отношениями с сотрудником КГБ Петром Дерябиным, который накануне сбежал в США. Однако никаких подозрений относительно лояльности Попова ни у ГРУ, ни у КГБ не возникло, и летом 1955 года его направили... в Берлин.

...Вслед за отъездом опостылевшего «любовника», Грета упросила Кайзвальтера вновь перевести её на работу в Берлин. Своё настойчивое желание она мотивировала неприятными ассоциациями, которые вызывает у неё Вена из-за общения с русским невежей.

Джордж с готовностью откликнулся на её просьбу, тем более, что и сам собирался полностью сосредоточиться на работе в берлинской резидентуре ЦРУ, которая успела перехватить инициативу у Вены, став к тому времени эпицентром по добыче советских стратегических секретов.

* * *

Берлинская резидентура была самым крупным филиалом ЦРУ за рубежом. Причины этого очевидны: западный сектор Берлина представлял собой маленький остров, аванпост западного мира на коммунистическом пространстве.

Расположенный в самом сердце Германской Демократической Республики, он находился в непосредственной близости от огромного контингента (более 500 тысяч солдат и офицеров, тысячи самолётов, десятки тысяч танков и орудий) советских войск, сотен их штабов и

пунктов связи.

Но ещё более уникальным было то, что до 1961 года, когда была возведена берлинская стена, в городе отсутствовала четко установленная граница, отделявшая западный сектор Берлина от восточного. И хотя граница между западной и восточной зонами города действительно пролегла между двумя странами, а по сути между двумя мирами с диаметрально противоположными идеологиями и экономическими системами, можно было без труда попасть из Западного Берлина в Восточный и обратно.

На главных улицах города располагались контрольно-пропускные пункты, которые, впрочем, отнюдь не были помехой для передвижения людей в обоих направлениях. В метро, например, вообще отсутствовала какая-либо проверка документов.

Всё это делало Берлин весьма привлекательным местом для всех разведок мира. И он, город, действительно, был центром разведывательной активности планеты. Предоставлявшиеся здесь возможности использовались нашими и противоборствующими спецслужбами по максимуму. Наряду с широкой агентурной сетью американской, английской, французской и советской разведок здесь уже в наглую действовали и «новички» – агенты нарождавшейся западногерманской разведывательной службы – БНД.

Все они, одни – на уровне высочайшего профессионализма, другие – по-дилетантски, засылали в Восточную Германию бесчисленное множество своих секретных агентов с самыми разными целями и задачами. Если к этому добавить, что агентура, состоявшая на связи советских и восточногерманских спецслужб, по своей активности не только не уступала своим западным соперникам, но, как правило, играла доминирующую роль, то тогда станет ясно, почему в те времена среди берлинцев была расхожей шутка-вопрос: «А кто у нас сегодня не агент?!» Каждый второй взрослый берлинец, независимо от пола, возраста и профессии работал, как минимум, на одну разведку.

Помимо естественных благоприятных условий для работы разведок, сложившихся в результате специфического положения Берлина, статус США как одной из оккупационных группировок давал ЦРУ неоспоримые финансовые и административные преимущества. Сотрудники Управления действовали в Берлине не под дипломатическим прикрытием, а под «крышей» военнослужащих или членов Контрольной комиссии.

* * *

Вскоре после прибытия Кайзвальтера в Берлин осенью 1955 года состоялся целый ряд совещаний и встреч для обсуждения вопроса реорганизации филиала ЦРУ в Германии и перераспределение обязанностей между различными резидентурами.

Главным вопросом, обсуждавшимся на всех совещаниях, являлся вопрос об агентурном проникновении ЦРУ в СССР и другие социалистические страны в условиях быстроменяющейся оперативной обстановки постсталинской эпохи. Кайзвальтер был назначен координатором группы «привлеченцев» – офицеров-агентуристов, нацеленных на подбор и проведение вербовок советских военнослужащих. Джордж был «играющим тренером», так как помимо функций руководителя подразделения вербовщиков он сам имел на связи нескольких особо ценных агентов, в числе которых самой большой жемчужиной была «Секс-бомба Гретхен», теперь уже действовавшая под псевдонимом *HONEY* (Медовая).

* * *

Советская оккупационная администрация отдавала себе отчёт, какая опасность таится за яркими огнями реклам Западного Берлина, поэтому всячески препятствовала гражданам пересекать границу западного сектора, хотя физически и не могла этому помешать.

Помимо опасения вызвать нареkania своего начальства, заканчивавшегося, как правило, досрочной отправкой на родину, было для совдеповских чиновников и военнослужащих ещё одно, весьма значительное препятствие, мешавшее им посещать ночью Западный Берлин. Деньги. Восточная марка имела низкую, по сравнению с западной, платёжеспособность, из-за чего все товары супермаркетов Западного Берлина становились недоступными для русских и восточных немцев...

Американские власти, в свою очередь, не рекомендовали своим соотечественникам посещать Восточный Берлин поодиночке, а только в составе туристских групп.

Что же касается сотрудников разведки, граждан США, имевших допуск к государственным секретам, то им вообще категорически запрещалось не то что посещать, – думать о посещении советской зоны.

«Но если им нельзя к нам, а моим согражданам нельзя к ним, то как же работать, как же выбирать нужный контингент?!» – задавался вопросом Кайзвальтер.

В поисках решения этой проблемы ушло много времени и сил, было перепробовано несколько вариантов, но в итоге всё свелось к тому, что ставку следует делать на общечеловеческие слабости.

...Согласно плану Кайзвальтера в непосредственной близости от границы западного и восточного секторов был открыт магазин, в котором продавалось всё, от зубных щёток до норковых шуб, по бросовым ценам.

Размещённый в роскошной квартире, с улицы он ничем не напоминал магазин, а потенциальных покупателей предстояло привлекать зазывалам, специально нанятым для этого хозяйкой заведения... Гретой Ламсдорф.

Русских интересовали шёлковые чулки, женское нижнее бельё, часы, ювелирные изделия, фотоаппараты и лекарства. А так как вероятным покупателям из числа советских и восточногерманских граждан всё перечисленное приходилось доставать в своём секторе с большим трудом и огромной переплатой, то ЦРУ решило пойти им навстречу, безусловно, не забывая о своей выгоде.

Идея заключалась в том, что, когда какой-нибудь русский польстится на призывы зазывал и войдёт в магазин, Грета должна была сделать всё возможное, дабы заинтересовать клиента настолько, что он непременно закажет нужный ему товар. Обворожительная хозяйка сумела бы убедить потенциального покупателя, что нужную ему вещь постараются добыть только для него и по самой низкой цене.

В магазине специально не должно было быть никаких запасов: во-первых, это – гарантия от неприятностей с местной налоговой инспекцией, а во-вторых, что важнее, залог того, что русский придёт снова. И не один, а приведёт с собой своих друзей и сослуживцев. Наконец, в подходящий момент Ламс-дорф могла порекомендовать в качестве поставщика товара своего «старшего брата», который по разработанной легенде имел обширные связи на чёрном рынке.

Разумеется, под видом «старшего брата» предстояло выступить самому Кайзвальтеру. Но это несколько его не смущало – он ещё не потерял вкус к оперативной работе и к разработке вероятных кандидатов на вербовку из числа советских военнослужащих. Всё это ему было крайне интересно, ибо он знал наверняка, что рядовой или даже старшина советских войск, дислоцированных в Восточной Германии, никогда не посмеют сунуться в подобный магазин. Он небезосновательно рассчитывал на «рыбу» покрупнее – от майоров до генералов, в компании со своими жёнами или любовницами, которых советские офицеры называли *ППЖ – походно-полевая жена...*

Одним из первых клиентов Греты – о кошмар! – оказался Пётр Попов, летом 1955 года прибывший из Москвы на работу в берлинскую резидентуру ГРУ.

Несмотря на отвращение, которое ей сумел внушить бывший «возлюбленный», у агентессы хватило здравого смысла и самообладания, чтобы задержать свалившегося, как снег на голову, гэрэушника в магазине, и, не мешкая, вызвать Кайзвальтера...

...Явки с *ГРЭЛСПАЙСОМ* Джордж Кайзвальтер проводил, как правило, на территории Западного Берлина. Сев в поезд в восточном секторе, где-нибудь на Шпильмаркт, Попов выходил на второй или третьей остановке, находясь уже в западной зоне.

На случай встречи с патрулём у него имелось поддельное удостоверение, которое позволяло ему бывать за «баррикадой».

К семи часам вечера центр города, в те годы ещё лежавший в руинах, был совершенно безлюден. Пётр неторопливо шёл по тротуару мимо домов, от которых остались одни стены, пока рядом с ним не тормозил автомобиль с задёрнутыми занавесками. Попов нырнул в приоткрытую дверь, и Кайзвальтер мчал его к Олимпийскому стадиону на конспиративную квартиру, где их ждал накрытый стол с множеством бутылок со спиртным. А выпить на дармовщину Попов был не дурак...

...Однако появление *ГРЭЛСПАЙСА* в магазине Греты потребовало срочной корректировки места проведения явки. Кайзвальтер прибыл немедленно и в подсобном помещении снял подробный допрос с вконец опешившего горе-любownika.

Не надо было обладать проницательностью дипломированного психолога, коим являлся Кайзвальтер, чтобы понять, что продолжение связи с американской разведкой не входит в планы Попова.

Он этого и не пытался скрыть. Сказал:

– Я «сдал» вам микрофон, другие сведения, чего вы от меня ещё хотите?

На это Кайзвальтер тоном сержанта перед строем новобранцев ответил:

– Милый, дорогой Пётр! У вас, у русских, есть прекрасное выражение: «клювик птички попал в мёд – всей птичке пропасть». Не думайте, что ВБ решаете свою судьбу. Нет! Её решаю Я и только Я! Впрочем, – смягчил свой напор Кайзвальтер, – и Грета тоже. Разве вам не хотелось бы вновь

держат её в своих объятиях?

Заметив, что горе-агент при упоминании имени бывшей «любовницы» заёрзал на стуле, Кайзвальтер нанёс последний удар:

– Завтра в это же время вы передадите Грете донесение, в котором укажете точное место вашей нынешней работы, планы вашей резидентуры, её численный состав, ну, и всё остальное, о чём мы с вами не раз говорили. После этого поедете ужинать в тот ресторан, который укажет вам Грета, а затем останетесь у неё ночевать... Всё ясно?!

– Так точно! – вскочив со стула и вытянув руки по швам, отрапортовал Попов, как если бы перед ним сидел не его куратор, а министр Вооружённых Сил СССР.

– Ну вот и славно! – потирая руки, произнёс Кайзвальтер. – Завтра ночью Грета устроит вам праздник, нет! – фейерверк любви... Считайте, что по прошествии года в ваши с ней отношения пришёл ренессанс...

– Никак нет, не возражаю! – вновь вскочив на ноги и вытянув руки по швам, гаркнул Попов. – А кто такой этот «ренессанс»?

– Это, мой дорогой друг, ангел любви... Греты к вам!

Кайзвальтер внимательно посмотрел на своего адепта и понял, что тот настолько шокирован встречей с Ламсдорф и с ним, своим куратором, что, скорее всего, усматривает во всём происходящем перст судьбы, от которой не уйти.

По готовности *ГРЭЛСПАЙСА* выполнить любое указание, Кайзвальтер понял, что русский поверил в неотвратимость продолжения связи с ЦРУ и готов нести свой крест до конца дней своих.

Подобрев от этого умозаключения, Джордж, как бы невзначай, спросил агента:

– Может быть, у вас есть какие-то просьбы, пожелания? Говорите, не стесняйтесь!

– Нет-нет, вроде, всё нормально... Хотя вот что! – Попов от волнения вытер тыльной стороной ладони покрывшийся испариной лоб. – Вы не могли бы ссудить мне немного денег на покупку бычка?

Кайзвальтер от неожиданности чуть было не соскользнул из кресла на пол.

– Как вы сказали? Бычка? Но для кого, для чего?!

– Видите ли, у моего брата, колхозника, пала тёлка... Простудилась и откинула копыта... Ну, такое случается при нашем, русском, климате... Так вот, я хотел подарить брату тёлку или бычка... Если вы, конечно, дадите денег...

– Нет проблем! – едва не расхохотавшись, ответил Кайзвальтер,

вытаскивая из кармана три тысячи долларов. – Хватит?

– Вполне! – поперхнувшись от волнения, ответил Попов.

«Мой бог! – мысленно воскликнул Кайзвальтер, – мне бы твои проблемы... Бычок, тёлка... А ведь передо мной – разведчик! Чёрт бы его побрал! Ладно, – успокоил себя Джордж, – отбросов нет – есть кадры! Всё, баста!»

Завершая незапланированную встречу, Кайзвальтер, чтобы приободрить агента, пообещал ему увеличить единовременное вознаграждение и содействовать сближению с Гретой. Результаты не заставили себя ждать – от *ГРЭЛСПАЙСА* валом пошла сверхсекретная информация о направлениях деятельности ГРУ в Восточной Германии...

* * *

Вернувшись в резидентуру, Кайзвальтер доложил шефу содержание беседы с *ГРЭЛСПАЙСОМ*. Упомянул и о бычке. Резидент, отхохотавшись и утерев слёзы, заметил:

– Джордж, я вас поздравляю. Благодаря вашим стараниям сотрудники ЦРУ теперь вместо виски будут пить парное молоко! Уверен, ни одна разведка мира не может похвастаться наличием собственной коровы в советском колхозе!

Глава тринадцатая

Портянки – стратегическое оружие

В июне 1958 года во время очередной явки Попов патетически объявил, что за корову, на которую ему ссудил деньги Кайзвальтер, он в знак благодарности готов отдать «тёлку» – молодую агентессу-нелегалку Таирову, которую ему поручили забросить в Нью-Йорк.

Согласно плану Таирова должна была проживать в Нью-Йорке по американскому паспорту, принадлежавшему какой-то парикмахерше польского происхождения. Паспорт, якобы, был ею потерян во время посещения родных в Польше.

Руководство ЦРУ, рискуя поставить под удар свой источник информации – *ГРЭЛСПАЙСА* — с большой неохотой преду-предило американскую контрразведку, ФБР, о предстоящей засылке в США советской лазутчицы.

...Дальнейшие события подтвердили обоснованность опасений цэрэушников. В искреннем порыве как можно быстрее разоблачить советскую агентессу-нелегала ФБР окружило женщину такой бесцеремонной опекой, что она, почувствовав опасность разоблачения, немедленно воспользовалась запасным путём отхода и вернулась в СССР.

ГРУ тут же отозвало Попова из ГДР в Москву для выяснения причин неудачной заброски Таировой. Не без помощи своего покровителя, генерала армии Ивана Серова, успевшего к тому времени с треском вылететь из кресла председателя КГБ, и стать во главе Главного разведывательного управления Генштаба ВС СССР, Попов сумел оправдаться, обвинив в неудаче саму Таирову.

Формальных оснований для отстранения изменника от работы не было, но по инициативе начальника Второго главного управления КГБ генерал-лейтенанта Грибанова за границу Попова больше не выпустили, предоставили жильё в Твери и установили за ним бессрочное круглосуточное наружное наблюдение. Дабы подсластить пилюлю и убедить Попова, что он по-прежнему пользуется доверием, ему устроили псевдоповышение – присвоили звание полковника и назначили начальником хозяйственного управления ГРУ.

...С тех пор полковник Попов приступил к охране и обновлению особо секретного оружия Советской армии – портянок...

Глава четырнадцатая

Встречи «В одно касание»

Накануне отъезда Попова из Германии Кайзвальтер, предвидя, что отсутствие агента может затянуться на неопределённое время, познакомил его с сотрудником резидентуры в Москве – Расселом Августом Ланжелли, который должен будет выполнять обязанности связника во время пребывания ГРЭЛСПАЙСА в Советском Союзе.

Кроме того, для приёма радиосигналов Кайзвальтер вручил Попову приёмник и дал прослушать магнитофонную запись сигналов, которые тот должен был принимать, находясь в Союзе. В инструкции говорилось:

«План на тот случай, если вы останетесь в Москве. Пишите тайнописью по адресу: семья Краббе, Шильдов, ул. Франца Шмидта, 28. Отправитель Герхард Шмидт. В этом письме сообщите все данные о вашем положении и дальнейшие планы, а также когда вы будете готовы принимать наши радиопередачи. Радиоплан следующий. Передачи будут по первым и третьим субботам каждого месяца. Время передачи и волна указаны в таблице...»

В ходе знакомства Ланжелли и Попов договорились, что их встречи будут проходить в режиме «моменталки» – агент встречает связника в каком-нибудь многолюдном месте и в одно мгновение передаёт ему собранные материалы, взамен получая гонорар.

Это, по мнению Ланжелли, воспрепятствует «наружке» зафиксировать контакт – поди разберись, кого агент коснулся в толпе случайно, а кого преднамеренно. Кроме того, после передачи материалов «в одно касание» в людном месте им обоим будет легче затеряться и уйти от возможного «хвоста».

* * *

Первая встреча с ГРЭЛСПАЙСОМ была проведена американцем в фойе гостиницы «Советская». Проведена виртуозно, действительно, «в одно касание».

В те годы при входе в гостиницу была установлена массивная крутящаяся дверь-карусель. Поделённая на четыре отсека, в каждом из которых мог уместиться только один человек, она беспрерывно вращалась

против часовой стрелки.

...Ровно в 16.00 Попов неторопливо поднялся по ступенькам «Советской» и вошёл в один из отсеков «карусели». Как только он оказался в фойе, Ланжелли, поджидавший агента внутри, сделал шаг ему навстречу и принял пакет. Не покидая «карусели», Попов через секунду вновь оказался на улице, и спокойно двинулся к троллейбусной остановке. Со стороны могло показаться, что рассеянный полковник по ошибке заглянул в гостиницу. Полковник? Ну да! Ибо на конспиративные встречи Попов выходил только в военной форме и всегда в обусловленное место добирался на общественном транспорте – сказывался его крестьянский рационализм: плату за проезд с военнослужащих в форме кондуктора не брали...

Когда в одном месте, в одно и то же время оказываются два разведчика из противоборствующих спецслужб, «наружка» задаётся вопросом: а не играют ли они, как два тапёра за одним роялем, в четыре руки? Задача же контрразведчиков выяснить, кто заказывал музыку и для кого играют «тапёры»...

* * *

Вскоре напротив входов всех московских гостиниц, где были установлены двери-карусели, оперативники устроили стационарные посты наружного наблюдения, оборудованные кино-фотоаппаратурой. Такие же посты установили и в фойе.

...Через два месяца, ровно в 16.00 Попов был в фойе гостиницы «Центральная», куда пятью минутами ранее вошёл прибывший на ярко-красном «бьюике» с дипломатическими номерами мистер Ланжелли.

Всё произошло так же, как и в «Советской», с той лишь разницей, что, завидев *ГРЭЛСПАЙСА*, американец втиснулся к нему в отсек, выхватил у него из рук почтовый конверт, выбежал на улицу и впрыгнул в сорвавшийся с места «бьюик», за рулём которого сидел невесть откуда взявшийся Джордж Пейн Уинтерс-младший, ещё один цэрэушник, работавший под прикрытием вице-консула посольства США в Москве.

...Как выяснится позже, причиной, побудившей Ланжелли действовать с прытью ковбоя, была поднятая сотрудниками наружного наблюдения суэта, которые на свой страх и риск решили взять с поличным американца и Попова.

С этой целью они в фойе гостиницы развили бурную

подготовительную деятельность, не оставшуюся незамеченной Уинтерсом-младшим. Последний, во время проведения Расселом Ланжелли операции по связи с *ГРЭЛСПАЙСОМ*, осуществлял контрнаблюдение, то есть выяснял, есть ли «хвост» за Ланжелли или за агентом.

Обнаружив подозрительно повышенную активность «обслуживающего персонала» гостиницы в фойе, Уинтерс понял, что готовится ловушка, и в самый последний момент, когда агент уже шагнул в «карусель», подал коллеге сигнал тревоги, а сам опрометью бросился к машине.

Промах, допущенный не в меру ретивыми русскими «топтунами», исправил, как это ни покажется парадоксальным, американец Уинтерс...

Глава пятнадцатая

«Шпионская пыль»

Джордж Пейн Уинтерс-младший, молодой кадровый офицер ЦРУ «сидел под корягой» – прикрытием – второго вице-консула посольства Соединённых Штатов в Москве. Он входил в группу так называемых «привлеченцев», основной задачей которых являлось приобретение агентуры из числа советских граждан, представлявших для ЦРУ оперативный интерес.

Внимание нашей контрразведки он привлек нестандартностью поведения, повышенной общительностью и чрезвычайной мобильностью. Чтобы полнее фиксировать радиус перемещения американца и объекты его устремлений, было принято решение применить «шпионскую пыль» – спецпрепарат, незадолго до описываемых событий разработанный в секретных лабораториях КГБ. Горничная, она же по совместительству агентесса Второго главка, получила задание регулярно «опылять» одежду Уинтерса во время уборки его квартиры...

«Шпионская пыль» позволяла нашим контрразведчикам с помощью особых датчиков выявлять связи сотрудников резидентуры ЦРУ, действовавших под прикрытием американского посольства в Москве.

Скажем, подвёз американский разведчик своего осведомителя на машине, салон которой обработан «пылью», и микрочастицы химиката осядут на неопределённо продолжительное время на коже и одежде водителя и пассажира, как и на всех предметах, к которым они прикасались.

* * *

Вечером 23 декабря 1958 года Попов позвонил на квартиру атташе посольства США Р. Ланжелли и условным сигналом вызвал его на личную встречу, которая должна была состояться в воскресенье, 27 декабря, в мужском туалете Центрального детского театра во время первого антракта утреннего спектакля. Однако Ланжелли, пришедший в театр с женой и детьми, напрасно прождал Попова в условленном месте – тот не явился. В ЦРУ были обеспокоены отсутствием Попова в театре и совершили ошибку, стоившую ему жизни.

...Получив из Штатов письмо от Кайзвальтера, адресованное ГРЭЛСПАЙСУ, и неправильно поняв инструкцию, Уинтерс, вместо того чтобы вручить письмо агенту в руки, отправил его по почте, так как на конверте был указан домашний адрес Попова.

Результаты не заставили себя ждать. Датчики, которыми были снабжены сотрудники наружного наблюдения, работавшие за Уинтерсом, не только зафиксировали его приближение к почтовому ящику, но и какие-то манипуляции с ним. Изъятую корреспонденцию проверили с помощью приборов, и участь Попова была предрешена: он оказался «под колпаком у Второго главка». В ходе наблюдения было установлено, что Попов дважды – 4 и 21 января 1959 года – встречался с Ланжелли и во время второй встречи получил от американца 15 тысяч рублей. Было принято решение арестовать Попова, и 18 февраля 1959 года его взяли с поличным у пригородных касс Ленинградского вокзала, куда он прибыл на очередную встречу с Ланжелли.

При обыске у него дома в Твери в тайниках, оборудованных в охотничьем ноже, катушке для спиннинга и помазке для бритья, были обнаружены средства тайнописи, радиоплан, шифровальные и дешифровальные блокноты, подробная инструкция пользования шифрами и адресами, по которым он мог известить ЦРУ из СССР о своём положении. Кроме того, в ходе обыска было обнаружено тайнописное донесение, подготовленное для передачи Ланжелли:

«Отвечаю на Ваш номер один. Ваши указания принимаю к руководству в работе. На очередную встречу вызову по телефону перед отъездом в Москву. При невозможности встретиться перед отъездом напишу на Краббе. Копирка и таблетки у меня есть, инструкция по радио нужна. Желательно иметь адрес в Москве, но весьма надёжный. После моего отъезда постараюсь два-три раза в год выезжать на встречи в Москву...

Сердечно благодарен Вам за заботу о моей безопасности, для меня это жизненно важно. За деньги тоже большое спасибо. Сейчас я имею возможность встречаться с многочисленными знакомыми с целью получения нужной Вам информации. Ещё раз большое спасибо.»

Попов сразу во всём признался и согласился сотрудничать с Комитетом госбезопасности в игре по дезинформации противника. Однако на первой же встрече Попов предупредил Ланжелли, что находится под контролем КГБ. Накануне он умышленно порезал руку и спрятал под повязкой записку. В туалете ресторана «Арагви» он снял повязку и передал американцу записку, в которой сообщал, что схвачен и находится в тюрьме

КГБ. Ланжелли, полагая, что таким образом *ГРЭЛСПАЙС* решил в одностороннем порядке прекратить сотрудничество, назначил ему контрольную встречу. Встреча состоялась 16 сентября в рейсовом автобусе № 12. Попов указал глазами на магнитофон, закреплённый у него за лацканом пиджака, но было уже поздно. Ланжелли был задержан, но благодаря дипломатическому иммунитету был отпущен. Вскоре он был объявлен персоной non grata и выслан из Союза.

Глава шестнадцатая

Всем сёстрам по серьгам

...7 января 1960 года в клубе чекистов им. Ф.Э. Дзержинского под председательством генерал-майора юстиции Виктора Борисоглебского состоялось заседание Военного трибунала, который вынес Попову приговор, который гласил:

«Попова Петра Семёновича признать виновным в измене Родине и на основании ст. 1 Закона об уголовной ответственности предать смертной казни с конфискацией имущества.»

Изменник был расстрелян, однако, по версии ещё одного предателя из ГРУ, бежавшего на Запад (в России известен как Виктор Суворов, автор книги «Аквариум»), Попов был заживо сожжён в спецкрематории КГБ. В качестве доказательства Суворов ссылается на короткую публикацию в «Правде», в которой вместо привычных в таких случаях слов «приговор приведён в исполнение» было напечатано: «уничтожен, как бешенный пёс».

...Генерал армии Иван Александрович Серов был смещён с должности председателя КГБ и назначен начальником Главного разведуправления Генштаба ВС СССР.

...Гретхен Рицлер, окончательно ставшая Гретой Ламсдорф, в 70-е годы прошлого столетия владела фешенебельным публичным домом на Лазурном берегу Франции. По окончании Второй мировой войны во Франции был принят закон №-46/685 («Закон Марты Рише»), запрещающий содержание публичных домов, поэтому заведение Ламсдорф работало под «крышей» мужского ателье мод для очень богатых клиентов.

В «ателье» трудились более трёхсот «сотрудниц» разных национальностей, специалисток по самым экзотическим видам секс-услуг.

Однако основной статьёй дохода Ламсдорф по-прежнему оставался шпионаж. Опыт добывания секретной информации, приобретенный во время сотрудничества с Джорджем Кайзвальтером, она передала своим секс-сотрудницам, обслуживавшим капитанов индустрии и политических деятелей Запада.

Несмотря на почтенный возраст Грета и сама была непрочь установить интимные контакты с особо ценными клиентами. Среди её любовников было около десятка глав правительств западноевропейских стран, но её особым расположением пользовался Уинстон Черчилль-младший, военный советник премьер-министра Англии.

Узнав об их интимной связи, Маргарет Тэтчер поспешила заявить, что в ней нет ничего предосудительного, так как она носит чисто личный характер.

Сведения военного, экономического и политического характера Ламсдорф продавала постоянному заказчику – Аднану Хашогги, крупнейшему в мире торговцу оружием. В высшем свете Запада он был известен как «аравийский Рокфеллер». Через два года успешного сотрудничества с Хашогги Ламсдорф вышла за него замуж и стала соучастницей акций аравийского мультимиллионера в создании или раздувании вооружённых конфликтов в разных регионах мира с целью продажи вооружений.

При этом «сладкая парочка» умудрялась поставлять оружие обеим конфликтующим сторонам одновременно.

...В 1961 году Джордж Кайзвальтер назвал свою работу с Петром Поповым генеральной репетицией своего триумфального выступления со вторым «кротом» из ГРУ – полковником Олегом Пеньковским...

Часть десятая

Четыре псевдонима полковника

Пеньковского

Глава первая

Как врагу ни стараться, а от «наружки» не оторваться!

В 1960 году, после разоблачения полковника Попова, американского «крота» в ГРУ, начальник Второго главка (контрразведка Союза) генерал-лейтенант Олег Михайлович Грибанов решил периодически организовывать наблюдение за всеми сотрудниками посольств США и Великобритании. Эти колоссальные по размаху мероприятия проводились в круглосуточном режиме два-три раза в год на протяжении двух недель. Причём под наблюдение попадали не только дипломаты, но и члены их семей, а также проживающие в Москве бизнесмены и журналисты. Слежка велась силами оперативных групп из Седьмого управления (наружное наблюдение), которые действовали по указанию руководства Второго главка.

30 декабря 1961 года одна из таких групп взяла под наблюдение Дженет Чисхолм, жену сотрудника СИС Родерика Чисхолм, действовавшего под «крышей» второго секретаря консульского отдела посольства Великобритании в Москве.

Англичанка вышла из дому, покаталась на автобусе, затем, меняя линии метро – «проверялась» – прибыла на станцию «Проспект Маркса». Вскоре сыщики зафиксировали, как Чисхолм вошла в подъезд дома № 8 по ул. Горького. Она пробыла внутри несколько минут и вышла, демонстративно поправляя юбку. Тем самым она показывала вероятным «опекунам», что у неё возникли проблемы с нижним бельём и она вынуждена была зайти в подвернувшееся парадное...

Когда сотрудники «наружки» уже были готовы опять «сесть ей на хвост», один из них обратил внимание на мужчину, торопливо выходящего из того же подъезда. Это осталось бы незамеченным, если бы не одно обстоятельство: мужчина вошёл в подъезд сразу за англичанкой. Конечно, в другой ситуации это можно было отнести к случайному совпадению, но только не сейчас: ведь под наблюдением находилась жена установленного разведчика! А что если...

Пока «топтуны» решали, стоит ли следовать за «Пыжиком» – псевдоним, который они дали неизвестному, тот благополучно исчез.

Вспоминает ас контршпионажа полковник Черкашин, имевший

непосредственное отношение к «делу» Пеньковского:

«Сотрудникам Седьмого управления, упустившим «Пыжика», был объявлен выговор, остальным дана команда «в ружьё!» – искать мужчину, который провёл несколько минут в подъезде, куда заходила Дженет Чисхолм. Совершённая сыщиками ошибка и последовавшие за этим выговоры сделали его фигуру объектом повышенного интереса. Тем не менее я полагал, что со временем всё успокоится. Я ошибался. На следующий день, буквально за шесть часов до Нового года, мне позвонили из Седьмого управления: «Пыжик» найден!»

Как бы это ни казалось неправдоподобным, это было сущей правдой. Тот же самый (!) сыщик, который упустил «Пыжика» днём ранее, был в бригаде «наружки», осуществлявшей наблюдение за обстановкой у военного НИИ на Овчинниковской набережной Москва-реки. И вдруг из здания выходит... «Пыжик», одетый в общевойсковую форму полковника. Вот так удача!

Потребовалось немного времени, чтобы установить его личность. Это был Олег Владимирович Пеньковский, сотрудник Главного разведывательного управления. С этого момента сыщики Седьмого управления уже ни на минуту не выпускали из поля зрения этого «полкаша».

...Следующая встреча Пеньковского с англичанкой состоялась 21 января 1962 года вблизи цирка на Цветном бульваре. И начальник Седьмого управления с рапортами своих подчинённых и фотографиями встреч «Пыжика» с Дженет Чисхолм поспешил на доклад к генералу Грибанову. Теперь глава контрразведки Союза знал, что у СИС в Москве есть агент, а, возможно, речь идёт и о целой сети английских шпионов, но факты, указывающие на враждебную деятельность Пеньковского, отсутствовали.

Вскоре, однако, пренебрежение банальной формальностью чуть не поставило Пеньковского на грань провала...

* * *

Все офицеры ГРУ и КГБ, посещавшие иностранные посольства – и не только западных стран, – обязаны были заранее согласовывать свои визиты со Вторым главком. Отправляясь в очередной раз на приём в английское посольство, Пеньковский пренебрёг этой простой формальностью. На возмущение по этому поводу Грибанова генерал Серов, начальник ГРУ, написал от своего имени примирительное письмо с предложением замять

это недоразумение.

Получив письмо от Ивана Серова, генерал-лейтенант Грибанов сделал вид, что внял просьбе старшего по званию товарища (Серов имел на две звезды больше, будучи генералом армии), и решил для начала посоветоваться с коллегой из Шестого главного управления КГБ (военная контрразведка) генерал-полковником Петром Ивашутиным.

Оба пришли к мнению, что кроме фотографий случайных встреч Пеньковского с иностранкой, конкретными уликами, свидетельствующими о его противоправной деятельности, они не располагают.

Кроме того, генералами вдруг овладела боязнь ошибиться и навлечь на себя гнев высших военачальников страны, покровительствовавших Пеньковскому. Ведь он был вхож в дом и очень дружен с начальником Главного управления ракетных войск и артиллерии главным маршалом артиллерии Сергеем Сергеевичем Варенцовым, а с начальником ГРУ генералом армии Иваном Александровичем Серовым у него и вовсе были закадычные и отнюдь не служебные отношения. Оба – и Варенцов, и Серов – имели непосредственный выход на высшее военно-политическое руководство страны – на Первого секретаря ЦК КПСС Никиту Хрущёва и министра обороны – Маршала Советского Союза Родиона Малиновского.

Понятное дело, ни Грибанов, ни Ивашутин не решился лечь грудью на «жерла пушек такого калибра» – рисковать собственной карьерой, – не имея достаточной обвинительной базы против Пеньковского.

Кроме того, генералов сбивал с толку и блестящий послужной список полковника.

Глава вторая

Послужной список

Олег Владимирович Пеньковский родился 23 апреля 1919 года в городе Орджоникидзе. По окончании артиллерийского училища в 1939 году принимал участие в войне с белофиннами на Карельском перешейке. В 1940 году принят в ряды ВКП(б) и откомандирован в Московский военный округ, где назначен на должность заместителя начальника отдела политуправления. Его начальником был дважды Герой Советского Союза, генерал-лейтенант Дмитрий Гапанович. В 1942 году Пеньковский познакомился с дочерью Гапановича, Верой, которая впоследствии стала его женой.

В ноябре 1943 года Пеньковский подал рапорт с просьбой направить его на фронт. Просьба была удовлетворена, и он поступил в распоряжение начальника штаба артиллерии 1-го Украинского фронта генерал-полковника Сергея Варенцова. В июне 1944 года Пеньковский был ранен и отправлен в московский госпиталь. В конце июля, перед отправкой на фронт, он узнал, что в «генеральском» госпитале в Серебряном переулке находится на излечении генерал Варенцов. Пеньковский на «чёрном рынке» приобрёл бутылку французского коньяка и явился к своему командиру, и тот оставил его при себе в качестве офицера связи. Впоследствии Пеньковский ещё не раз оказывал услуги семье Варенцова, за что снискал дружбу генерала, вскоре ставшего Главным маршалом артиллерии.

За боевые заслуги в ходе двух войн Пеньковский награждён шестью боевыми орденами и одиннадцатью медалями.

В 1948 году Пеньковский окончил Военную академию им. Фрунзе и был направлен на учёбу на факультет стратегической разведки Военно-дипломатической академии (ВДА), которую окончил с красным дипломом в 1953 году.

В 1955 году Пеньковский был командирован в Турцию, где официально занимал должность военного атташе и неофициально – исполняющего обязанности резидента легальной разведки ГРУ.

Через семь месяцев в Анкару прибыл новый резидент, генерал-майор Савченко. После того как он допустил ряд серьёзных оперативных просчётов, Пеньковский воспользовался этим, чтобы обвинить его в некомпетентности. Будучи чрезвычайно азартным игроком, Пеньковский

решил сорвать банк, а в качестве крупье привлечь «соседа», то есть резидента КГБ в Анкаре. Ему он и направил свою петицию-обвинение. Разразился скандал, одной из причин которого было традиционное соперничество между двумя спецслужбами – КГБ и ГРУ. О случившемся доложили Хрущёву, после чего Пеньковский был отозван в Союз и получил выговор за несоблюдение правил должностной субординации. Впрочем, впоследствии действия Пеньковского были признаны правомерными, и Савченко отправили в отставку.

Глава третья

Как «уходят в шпионы»

По возвращении из Турции Пеньковский продолжал служить в ГРУ, но отношение к нему со стороны начальства было настороженным. Чувствуя это, Пеньковский не без участия маршала Варенцова получил в сентябре 1958 года направление на курсы Генерального штаба по изучению ракетной техники при Военной академии им. Дзержинского. 1 мая 1959 года он с отличием окончил курсы, и начальник ГРУ генерал-полковник Иван Серов предложил ему командировку в Индию на должность военного атташе и резидента легальной разведки ГРУ. Однако...

5 января 1960 года Пеньковского вызвал заместитель начальника отдела кадров генерал-майор Шумский и обвинил в умышленном сокрытии прошлого своего отца, офицера-белогвардейца, в составе Добровольческой армии Деникина воевавшего против частей Красной армии на Северном Кавказе. В итоге командировка Пеньковского в Индию сорвалась из-за «антисоветской деятельности отца», а сам он был переведён в действующий резерв ГРУ.

В июне 1960 года Пеньковский был назначен членом приёмной комиссии в Военно-дипломатической академии. А уже в августе, когда он вернулся из отпуска, его поставили перед выбором: либо он остаётся в приёмной комиссии, либо переходит в Информационное управление ГРУ. Пеньковский взбунтовался и отклонил оба предложения, заявив, что претендует на должность начальника курса ВДА.

«Бунтовщик» был вызван к начальнику отдела кадров ГРУ генерал-лейтенанту Смолякову. Тот, узнав, что в 1962 году истекает положенный срок службы (25 лет) Пеньковского в Вооружённых Силах, популярным языком объяснил, что ни работа за границей, ни должность начальника курса ему «не светит из-за антисоветской активности папеньки», и коль скоро он отвергает предложенные ему назначения, то его вновь зачисляют в действующий резерв ГРУ советником Госкомитета СССР по науке и технике (ГКНТ).

Очень скоро Пеньковский вкусит прелести статуса офицера действующего резерва. Работая под прикрытием заместителя начальника отдела внешних сношения ГКНТ, он будет иметь возможность открыто общаться с приезжающими в Союз иностранными учёными и делегациями, а также неоднократно выезжать в Лондон и Париж. Но пока... Пока в

новом назначении он видел самодурство кадровиков, глухой тупик и конец своим карьерным устремлениям...

* * *

Не надо обладать богатым воображением, чтобы представить, что творилось в душе у Пеньковского после посещения сановных кабинетов держиморд из отдела кадров. Ему, юным лейтенантом познавшему запах пороха и крови, в двадцать лет заслужившему свой первый боевой орден, а в двадцать пять прошедшему горнило войны и победоносно завершившему её с пятью боевыми орденами на груди и погонами подполковника на плечах. Ему, умнице, с блеском окончившему две военные академии и курсы Генерального штаба, отстаивавшему интересы державы на передовой невидимого фронта в Турции, крысы-кадровики отказывают в доверии, ссылаясь на «белогвардейское прошлое» отца. Наконец, ему, человеку деятельному, предлагают уйти в резерв! Боевой полковник – и вдруг резервист в сорок лет от роду?! Никогда!

Думается, что именно эти унижительные аудиенции у твердолобых чинуш, которые внушили ему, что он не нужен, что не может быть востребован из-за «антисоветской деятельности» отца, произвели в душе и голове Пеньковского необратимый переворот. А у него – таланта, сноровки, планов, здорового честолюбия и неутолённых амбиций на двоих. Он жаждет деятельности, он хочет быть оценён по своим заслугам. Он должен добиться признания, пусть не у своих – у чужих, но уж наверняка, чего бы это ему ни стоило! Авантюрный и энергичный Пеньковский не привык ждать у моря погоды, он сам умеет её – погоду – делать. Он привык пробивать стены собственной головой. Он – «человек, который сам себя сделал». И он ещё докажет всем, что чего-то стоит на этом свете!

Так или приблизительно так рассуждал полковник Пеньковский захлопнув за собой двери вельможей от кадров...

Нисколько не умаляя ущерба, нанесённого Пеньковским безопасности страны, и не оправдывая его, хотелось бы наконец установить причинно-следственную связь, узнать, что явилось отправной точкой, что было первично в его предательстве? Быть может, верно: «не кривы змеи, а кривы те расщелины и дыры, через которые им приходится пролезать». И как знать, не применима ли эта восточная истина к «делу Пеньковского»?

Если рассматривать работу Пеньковского на спецслужбы противника, под таким углом зрения, то его измена будет видеться уже как следствие.

Ведь, по его твёрдому убеждению, того служебного положения, которое он заслуживал, ему не дали достичь по сугубо субъективным причинам. Отсюда его обида, в итоге переросшая в манию величия человека, которого не оценили по справедливости.

В качестве моральной компенсации он стал работать для ЦРУ и СИС. Этот «двойной брак» не только льстил ему, он удовлетворял его тщеславие. Вступив в контакт с двумя сильнейшими спецслужбами мира, он счёл, что решает судьбы своей страны и может изменить ход «холодной войны». Он видел себя в качестве ключевой фигуры на международной арене, играя на противоречиях двух враждующих сторон. Отсюда и его панические доклады-пророчества своим американским операторам Джозефу Бьюлику и Джорджу Кайзвальтеру о неизбежности ядерной войны, которую, по его убеждению, развяжет Хрущёв. И его требования к своим английским операторам Майклу Стоуксу и Гарольду Шерголду организовать ему встречу с королевой Елизаветой II, чтобы лично предупредить её об атомной угрозе. Или, к примеру, его параноидальная идея заполучить портативную атомную бомбу, чтобы взорвать её в Москве, когда он почувствует, что США теряют контроль над ситуацией в мире, то есть сработать в упреждающем режиме.

Впрочем, сегодня уже невозможно установить, был ли Пеньковский искренен в своих порывах или по-крупному блефовал, чтобы, преумножив свою значимость в глазах закордонных работодателей, потребовать увеличение гонорара...

* * *

С августа 1960 года и в течение последующих девяти месяцев уязвлённый до глубины души Пеньковский предпринимает маниакальные попытки войти в контакт с ЦРУ, с СИС, с канадскими спецслужбами.

Наконец в мае 1962 года это ему удаётся, и он начинает работать одновременно на две заморские спецслужбы: на ЦРУ под псевдонимом «Герой», на СИС – как «Йог» и «Алекс».

А с июля 1962 года под псевдонимом «Пыжик» Второй главк разрабатывает Пеньковского по подозрению в шпионаже в пользу Великобритании...

...После бегства в СССР сотрудников британского Форин-офиса Маклина и Бёрджесса (оба – агенты КГБ, члены «кембриджской пятёрки») американцы очень недоверчиво относились к своим коллегам из Сикрет

Интеллидженс Сервис. Однако в конце концов начальник Управления тайных операций ЦРУ Ричард Хелмс принял решение, что ЦРУ и СИС следует «вести» Пеньковского сообща.

И, действительно, Пеньковский стал ценнейшим приобретением Центрального разведывательного управления и Секрет Интеллидженс Сервис, их величайшей удачей, которую они не использовали в полной мере. Ибо, благодаря усилиям Второго главного управления КГБ СССР, Пеньковский «таскал каштаны из огня» для своих заморских хозяев лишь шестнадцать месяцев.

Однако всё это время «Герой» поставлял так много материалов, что в ЦРУ по ним работала специальная команда из двадцати переводчиков и аналитиков. В СИС с документами, полученными от «Йога», работали двенадцать экспертов.

Некоторые материалы, касавшиеся планов и намерений высшего советского военно-политического руководства, ЦРУ направляло напрямую президенту Кеннеди.

Так, 23 августа 1961 года Пеньковский через своего связника Гревилу Винна передал сообщение о том, что Хрущёв намерен заключить сепаратный мирный договор с ГДР. Тем самым был спровоцирован очередной Берлинский кризис, когда две супердержавы находились в шаге от развязывания полномасштабных боевых действий в центре Европы.

14 октября 1962 года американский самолёт-шпион «У-2», совершив облёт территории Кубы, сделал снимки строящихся стартовых площадок для ядерных баллистических ракет, а также ангары для их хранения. Однако аналитики ЦРУ сумели определить характер сооружений лишь благодаря секретным документам, переданным Пеньковским через Гревилу Винна. Эти документы «Герой» тайно переснял в Главном ракетно-артиллерийском управлении, куда ему удалось проникнуть благодаря дружбе с главным маршалом артиллерии Сергеем Варенцовым.

16 октября фотографии и пояснения к ним Пеньковского легли на стол президента США Джона Кеннеди, и в мировой истории начал развиваться период, известный как «Карибский кризис». Над миром нависла угроза атомной войны, ибо военное противостояние двух супердержав достигло своего апогея и вполне могло перерасти в открытое ядерное столкновение с непредсказуемыми последствиями. Такому повороту событий отчасти способствовали сведения, переданные Пеньковским, о наших тактических ракетах с ядерными боеголовками, размещённых на Кубе, и о времени их полёта к территории США...

Глава четвертая

Арсенал шпионских аксессуаров

Лишь несколько месяцев спустя после получения примирительного письма Серова генерал Грибанов обратился к председателю КГБ Владимиру Семичастному с предложением установить за Пеньковским круглосуточное наружное наблюдение дома и на работе.

С помощью кинокамеры с дистанционным управлением, установленной в цветочном ящике на балконе соседей Пеньковского, удалось заснять, как он «колдует» с радиоприёмником, настраивая его на определённую волну, слушает передачу и делает какие-то пометки в блокноте.

С целью проведения более скрупулёзного наблюдения за действиями Пеньковского дома подчинённые генерала Грибанова отправили семью, жившую этажом выше, в санаторий на Черноморском побережье, просверлили отверстие в полу и установили микроминиатюрный перископ размером с булавоочную головку.

В течение двух недель оперработники фиксировали, как Пеньковский фотоаппаратом «Минокс» переснимает принесённые домой документы с грифом «Сов. секретно» и орудует с кодами и одноразовыми шифрблокнотами.

Имея на руках такие «kozyри», генерал Грибанов поставил перед председателем КГБ вопрос ребром: провести негласный обыск в квартире Пеньковского.

Лучшие умы Второго главка разработали план, согласно которому объект и его домочадцев удалось выманить из дома на неделю. Для этого токсикологи из спецлаборатории КГБ обработали рабочий стол и стулья в кабинете Пеньковского ядовитым составом, после чего у него на теле появилась экзема. Врачи из поликлиники ГРУ (разумеется, должным образом проинструктированные), объявили, что ему, его жене с малолетним ребёнком придётся лечь в больницу на несколько дней.

За это время сотрудники Второго главка основательно покопались в рабочем столе Пеньковского. Там обнаружили вызвавший восхищение арсенал шпионских аксессуаров: три минифотокамеры «Минокс» – любимый инструмент всех шпионов, позволяющий делать до пятидесяти снимков без перезарядки, – диктофоны, шифры, инструкции и, конечно же, несколько нераспечатанных пачек банкнот по 10 тысяч рублей каждая!

...Однажды оперработники, дежурившие у перископа, стали свидетелями, как Пеньковский рассматривает поддельный советский общегражданский паспорт. Опасаясь, что объект намеревается привести в действие план побега, председатель КГБ Семичастный, согласовав вопрос с Никитой Хрущёвым, приказал арестовать Пеньковского.

Арест произвели 22 октября, в самый напряжённый момент Карибского кризиса, в день, когда президент Кеннеди объявил об установлении американской блокады Кубы. Располагая информацией о том, что советские ракеты на острове находятся в режиме боевой готовности, Вашингтон объявил состояние «тревоги» для своих стратегических ядерных сил.

Четырьмя днями позже, когда Хрущёв заявил о готовности СССР убрать свои ракеты с территории Кубы при условии, что США вывезут своё ядерное оружие из Турции, Карибский кризис был купирован...

Глава пятая

«Ловля на живца»

Только через две недели ЦРУ и СИС узнали о провале своего «суперкрота», но в назначенный день на фонарном столбе № 35 на Кутузовском проспекте появился условный знак, означавший, что «Алекс» оставил в «почтовом ящике» материал для передачи.

Закладкой служил контейнер размером со спичечный коробок, который был спрятан за чугунный радиатор отопления за входной дверью подъезда дома № 5/6 по Пушкинской улице.

Чтобы не вызвать подозрений у сотрудника ЦРУ Ричарда Джекоба, 2 ноября направленного для изъятия тайника, одна группа сотрудников Седьмого управления находилась в укрытии, а другая вела визуальное наблюдение за подъездом из квартиры на втором этаже дома на противоположной стороне улицы. Между ними поддерживалась устойчивая связь по радио.

...Американец долго и медленно кружил по городу, чтобы, как и положено при проведении таких операций, обнаружить за собой «хвост» и, по возможности, «оторваться» от него.

Наконец он подошёл к дому, вошёл внутрь и нагнулся, чтобы изъять закладку. Когда он обернулся, собираясь выйти наружу, в подъезд ворвались бойцы из группы захвата.

Задержание американца спровоцировало комичное внутриведомственное недоразумение во Втором главке. Пока у «почтового ящика» не появился сотрудник ЦРУ, в КГБ ошибочно считали, что Пеньковский работает только на СИС, поэтому им занимался 2-й отдел (английский) Второго главка, которому, согласно правилам конспирации, запрещалось посвящать в свои дела 1-й (американский) отдел. Когда же задержанный американец признался, что он из ЦРУ, 2-й отдел был вынужден, к своему величайшему неудовольствию, заканчивать дело Пеньковского совместно с конкурирующим 1-ым отделом...

Но это произойдёт позже, а пока генерал Грибанов предложил также «на живца» подловить и СИС.

Постоянно ведущееся наблюдение за посольскими резидентурами ЦРУ и СИС не выявило признаков какого-либо перемещения и телефонных переговоров между ними. Это дало повод Второму главку предположить, что ЦРУ, которое уже поняло, что «Герой» раскрыт и арестован, не сочло

нужным информировать о случившемся своих английских коллег.

На следующий день якобы от «Алекса» к англичанам поступил сигнал о необходимости экстренной встречи с ним около здания цирка на Цветном бульваре. С этой целью оперработник, загримированный под Пеньковского, прибыл на обусловленное место. Однако англичане из СИС оказались хитрее и осторожнее цэрэушников и не клюнули на приманку.

2 ноября 1962 года в Будапеште был арестован Гревил Винн, которого 6 ноября доставили в Москву.

* * *

После ареста Пеньковский не отрицал, что вёл шпионскую деятельность, однако отметал все обвинения в измене. Более того, он пытался убедить следователей в необходимости использовать его в качестве «тройного» агента против американцев и англичан. Для этого он предложил конкретный план действий, чтобы заманить в ловушку сотрудника ЦРУ, недавно присланного в резидентуру посольства США в Москве специально для работы с ним.

Следователи пришли к выводу, что это предложение – всего лишь отчаянная мольба обречённого человека. Впрочем, работавшие с Пеньковским следователи никогда не давали ему повода считать, что к нему будет применена высшая мера. Они постоянно прозрачно намекали ему, что его откровенность будет должным образом оценена и он сможет получить более мягкий приговор за сотрудничество со следствием...

Глава шестая

Разбор «залётов»

И сегодня аналитики ЦРУ и СИС продолжают спорить по поводу того, что же привело к разоблачению полковника Главного разведывательного управления Генштаба ВС СССР Олега Пеньковского, и обвиняют друг друга в провале «суперкрота». Рассекреченные материалы из архивов англо-американских спецслужб свидетельствуют, что да, действительно, их сотрудники «вели» агента несогласованно, а порой просто по-дилетантски.

Вместе с тем анализ личностных качеств и поведения Пеньковского позволяет некоторым экспертам, поднатюрившим в «анатомии предательства», сделать вывод, что «завалил» себя он сам. Уж слишком был он увлечён своей ролью «арбитра» в бессрочном матче между двумя великими державами – СССР и США. Уж слишком был он самоуверен, забывая, что время гениальных одиночек – Лоуренса Аравийского и Рихарда Зорге – ушло безвозвратно, и на смену им пришёл коллективный разум в лице Второго главка и Седьмого управления. Именно упоение собственным превосходством и неуязвимостью привели Пеньковского к обескураживающе стремительному провалу.

У полковника Черкашина своя точка зрения:

«Провал и последующее разоблачение Пеньковского произошли главным образом в результате непрофессионализма сотрудников английской разведки. Агент имел прекрасное прикрытие, позволявшее ему без опасений встречаться с представителями иностранных спецслужб. Он даже имел возможность легально выезжать за границу для контактов с опекавшими его сотрудниками СИС и ЦРУ. Но используемые методы работы с ним на территории Союза не были тщательно продуманы и отработаны. Хотя противник применял стандартные и обычно надёжные способы связи с агентом – тайники, закодированные сигналы и сообщения, конспиративные встречи, – обескураживал уровень непрофессионализма. Одновременная работа с агентом двух разведок только увеличивала риск возможного провала.»

Неужели резидентуры ЦРУ и СИС не могли предложить более подходящий способ связи с агентом, чем использование для этих целей жены резидента английской разведки в Москве? Неудачный выбор мест их встреч демонстрировал ограниченность их изобретательности и воображения. Как часто, не вызывая подозрения, люди должны входить в

дома, где они не проживают, не работают и где у них нет никаких других причин для подобных посещений? Встречи проводились днём в оживлённых местах и почти открыто. Более того, Дженит Чизхолм и Пеньковский встречались и выходили (из подъезда) почти сразу друг за другом, без пауз. Тайниковые операции обычно проводятся в вечернее или ночное время, когда улицы пустеют, и в менее подозрительных местах, чем случайные подъезды случайных домов. Создавалось впечатление, что англичане просто забавлялись и искали острых ощущений, осуществляя свои операции практически у нас под носом.

Что касается нас, мы извлекли из всего этого необходимые уроки. Теперь возможность того, что наш агент может быть разоблачён в результате просчётов со стороны работающих с ним сотрудников, практически сведена на нет».

...Впрочем, эти утверждения – всего лишь гипотезы. А истина в том, что провалиться, и не гипотетично, а всамделишно «агент века» мог гораздо раньше. Было так.

В августе 1961 года агент «Мерси», служивший в Военном министерстве Франции, сообщил своему оператору, сотруднику парижской резидентуры ГРУ Вадиму Георгиевичу Ильину, что в военной разведке Советского Союза завёлся «крот», и даже назвал его фамилию – Пеньковский. Когда же в сентябре 1961 года «Мерси» узнал от Ильина, что Пеньковский находится в Париже, то без объяснения причин наотрез отказался от дальнейшего сотрудничества.

Казалось бы, дело ясное: надо срочно информировать Центр о «кроте». Но не тут-то было! Резидент ГРУ в Париже Николай Иванович Чередеев посчитал представленную агентом информацию недостоверной и запретил упоминать её в отчёте. Ильин упорно стоял на своём, но силы были неравны.

Весной 1962 года Ильин вернулся в Москву и поступил в ВДА. После ареста Пеньковского Ильин попытался получить разъяснения от руководства ГРУ, но в ответ услышал: «Ваш «Мерси» – подстава!»

Более того, Чередеев, ставший к тому времени начальником оперативного управления ГРУ, откровенно угрожал Ильину неприятностями, если тот не перестанет «совать свой нос куда-ни-пОпадя и копать в этом деле». Закончилось тем, что Ильин вынужден был уволиться из ГРУ и искать работу во французской редакции «Воентехиздата».

Таким образом, окажись господин Чередеев патриотом, а не шкурником, пёкшимся о собственной карьере, то «крот» Пеньковский был

бы раскрыт годом раньше. Достаточно было своевременно установить за ним наблюдение, и след неизбежно привёл бы нашу контрразведку к местам, где англо-американские операторы Майкл Стоукс, Гарольд Шерголд, Джордж Кайзвальтер и Джозеф Бьюлик «ошкуривали» – отбирали информацию – у своих «Героя», «Йога» и «Алекса» – у триединого в одном лице полковника Пеньковского...

Вместо эпилога

В 1960-х официальная советская пропаганда всячески стремилась преуменьшить значимость той информации, которую Пеньковский «сдал» разведкам США и Великобритании. Однако ущерб, нанесённый государственной безопасности СССР, был настолько огромен, что его невозможно было скрыть даже тройной пропагандистской завесой.

Расследование, проведённое по указанию руководства страны, показало, что с помощью Пеньковского ЦРУ заполучило важнейшую стратегическую информацию о военном потенциале СССР и, в частности, о наших ракетно-ядерных силах. Причём именно в разгар Карибского кризиса, когда военное противостояние двух держав достигло своего апогея, и возникла реальная угроза начала ядерной войны.

Было установлено, что за время шпионского промысла Пеньковский сделал и передал ЦРУ и СИС более 5 тысяч фотоснимков с секретной информацией военного, политического и экономического характера.

Кроме того, спецслужбы Западной Европы от ЦРУ и СИС получили списки из десятков имён сотрудников КГБ и ГРУ, работавших за рубежом легально и нелегально.

Столь существенный урон стал возможным, не в последнюю очередь, из-за особых, выходящих далеко за рамки служебных отношений между Пеньковским и Серовым, из-за коррупции и взяточничества, поразивших Главное разведывательное управление Генштаба ВС в те годы.

Покровительство со стороны Серова и маршала Варенцова обеспечило «кроту» доступ к секретным архивам, к шифртелеграммам из зарубежных резидентур, к документам, подготавливаемым для высшего руководства страны. Согласно внутренним служебным инструкциям и правилам элементарной конспирации эти материалы никак не должны были попасть в поле зрения Пеньковского. И всё же он не только с ними знакомился, нет! – копировал их, переправляя наиболее ценные сведения своим «работодателям».

Работа же под крышей ГКНТ, где Пеньковский занимал должность заместителя начальника отдела внешних сношений, предоставляла ему отличные возможности без труда получать закрытую информацию об экономическом, технологическом и военном потенциале СССР...

Суд над Пеньковским и Винном под председательством генерал-лейтенанта юстиции В.В. Борисоглебского состоялся в Москве с 3 по 11 мая 1963 года.

Несмотря на то, что судебный процесс проходил в закрытом режиме, тем не менее старательно занижались объём и значение той информации, которую Пеньковский поставил своим хозяевам в ЦРУ и СИС. И хотя ему было предъявлено обвинение в измене Родине и шпионаже, однако основной акцент делался на его моральном разложении.

Во время судебного процесса Пеньковский держался самоуверенно. На вопросы отвечал надменно, дерзко. Видимо, рассчитывал, что ему дадут не более десяти лет, а американцы как-нибудь изловчатся и организуют обмен. Однако, когда председатель суда объявил о высшей мере, добавив, что приговор окончательный и обжалованию не подлежит, Пеньковский сломался. Судя по всему, такого исхода он не ожидал, закрыл лицо руками и долго не мог их опустить.

Приговор Пеньковскому был оглашён 11 мая 1963 года и через неделю приведён в исполнение в Бутырской тюрьме.

Гревил Винн, обвинённый в пособничестве и подстрекательстве к шпионажу, был приговорён к восьми годам лишения свободы с отбыванием первых трёх лет в тюрьме, а последующих – в колонии строгого режима. Однако уже через год и восемь месяцев его обменяли на нашего разведчика Конона Молодого, на Западе тот выступал под именем Гордон Лонсдейл, (кстати, прототип главного героя нашумевшего фильма «Мёртвый сезон»).

Вслед за судебным процессом над Пеньковским и Винном:

...Генерал армии Иван Серов был снят с должности начальника ГРУ, понижен в звании до генерал-майора и отправлен в ссылку помощником командующего Уральским военным округом по хозяйственным вопросам. Застрелился, находясь в беспробудном запое.

...Шефу военной контрразведки КГБ генерал-полковнику Петру Ивашутину было присвоено очередное воинское звание «генерал армии», он получил новое назначение – начальник Главного разведывательного управления Генштаба ВС СССР.

...Главный маршал артиллерии Сергей Сергеевич Варенцов был вынужден оставить должность начальника Главного управления ракетных войск и артиллерии и вскоре умер. Сегодня его имени не найти ни в одном справочнике или энциклопедическом словаре.

...В последовавшей за судебным процессом перетряске руководящего и оперативного состава ГРУ около трёхсот работавших за рубежом военных разведчиков были отозваны в Москву и многие из них уволены с формулировкой «служебное несоответствие».

...После суда восемь английских и пять американских дипломатов были объявлены персонами «non grata» и выдворены из Советского Союза.

Иллюстрации

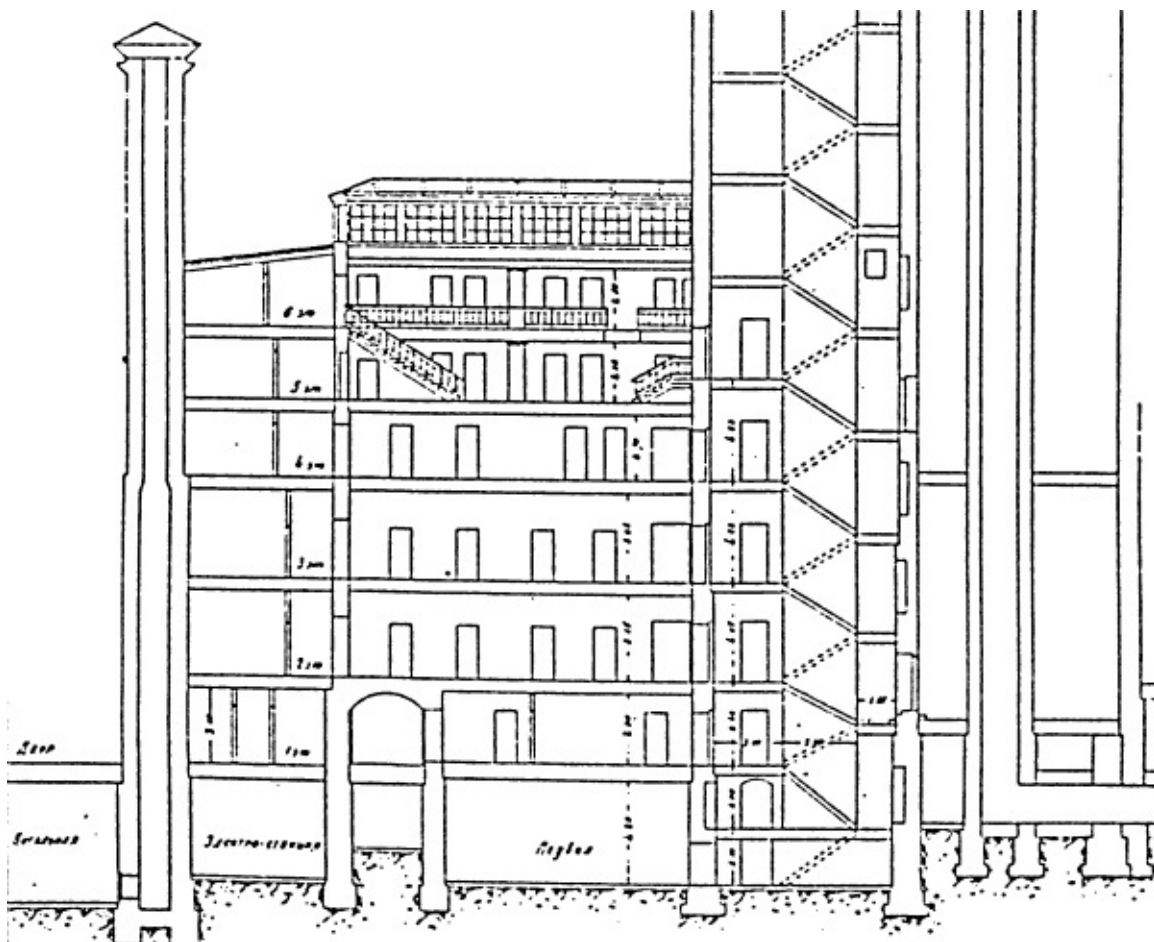
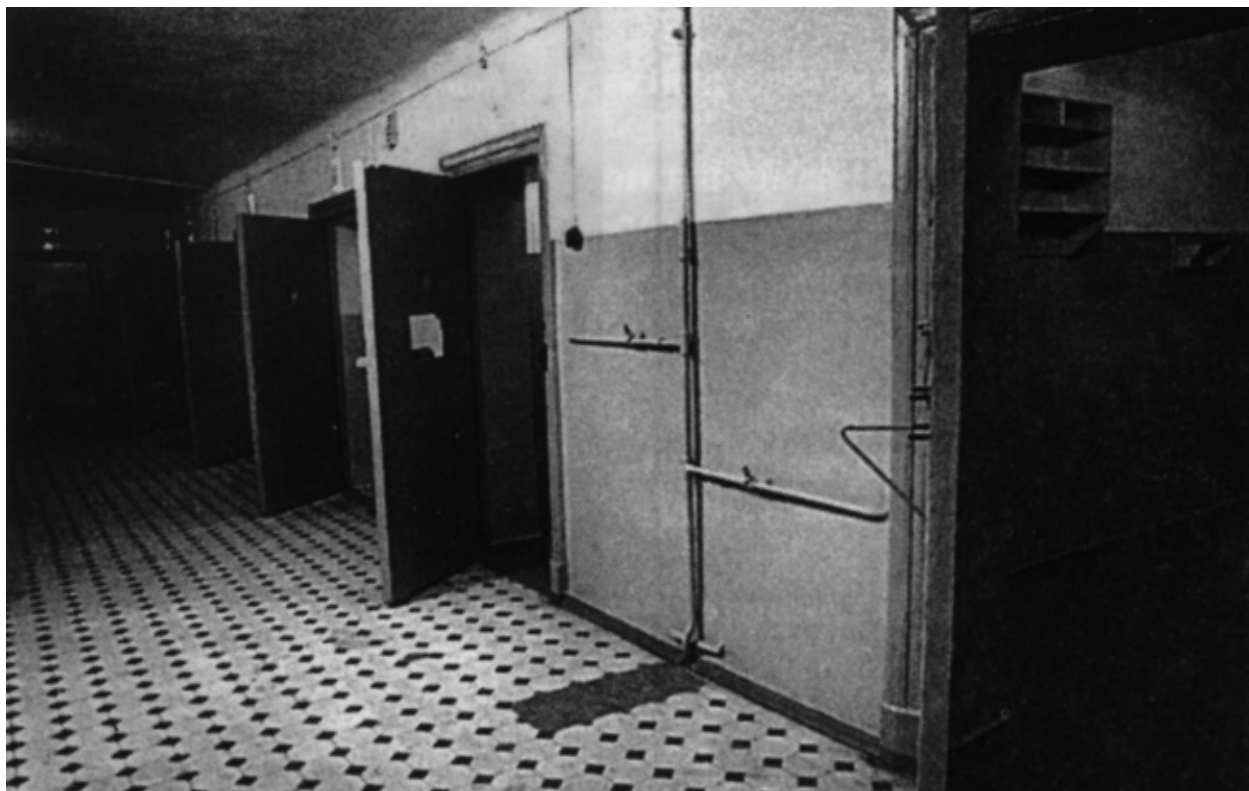

Схема Лубянской (внутренней) тюрьмы

Четыре камеры Лубянской тюрьмы, превращенные в музей. Вход – только для лиц, имеющих допуск к работе с секретными документами

Даниэль Дефо

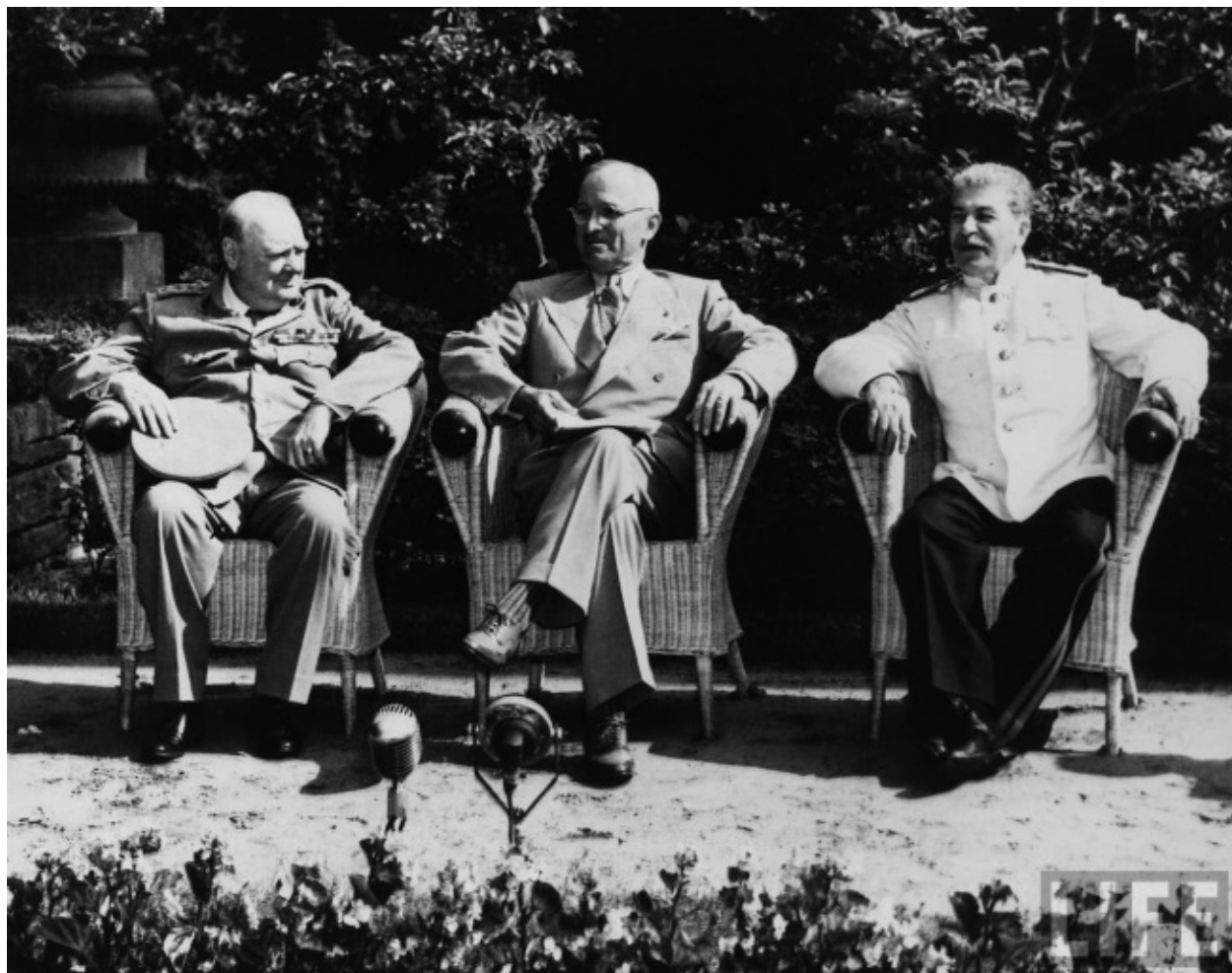
Пьер Огюстен де Бомарше

Сомерсет Моэм

Ян Флеминг

И. Сталин, Г. Трумен, У. Черчилль на Потсдамской конференции

Боровицкие ворота
Московского Кремля

Л.И. Брежнев

Глава католической разведывательной службы «Pro Deo» преподобный отец Морлион

Команданте Фидель Кастро Рус

Самолет Матиаса Руста над Красной площадью 28 мая 1987 г.

Ким Филби

Энтони Блант

Дональд Маклин

Гай Берджесс

Джон Кернкросс

Первый террорист Советского Союза Сосо Цертели

Первая террористка Советского Союза Тамара Патиашвили

Рейс «Шереметьево – Лефортово». Сзади, в центре – Моторин, агент ФБР «Гоз», слева, впереди – заместитель командира группы «Альфа», подполковник В.Н. Зайцев. 11 декабря 1985 г.

Председатель КГБ СССР В.М. Чебриков и один из героев книги, заместитель командира группы «Альфа» Владимир Зайцев (слева, в кимоно)

Уинстон Черчилль

Бернард Лоу Монтгомери

Герд фон Рундштедт

Эрвин Роммель

Семен Гендлер в 1976 г. В домашних условиях изготовил АОН, назвав его «НОС» (Номер Определяет Семен)

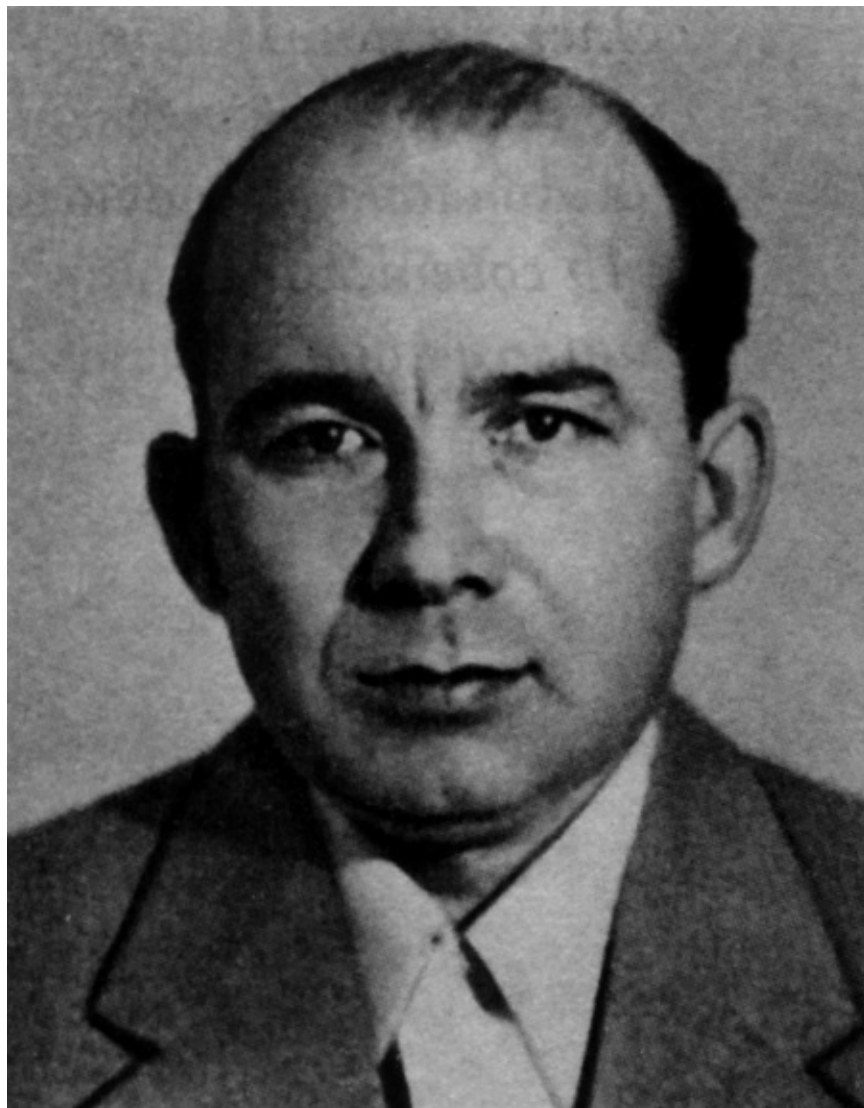
Операционный зал Агентства национальной безопасности, снабженный АОН, для прослушивания телефонов сотрудников советского посольства в Вашингтоне. 1987 г.

Операция московской резидентуры ЦРУ «Бильярдный шар». Установка автоматического устройства на одном из подземных кабелей телефонной связи в пригородной зоне Москвы

Приемно-передающая антенна, соединенная кабелем с электронным блоком

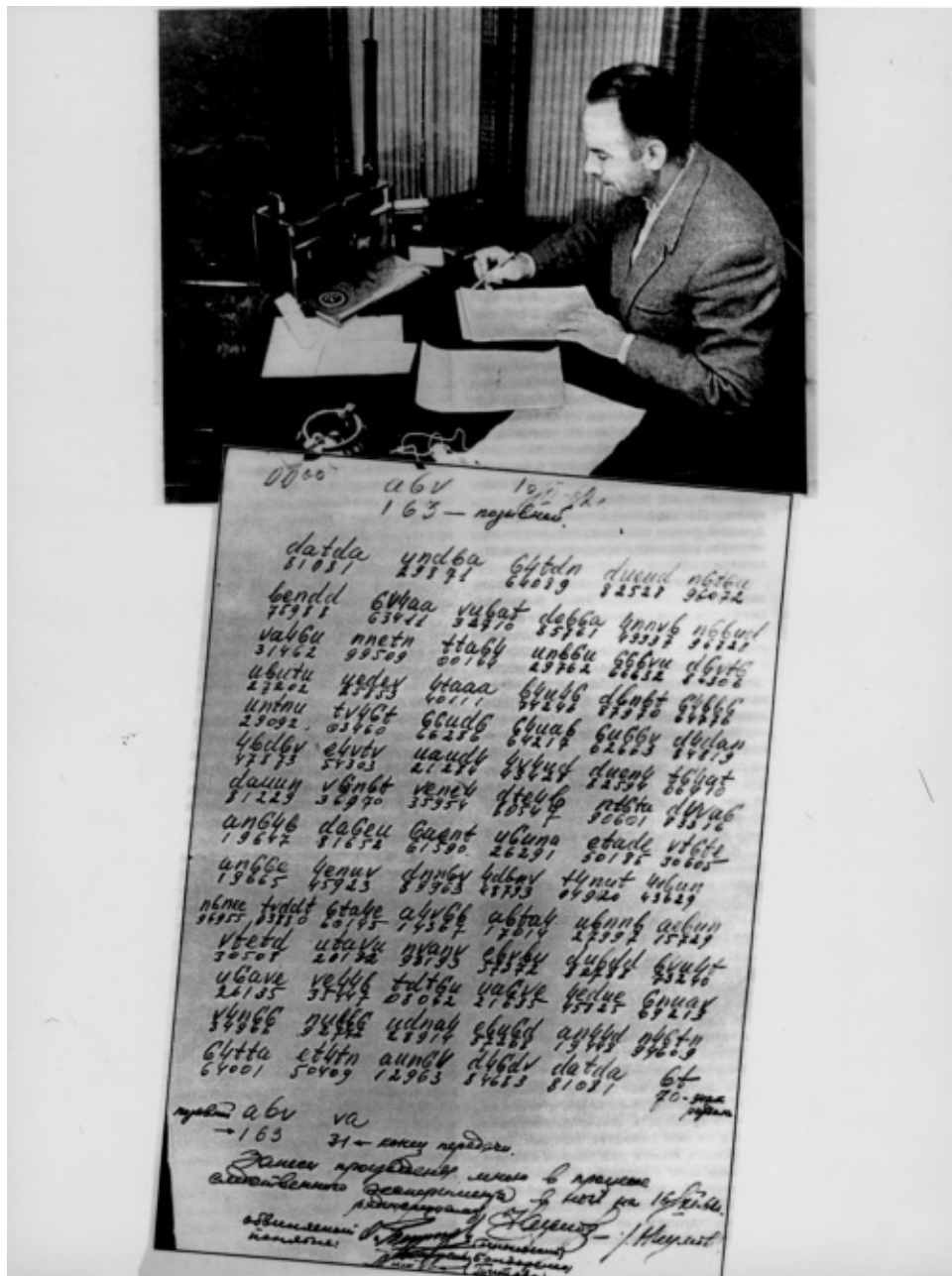
Петр Попов – первый «крот» в ГРУ

Главный маршал артиллерии С.С. Варенцов

И.А. Серов, председатель КГБ СССР в 1954–1958 гг., начальник ГРУ в 1958–1968 гг.

Олег Пеньковский на следственном эксперименте 16 ноября 1962 г. И принятая им радиограмма

0000 abv 10:00-10:15
163 - rozukras.

datda	undba	gftdn	duand	neten
51031	23591	24039	22521	22022
bendd	6Waa	vubaf	dabba	hnyv
75911	63411	34970	35921	43237
valbu	nnetn	ftabv	unbba	666vu
31462	99509	00769	29762	06632
ubutu	vedex	haaa	buub	abnt
27622	27753	40111	24222	27230
untuu	tvvct	ccudb	cuab	buuv
29092	03460	66236	64216	62203
4bdlv	elvtv	uaudv	gvud	duant
47173	57303	27229	28622	21594
dauuy	vbnbt	venex	dtalv	nbba
31223	36970	35954	10767	30601
anb4b	dabau	Caent	ubano	etade
19642	81652	61590	26291	30171
anb6c	zenav	dnmbv	balov	4mut
19665	45923	89303	27773	49220
nme	tdidt	stake	avbb	abvaf
01925	33310	25705	14507	17074
vtetd	utavu	nyavv	evbu	4vuyd
30707	20192	93793	57372	23260
ugave	velib	talbu	vabv	vedue
26135	37447	01022	27021	17725
vun6a	nubic	udnab	ebudv	avllv
34926	32822	28914	32263	19443
cltta	ebtn	aunbv	dvbu	datda
64001	50909	12963	54653	81031

70-я
163

31 - экз. передано.

Закон производится только в присутствии
адвокатов осужденного и лиц на 16:00
вместе с...
наименование...

Н.С. Хрущев и Р.Я. Малиновский

Олег Пеньковский (на втором плане) во время судебного процесса

notes

Примечания

Англосаксы – общее название германских племён *англов, саксов, фризов и ютов*, вторгнувшихся с материка и завоевавших в V–VI вв. Британию. Позднее *англосаксы*, смешавшись с *датчанами и норвежцами*, положили начало *англосаксонской* народности, чьи потомки в XVII–XVIII вв. начали завоёвывать североамериканский континент. Сегодня *англосаксы* (не считая Западной Европы) составляют большинство населения Соединённых Штатов и Канады.

Маркус Вольф – родился в 1923 году в семье врача-еврея Лейбы Вольфа. В 1933 году, после прихода к власти Гитлера, вся семья, чудом избежав расстрела, бежала в Швейцарию, откуда по линии Коминтерна была переправлена в Москву, где поселилась в знаменитом Доме на набережной. Десятилетний Маркус, обладая феноменальными лингвистическими способностями, овладел не только русским языком, но и, обучаясь на философском факультете МГУ, постиг и свободно говорил на шести европейских языках. В 1952 году, получив в СССР высшее общегражданское и чекистское образование, Маркус был направлен в рапоряжение Главного управления разведки ГДР, которым руководил почти 30 лет – беспрецедентный случай в истории разведок мира!

В 1989 году над Маркусом Вольфом в Берлине состоялся суд объединённой Германии. Горбачёв, с подачи министра иностранных дел Козырева, идя в фарватере политики американской администрации, публично отказался от Вольфа. Но... Помощь пришла с неожиданной стороны. Учитывая еврейское происхождение Маркуса Вольфа, Израиль для его защиты направил в ФРГ четырёх своих лучших адвокатов. После оправдательного вердикта израильские адвокаты предложили Маркусу Вольфу должность консультанта главы МОССАД. Вольф отказался и с помощью друзей-соратников из КГБ скрылся в Москве. В 2006 году умер в ФРГ.

«Крот» – офицер спецслужбы, высокопоставленный чиновник или депутат парламента, действующий в интересах противника. Занимая престижную должность, имярек исправно, а иногда с ещё большим рвением, чем прежде, продолжает исполнять функциональные обязанности в своей синекуре, а всю секретную и особой важности информацию «сливает» своим новым хозяевам-иноверцам. Разумеется, за приличное вознаграждение, во много раз превышающее его должностной оклад. Это – самая опасная и убыточная для любого государства разновидность изменников.